

Академия наук
СССР

**ДИАЛЕКТИКО-
МАТЕРИАЛИСТИ-
ЧЕСКИЙ
МЕТОД
ПОЗНАНИЯ**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт философии

ДИАЛЕКТИКО- МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКИЙ МЕТОД ПОЗНАНИЯ

Ответственный редактор
доктор философских наук

Й. ЭЛЕЗ

Москва «Наука» 1990

ББК 15.1

Д44

Редакционная коллегия:

Г. Д. ЛЕВИН, ЛЕ ХЫУ ТАНГ, А. П. ШЕПТУЛИН

Рецензенты:

доктора философских наук Б. В. БОГДАНОВ, А. Б. ПУПКО,
кандидат философских наук О. Ф. ИВАНОВ

Редактор издательства В. С. ЕГОРОВА

Д44 **Диалектико-материалистический метод познания/И. Элез, Нгуен Ван Нгиа, Нгуен Зуй Куи и др.— М.: Наука, 1990.— 256 с.**
ISBN 5—02—007950—2

В коллективном труде советских и вьетнамских философов разрабатывается диалектико-материалистический метод познания: его структура, формы, основополагающие принципы. Философский анализ сущности диалектико-материалистического метода связывается с социально-политическими задачами перестройки и формирования нового мышления в социалистическом обществе. Раскрывается и актуализируется значение диалектического метода как важнейшего фактора революционного преобразования действительности.

Для философов, обществоведов.

Д $\frac{0301040000-140}{042(02)-90}$ 12—90 II полугодие

ББК 15.1

Научное издание

ДИАЛЕКТИКО-МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКИЙ МЕТОД ПОЗНАНИЯ

Утверждено к печати Институтом философии АН СССР

Художник Б. М. Рябышев. Художественный редактор М. Л. Храмцов.
Технические редакторы Л. В. Прохорцева, Т. А. Калинина
Корректоры И. Г. Коваленко, Л. В. Щеголев

ИБ № 38996

Сдано в набор 05.02.90. Подписано к печати 20.04.90.
Формат 84×108 $\frac{1}{32}$. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. печ. л. 13,44. Усл. кр. отт. 13,65.
Уч.-изд. л. 14,2 Тираж 1500 экз. Тип. зак. 65. Цена 1 р. 90 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

4-я типография издательства «Наука»
630077 Новосибирск, ул. Станиславского, 25,

ISBN 5—02—007950—2

© Издательство «Наука», 1990

ПРЕДИСЛОВИЕ. ЗНАЧЕНИЕ МЕТОДА

Не предвосхищая и не повторяя сказанного в тексте, здесь мы лишь вкратце остановимся на *значении метода*. То, что в марксизме явилось непреходящим завоеванием человеческой мысли, относится прежде всего к методу, к научной убежденности в том, что в материалистической диалектике был найден истинный метод познания. Марксистская философская позиция, которая упускает из виду особое значение метода, вырождается, как правило, в догматизм. Важно помнить, что диалектико-материалистический метод, как его понимали основоположники марксизма-ленинизма, является самым существенным препятствием к такому перерождению. В этой философии — как и в науке, которая на ее позициях основывается, — не столь существенно установление (утверждение) мира истин, сколько поиск истины о мире. «Мы выступим перед миром не как доктринеры с готовым новым принципом: тут истина, на колени перед ней! — Мы развиваем миру новые принципы из его же собственных принципов»¹. В этом К. Маркс усмотрел коренное отличие «революционной науки» от «науки доктринерской». «Все миропонимание Маркса, — отмечал Ф. Энгельс, — это не доктрина, а метод. Он дает не готовые догмы, а отправные пункты для дальнейшего исследования и метод *для* этого исследования»².

Если упустить из виду преимущество метода над уже постигнутыми истинами, тогда определение марксизма как мысли современной эпохи лишается существенного содержания и действительного теоретического обоснования. То, что делает эту мысль философией нашего времени или «земной основой» всякой действительной мысли, выражается не только в содержащемся в ней «готовом знании», но также и прежде всего в воз-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 381.

² Там же. Т. 39. С. 352.

возможности его возрождения, постоянного обогащения и углубления — в силе его отношения к действительным изменениям и к каждому новому историческому опыту. Значение диалектико-материалистической философии состоит не только и не столько в том, что ей удалось открыть, сколько в том, что она еще может открыть, в ее возможностях.

При этом следует иметь в виду, что преимущество метода вытекает не из того, что он является чем-то полностью законченным в отличие от постигнутых знаний, которые могут углубляться или производиться. То, что придает методу такое значение, кроется, с одной стороны, в самом философском и научном знании, в необходимости преодоления его границ, которые обнаруживаются с изменением и развитием самого этого содержания. Если связь между установленными знаниями и методом разрывается, если первые обособляются от последнего, превращаются в основу новых знаний, тогда связь с действительным содержанием диалектической мысли — философской и научной — утрачивается, а знание, лишенное внутренних соков, которые может предоставить ему только изменяемость его предмета, вырастает в канон догматизированного, дрессированного, ленивого мышления.

На необходимость преодоления именно такого «ленивого мышления» необходимо обращать особое внимание в связи с насущной задачей воспитания у советских людей *нового мышления*, вернее диалектического мышления, органического усвоения логики такого мышления — *диалектической логики* как одной из необходимых предпосылок осуществления действительно революционных преобразований общественной жизни в современную эпоху. Перестроечные процессы, протекающие в нашем обществе, «толкают» к такому воспитанию и усвоению, что абсолютно необходимо для преодоления разброда и шатаний в нашей перестроечной деятельности и для поднятия этой деятельности на высоту критически революционных принципов, на принципиальную высоту, без всякой ссылки на образность, без какой-либо неопределенности, непоследовательности, половинчатости и недоговоренности. Инициаторы перестройки нашего общества с самого начала дали понять, что она невозможна без перестройки в сфере мышления, общественного сознания, без овладения критически революционным методом, которое не

обходится без творческого усвоения классического марксистско-ленинского наследия, теоретического и практического опыта марксизма. Такое усвоение достигается не просто тем, что принимаются все конкретные знания, к которым в свое время пришли классики, и не только тем, что мы будем принимать всякую идею их видения нового мира, а прежде всего тем, что самостоятельно, на основе богатого опыта собственного времени вырабатываем взгляды на то новое, что приносит сама жизнь, что предоставляет действительно историческое развитие. Великое и оригинальное в мысли наших классиков состоит как раз в том, что она делает необходимым отказ от всякого требования паразитировать на постигнутых знаниях, искать в них «принципы мира». Нет надобности особенно подчеркивать, что мы больше объясняем *из* классиков, нежели их *методом*.

Речь здесь идет не о зазубривании готовых истин, а прежде всего о наилучшем методе приобретения новых знаний о нашей действительности, об обществе, в котором мы живем, о том, что совершается перед нашими глазами, о методе открытия и разрешения его противоречий в рамках верно понятой и ясно высказанной исторической перспективы. Речь, короче, идет о диалектическом методе, о его освобождении от догматическо-бюрократических и позитивистских извращений и его разработке. Известно, что выхолащиванию критически революционной сущности диалектики сопутствовало превращение марксистской философии в то, что Л. Фейербах называл «бездушным», а К. Маркс — человеконенавистническим, мизантропическим, враждебным человеку материализмом; она превращалась или в служанку политического волюнтаризма (в период культа личности), или же в служанку частной науки, методологии технологической рациональности и технологической эффективности, некритическое отношение к границам частных наук, выражающееся в провозглашении частнонаучной практики единственной формой познания и очеловечивания мира. И в том и в другом варианте существующая действительность провозглашается как такая целостность, которую теория должна только объяснять, а не открывать ее исторические границы. В первом случае это было связано с оправданием волюнтаризма власти, во втором — с внесением в общественную практику возможно большей технологической рациональности и эффективности.

возможности его возрождения, постоянного обогащения и углубления — в силе его отношения к действительным изменениям и к каждому новому историческому опыту. Значение диалектико-материалистической философии состоит не только и не столько в том, что ей удалось открыть, сколько в том, что она еще может открыть, в ее возможностях.

При этом следует иметь в виду, что преимущество метода вытекает не из того, что он является чем-то полностью законченным в отличие от постигнутых знаний, которые могут углубляться или производиться. То, что придает методу такое значение, кроется, с одной стороны, в самом философском и научном знании, в необходимости преодоления его границ, которые обнаруживаются с изменением и развитием самого этого содержания. Если связь между установленными знаниями и методом разрывается, если первые обособляются от последнего, превращаются в основу новых знаний, тогда связь с действительным содержанием диалектической мысли — философской и научной — утрачивается, а знание, лишенное внутренних соков, которые может предоставить ему только изменяемость его предмета, вырастает в канон догматизированного, дрессированного, ленивого мышления.

На необходимость преодоления именно такого «ленивого мышления» необходимо обращать особое внимание в связи с насущной задачей воспитания у советских людей *нового мышления*, вернее диалектического мышления, органического усвоения логики такого мышления — *диалектической логики* как одной из необходимых предпосылок осуществления действительно революционных преобразований общественной жизни в современную эпоху. Перестроечные процессы, протекающие в нашем обществе, «толкают» к такому воспитанию и усвоению, что абсолютно необходимо для преодоления разброда и шатаний в нашей перестроечной деятельности и для поднятия этой деятельности на высоту критически революционных принципов, на принципиальную высоту, без всякой ссылки на образность, без какой-либо неопределенности, непоследовательности, половинчатости и недоговоренности. Инициаторы перестройки нашего общества с самого начала дали понять, что она невозможна без перестройки в сфере мышления, общественного сознания, без овладения критически революционным методом, которое не

обходится без творческого усвоения классического марксистско-ленинского наследия, теоретического и практического опыта марксизма. Такое усвоение достигается не просто тем, что принимаются все конкретные знания, к которым в свое время пришли классики, и не только тем, что мы будем принимать всякую идею их видения нового мира, а прежде всего тем, что самостоятельно, на основе богатого опыта собственного времени вырабатываем взгляды на то новое, что приносит сама жизнь, что предоставляет действительно историческое развитие. Великое и оригинальное в мысли наших классиков состоит как раз в том, что она делает необходимым отказ от всякого требования паразитировать на постигнутых знаниях, искать в них «принципы мира». Нет надобности особенно подчеркивать, что мы больше объясняем *из* классиков, нежели их *методом*.

Речь здесь идет не о зазубривании готовых истин, а прежде всего о наилучшем методе приобретения новых знаний о нашей действительности, об обществе, в котором мы живем, о том, что совершается перед нашими глазами, о методе открытия и разрешения его противоречий в рамках верно понятой и ясно высказанной исторической перспективы. Речь, короче, идет о диалектическом методе, о его освобождении от догматическо-бюрократических и позитивистских извращений и его разработке. Известно, что выхолащиванию критически революционной сущности диалектики сопутствовало превращение марксистской философии в то, что Л. Фейербах называл «бездушным», а К. Маркс — человеконенавистническим, мизантропическим, враждебным человеку материализмом; она превращалась или в служанку политического волюнтаризма (в период культа личности), или же в служанку частной науки, методологии технологической рациональности и технологической эффективности, некритическое отношение к границам частных наук, выражающееся в провозглашении частнонаучной практики единственной формой познания и очеловечивания мира. И в том и в другом варианте существующая действительность провозглашается как такая целостность, которую теория должна только объяснять, а не открывать ее исторические границы. В первом случае это было связано с оправданием волюнтаризма власти, во втором — с внесением в общественную практику возможно большей технологической рациональности и эффективности.

Восстановление самостоятельности философии на основе аутентичного овладения диалектическим методом, который, говоря словами Маркса, ни перед чем не преклоняется и не пасует перед властями предрешающими, весьма существенно для преодоления интерпретации марксистской философии в духе позитивизма, структурализма, функционализма и натурфилософии, возвращения ей статуса философии революционного действия, которая изучает условия и возможности изменения совокупной структуры существующего мира. Целостность действительности, о которой говорит эта философия, есть не познание существующей структуры фактов, а программное целое, требование создания аутентичного мира, т. е. мира как опредмечивания всестороннего человека. Вопрос о целостности, таким образом, является существенным для уяснения самобытного смысла Марксова понимания диалектики, которая и возникла как философская теория, которая ставит и решает вопрос о смысле целостности действительности.

Говоря о преимуществах метода перед готовым знанием, мы далеки от того, чтобы утверждать, будто метод, или путь приобретения знаний, есть нечто такое, что сторонники диалектико-материалистической философии могли бы просто усвоить, что в готовой, законченной форме находилось бы перед ними и что они должны были бы только «применить» к миру, в котором живут. Одна из целей предлагаемого вниманию читателей труда состоит в том, чтобы это показать. Именно развитие, изменение мира, или «предмета» познания, диктует потребность изменения самого метода овладения им, т. е. диалектический метод определяется не только своей основой, но и самим предметом изучения. Из этого, кстати, и вытекает невозможность установления каких-либо абстрактных правил, которые познание должно было бы только применять в процессе поиска истины. Обобщая трудности своих экономических исследований, Маркс специально отмечал: «Следует, разумеется, всегда иметь в виду, что как только перед нами встает какое-нибудь конкретное экономическое явление, к нему никогда нельзя просто и непосредственно применять общие экономические законы»³. Как только обнаруживается, что для устранения трудно-

³ Там же. Т. 47. С. 396.

стей, с которыми встречается поиск научной истины, не могут наперед быть даны общие рецепты — потому, что они вытекают из изучения действительной жизни и деятельности индивидов каждой эпохи, — тогда покончено с «ленивым» мышлением, которое ищет опору не в действительной жизни, а в постигнутых знаниях о ней, покончено с «врожденной» потребностью доктринеров, которые обращаются к жизни только для того, чтобы выразить свое к ней презрение, тем более сильное, чем больше действительность противоречит их мечтаниям, их окостеневшим знаниям, всему, что они извлекали из обособленных абстракций, оторванных от жизни и противопоставленных общественно-исторической деятельности людей.

При таком подходе становится понятным значение того определения материалистической диалектики, которое дает Маркс в послесловии ко второму изданию первого тома «Капитала», и отличие ее от абстрактной мистической идеалистической диалектики, на которое он здесь указывает. Мистифицированной форме диалектики, в которой «казалось, будто она прославляет существующее положение вещей»⁴, противопоставляется ее «рациональный вид», в котором «в позитивное понимание существующего она (диалектика. — *Й. Э.*) включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели, каждую осуществленную форму она рассматривает в движении, следовательно также и с ее преходящей стороны, она ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна»⁵. Существенным здесь является обоснование возможности того, чтобы познание существующего выступило в форме его критики, следовательно, того, чтобы диалектика приобрела критический смысл. Она больше не есть метод «чистого» философского созерцания, которое приходит после того, как все закончено.

С материалистической диалектикой происходит то же, что и с пролетарской революцией, что и понятно, ибо она революционно и непосредственно служит изменению мира. Пролетарская революция в своей первой фазе имеет преимущественно деструктивный характер, характер отрицания, уничтожения капиталистической системы. Но после победы революции, как это неодно-

⁴ Там же. Т. 23. С. 22.

⁵ Там же.

кратно подчеркивал В. И. Ленин, на первый план выступает конструктивная, творческая, креативная роль пролетариата, завоевавшего власть. То же самое происходит с диалектикой. Если в капиталистическом обществе диалектика была прежде всего орудием для критики существующего, то в условиях социалистического государства она становится в первую очередь руководством к действию по конструктивному общественному преобразованию и революционному построению новой формы общества. Она становится методом открытия противоречий в движении к высшей общественной форме, с одной стороны, и руководством по их развитию, разрешению и практическому преодолению — с другой.

Благодаря своему философскому методу марксизм сохраняет свой творческий характер. Творческий марксизм есть марксизм, повернутый к научной теории и революционным проблемам нашего времени. Это — марксизм, который находится в постоянном всестороннем «диалоге» с революционной практикой. Это — не только учение, которое вдохновляется перенятием достижений современной эпохи, но учение, которое вдохновляет и направляет само прогрессивное научно-теоретическое и общественно-историческое движение нашего времени. И об этом надо всегда помнить при действительной разработке материалистического диалектического метода и диалектической логики как учения об этом методе.

I

ОСНОВНЫЕ ОБЩИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДИАЛЕКТИКО- МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО МЕТОДА

Глава первая

ПРЕВРАЩЕНИЕ

К. МАРКСОМ и Ф. ЭНГЕЛЬСОМ

ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МЕТОДА

В НАУЧНЫЙ МЕТОД ПОЗНАНИЯ

И РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ МИРА

Основоположники марксизма, критически преодолев коренные недостатки предшествующего им созерцательного материализма, создали новый материализм. Причем «не на повторение старого обратили свое внимание Маркс и Энгельс, а на серьезное теоретическое развитие материализма, на применение его к истории, т. е. на *доставление* здания материалистической философии *доверху*. Совершенно естественно, что они *ограничивались* в области гносеологии исправлением ошибок Фейербаха, высмеиванием пошлостей у материалиста Дюринга, критикой ошибок Бюхнера (см. у И. Дицгена), подчеркиванием того, чего этим наиболее распространенным и популярным в рабочей среде писателям особенно не доставало, именно: диалектики»¹.

Это ни в коем случае нельзя понимать так, будто Маркс и Энгельс довольствовались натуралистическим материализмом «внизу», во взглядах на природу, и что им принадлежит лишь попытка построить на этой основе свое материалистическое понимание истории, исторический материализм. Распространение материа-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 255—256.

лизма на область общественной истории было невозможно без того, что представителям натуралистического материализма «особенно недоставало», именно — без диалектики как метода и революционной практики как исходной реальной позиции. Формирование исторического материализма знаменовало собой соединение материализма и диалектики и реконструкцию с позиций революционной практики цельного материалистического миропонимания. Открытие категории практики и установление ее места и значения в системе материалистического мировоззрения дало возможность преодолеть дуализм природы и истории и продолжить путь к созданию диалектического материализма. Формирование исторического материализма явилось существенной составной появлением диалектического материализма, способом его формирования, условием одновременного возникновения диалектического и исторического материализма в форме единого и цельного материалистического учения. Ориентацией на революционное изменение общества и открытием пролетариата как субъекта такого изменения объясняется тот факт, что основоположники марксизма, особенно Маркс, задачу развития материалистического мировоззрения ставили прежде всего как проблему выработки материалистического понимания общественной истории, в процессе которой и строился «новый материализм». Переход от натуралистического материализма к новому материализму в определенном смысле равнозначен переходу от буржуазного воззрения к пролетарскому, а в период развитого капитализма — переходу от консервативно-буржуазного к революционному миропониманию. «Точка зрения старого материализма есть „гражданское“ общество; точка зрения нового материализма есть *человеческое* общество, или обобществившееся человечество»². Соединение материализма и диалектики в единое материалистическое миропонимание осуществлялось в процессе соединения философии с революционной практикой, вооружения субъектов этой практики революционной теорией и методом.

Само собою ясно, что для построения такого миропонимания, которое может помочь пролетариату осознать себя и быть методом его революционной деятельности по изменению мира, недостаточно было осущест-

² Маркс К. Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 4.

вить диалектическое возрождение материализма. Не менее важным и даже более трудным было материалистическое возрождение диалектики. Новый материализм Маркса и возник, если рассматривать это возникновение в плане развития философии, в результате диалектической переработки материализма и материалистической переработки диалектики. Эта переработка (или обе эти переработки) осуществлялась на основе единого практического и теоретического принципов и имела своим результатом истинное соединение материализма с гуманизмом. Сказанное здесь имеет принципиальное значение как для уяснения того, что материалистическая диалектика уже в своем возникновении и в своих функциях обнаруживает свою революционно-критическую сущность, свой истинно гуманистический смысл и назначение.

Марксистская диалектика как теория человеческого освобождения формировалась в процессе критического преодоления предшествующего материализма, включая феербаховский, и предшествующего идеализма, включая гегелевский. Непосредственным предметом критики делались высшие достижения предшествующей философии и их следствия, т. е. те достижения, в которых старая философия достигла вершины своего развития. Эта критика велась одновременно с критикой того действительного состояния, которое не только делает возможной и обуславливает данную философию, но и находит в ней свою собственную идеальную сущность и подтверждение. Критика эта состояла не в простом указании на слабости и бездоказательных упреках, а в выведении этих слабостей на основе анализа критикуемых позиций с целью раскрыть смысл и досягаемость их преодоления, увидеть то новое, что таким образом достигнуто в философии, дать оценку, включающую прослеживание не только того ценного, что в преодолеваемой позиции было достигнуто и имеет непреходящее значение, но и того, что в новом каким-то образом сохраняется либо в субстанциальной форме (как «рациональное зерно» старого), либо в форме, оставляющей след в самом новом или на пути, приведшем к нему.

Критика учений, явившихся непосредственными философско-теоретическими источниками марксистской философии, велась с целью преодоления как общих им недостатков, так и ограниченностей (и ошибок), специ-

фичных для каждого из них. Общим для всех этих учений было идеалистическое понимание истории. Поэтому и критика осуществлялась в форме критики идеологии как превратного отражения общественной истории. В этом же русле осуществлялась и выработка материалистического понимания истории (см. «Немецкую идеологию»), с возникновением которого диалектика приобретала совершенно новую основу. Определяя впоследствии метод, примененный в «Капитале» как диалектический, Маркс вместе с тем подчеркивал, что он изложил материалистическую основу своего метода³ в своем предисловии к «К критике политической экономии», где, как известно, он дал лишь сжатое изложение нового понимания истории.

Отсюда можно заключить, что материалистическая диалектика как общефилософская теория и метод появилась впервые в форме историко-материалистической теории и метода, прежде всего теории революционной практики — революционной теории, которая подходит к существующему положению вещей с целью его изменения, объясняет и ускоряет историческое направление изменения мира, или диалектику действительной истории, в которой она находит опору для критической оценки наличной действительности и ее идейных отражений. И по своему происхождению, и по своим функциям она есть самосознание революционной практики пролетариата. С ее возникновением философия перестает быть мышлением о мире как исключительно потусторонней и независимой от исторического субъекта объективности: она становится философией мира, которая не просто извне созерцает мир, развивающийся без участия человека, а внутренним образом входит в мир, становясь существенным фактором его прогрессивного развития, — совершенно точно так же, как и ее основатели, принимавшие активное участие в революционном рабочем движении того времени, в его реальных битвах.

Поэтому говорить о революционности и критичности некоторой теории, изолирующей от практики реального исторического движения, так же несерьезно, как говорить об объективной истинности мышления, изолирующегося от практики. Поэтому вместо требований связывать марксистскую философию с жизнью, с прак-

³ См.: Там же. Т. 23. С. 20.

тикой, выражаемым в форме долженствования, точнее было бы сказать: вернуть нашей философии марксистский характер, ибо единство этой философии с практикой, с жизнью является ее сущностным общим определением.

Именно поэтому нельзя отделить марксистскую философию от практики, прежде всего от революционной практики, чтобы она при этом и дальше осталась истинно марксистско-ленинской.

Становясь диалектическим, историческим и практическим, материализм не перестает быть материализмом: «новый материализм» (так Маркс в «Тезисах о Фейербахе» назвал свою философскую позицию) есть дальнейшее развитие материализма, поднятие его на качественно иной уровень посредством критического преодоления его предшествующих направлений — во-первых, «абстрактного естественнонаучного материализма, исключающего исторический процесс», недостаток, обнаруживающийся «уже в абстрактных и идеологических представлениях его защитников, едва лишь они решаются выйти за пределы своей специальности»⁴, во-вторых, механистического материализма, который, по словам Фейербаха, является «бездушным», а по словам Маркса — «враждебным человеку»; в-третьих, сенсуалистского материализма, который, хотя и тяготеет к социализму, не дает возможности для преодоления абстрактного гуманизма и освобождения социализма от утопии.

В связи с последним целесообразно заметить, что различные формы идеологического философского сознания основоположники марксизма оценивали с точки зрения того, какое участие они принимали в движении общества и в какой мере они содействуют превращению его в общество свободных людей. Преодоление абстрактного гуманизма, освобождение социализма от утопии и превращение его в науку осуществлялось ими с целью решения исторических задач того движения, в котором они принимали активное участие. Следовательно, критика ими идеологического философского сознания и сама выработка ими нового типа рациональности были для них не самоцелью, а скорее средством для решения коренных задач пролетарского и — на этой основе — общечеловеческого освобождения. Эта

⁴ Там же. С. 383. Примеч.

критика была одной из важнейших предпосылок выработки научной диалектики. Она охватывала и критику тех социальных условий, которые нуждаются в философских иллюзиях и находят в них свое подтверждение.

Поэтому исследование влияния общественных факторов на философское сознание с самого начала было подчинено и другой стороне общей задачи, а именно: установлению того, какие общественные условия наиболее благоприятны для всестороннего развития диалектического мышления как составной части революционной общественной практики. Однако в решении этой задачи основоположники марксизма шли зачастую косвенным путем, именно — через анализ причин, сущности и социальных функций извращенных форм отражения социальной действительности. Критика идеологических иллюзий для них не была самоцелью также и в том смысле, что она не имела своим предметом критику одного лишь сознания, что она, говоря словами Маркса, не ограничивалась борьбой фраз против фраз, как это имело место у младогегельянцев, которые единственными «настоящими оковами людей» считали общие понятия и сражались «только против этих иллюзий сознания». Но «*требование отказа от иллюзий*» должно перерасти в «*требование отказа от такого положения, которое нуждается в иллюзиях*»⁵. Материалистическое понимание истории, в отличие от идеалистического, «остаётся все время на почве действительной истории, объясняет не практику из идей, а объясняет идейные образования из материальной практики»⁶, в силу чего оно приходит также к выводу, что формы и продукты сознания уничтожаются не духовной критикой, а изменением реальных общественных отношений, которые их породили.

На почве действительной истории и посредством ее материалистического понимания осуществлялась критика и гегелевского идеализма, диалектика освобождалась от ее идеалистических мистификаций. Утверждение о том, что основоположники марксизма, обнаружив противоречие между идеалистической системой Гегеля и его диалектическим методом, отбросили систему, чтобы высвободить из нее диалектический метод, что диа-

⁵ Там же. Т. 1. С. 415.

⁶ Там же. Т. 3. С. 37.

лектика Гегеля была поставлена с головы на ноги, не учитывает, что без гегелевской системы нет гегелевского диалектического метода, и не указывает, что это за «ноги», на которые была поставлена гегелевская диалектика. Иными словами, здесь не говорится о том, что речь шла о критике гегелевского идеализма во взглядах на историю. Именно идеалистическое понимание истории, выраженное в соответствующих этому пониманию категориях, составляет основу гегелевского диалектического метода, который именно по этой своей основе явился прямой противоположностью марксистского диалектического метода, т. е. того материализма, «основой» которого является историческая практика, деятельное и творческое отношение человека к природной и социальной действительности. Но каким бы абстрактно-идеалистическим ни было это понимание истории и как бы в нем «действительное отношение» ни было перевернуто и поставлено на голову, все же сама попытка применить диалектику к области истории (доказать с помощью диалектики, что в основе человеческой истории лежит столкновение свободы и необходимости, что история есть прогресс в осознании свободы, что в ней существует развитие и внутренняя взаимосвязь и т. п.) представляла собой крупную веху в движении человеческой мысли к материалистическому пониманию истории, к материалистической диалектике, или историческому материализму, к пониманию, создание которого вывело диалектику из «царства чистой мысли» в область совокупной человеческой деятельности, на почву реальной и совершенно определенной исторической практики. Это одновременно и был путь, каким диалектика Гегеля была поставлена с головы на ноги. Но этот переворот заключался не в том, что на место диалектического движения духа ставилось движение природы, рассматриваемой в обособленности от ее практического изменения человеком, как нечто абсолютно внешнее и потустороннее для него. Подобная концепция не выходила бы из границ метафизически-созерцательного отношения к миру. Гегелевский идеализм, хотя и поставил на первый план активность субъекта и указал на диалектический характер взаимоотношения субъекта и объекта, не смог также преодолеть созерцательности, ибо активность субъекта понималась прежде всего как саморазвитие духовной деятельности, «так как идеализм, конечно, не знает действительной,

чувственной деятельности как таковой»⁷. Имея в виду засилие идеалистических концепций активности субъекта в современной им Германии, Маркс и Энгельс писали, что «у *реального гуманизма* нет в Германии более опасного врага, чем *спиритуализм*, или *спекулятивный идеализм*, который на место *действительного индивидуального человека* ставит „самосознание“, или „дух“»⁸, и что «при помощи унаследованного от Гегеля теоретического вооружения эмпирическое, материальное поведение... людей, конечно, нельзя даже и понять»⁹. Необходимо было создать принципиально новое «теоретическое оружие», соответствующее исторической задаче революционного преобразования мира, преодолевающее созерцательный характер всей предшествующей философии, включая и гегелевскую. Вот почему обезличенному деятельному разуму гегелевской философии (и вообще умозрительной философии Германии) основоположники марксизма противопоставили сознательную практическую деятельность человека как исторического существа, рассматривая при этом природу в качестве эмпирически констатируемой естественной предпосылки исторической действительности и как среду исторического процесса. В этом существенное различие между материалистической и идеалистической диалектикой. Марксистская диалектика не сводится ни к «философской антропологии», ни к социологии, ни к «философии природы» как учению о «потустороннем» для человека внешнем мире. В центре материалистической диалектики как философской теории находится учение о человеке — субъекте исторического процесса в тотальности всех форм его жизнедеятельности. Рассмотрение марксизмом практически-критической, революционной деятельности рабочего класса и той действительности, которую он создает, есть не что иное, как анализ исторически высшей формы человеческой практики. Поэтому марксизм не может обособиться от практики, так как он есть прежде всего теория этой практики — и в этом его сущность.

Основоположники марксизма поставили диалектику Гегеля «на ноги», что дало возможность из-под «мистической оболочки» высвободить «рациональное

⁷ Там же. С. 1.

⁸ Там же. Т. 2. С. 7.

⁹ Там же. Т. 3. С. 224.

зерно». Но они были далеки от того, чтобы отрицать тот исторический факт, что гегелевский диалектико-идеалистический взгляд на историю явился своего рода опосредствующим звеном между старым и новым материализмом. Этим отчасти объясняется и то, что систематическая критика, которой основоположники марксизма подвергли гегелевскую диалектику, не означала ее полного отбрасывания. В таком отбрасывании они усматривали основную слабость фейербаховской критики гегелевской философии, рецидивы которой встречаются до сих пор, особенно среди представителей позитивных наук и «позитивной» философии. Систематическая критика гегелевской диалектики не означала и того, что марксистская диалектика разрабатывалась вне и независимо от гегелевской. Для Маркса и Энгельса диалектика Гегеля была общей формой всякой диалектики, и свою главную задачу они видели в «освобождении» ее от идеалистической оболочки.

Так, в письме к Лассалю от 31 мая 1858 г. Маркс подчеркивал, что гегелевская «диалектика есть безусловно последнее слово всей философии» (имеется в виду философия, возникшая на почве отчуждения интеллектуального труда от физического) и что именно поэтому «крайне важно... освободить ее от мистической оболочки, которую она имеет у Гегеля»¹⁰.

В письме к Кугельману от 6 марта 1868 г. Маркс отмечал: «Гегелевская диалектика является основной формой всякой диалектики, но лишь *после* освобождения ее от ее мистической формы, а это-то как раз и отличает от нее *мой* метод»¹¹.

В послесловии ко второму немецкому изданию первого тома «Капитала» Маркс указывал, что «именно Гегель первый дал всеобъемлющее и сознательное изображение ее (диалектики.— *И. Э.*) всеобщих форм движения»¹².

Хорошо понимая, что диалектику Гегеля нельзя полностью отбросить, Маркс и Энгельс также понимали, что эту диалектику нельзя целиком воспринять. Поэтому они поставили перед собой задачу ее критического преодоления: «У Гегеля диалектика стоит на голове. Надо ее поставить на ноги, чтобы вскрыть под мистической оболочкой рациональное зерно»¹³. Такие

¹⁰ Там же. Т. 29. С. 457.

¹² Там же. Т. 23. С. 22.

¹¹ Там же. Т. 32. С. 448.

¹³ Там же.

метафоры, как поставить «на ноги», освободить «рациональное зерно» и отбросить «скорлупу», сохранить гегелевский диалектический метод и отбросить его идеалистическую систему, не дают полного представления о трудностях и способе преодоления философской позиции великого мыслителя и метода ее построения. Критика некоторой философской позиции и ее метода означает созидание новой философской позиции и нового метода.

Решающее сражение с гегелевской диалектикой — этим последним словом всей домарксистской философии — осуществлялось не чисто логическим оружием в особенной, от материальной действительности эмансипированной сфере духовной деятельности: оно происходило на почве конкретной исторической практики и было подчинено задаче превращения философии в элемент революционного преобразования мира.

Основоположники марксизма всегда считали, что путем «добросовестного исследования» реального исторического процесса нужно снимать и исправлять теории, устанавливая их пригодность для решения практических задач эпохи, прежде всего задачи революционного преобразования общества. Ибо «для *практических* материалистов, т. е. для *коммунистов*, все дело заключается в том, чтобы революционизировать существующий мир, чтобы практически выступить против существующего положения вещей и изменить его»¹⁴.

Новая материалистическая позиция в конечном счете определяла характер отношения Маркса и Энгельса как к диалектике Гегеля, так и к антропологическому материализму Фейербаха. Поэтому первый вопрос, вставший перед ними при критике этих философских позиций, был вопрос о том, может ли старая философия в каком-либо из своих вариантов служить задаче революционного изменения мира. Иными словами: может ли революционный класс руководствоваться этой философией в своей деятельности по уничтожению старого и созданию нового общественного строя? Имея прежде всего в виду спекулятивную философию и ее последователей, Маркс и Энгельс отмечали: «Для философов одна из наиболее трудных задач — спуститься из мира мысли в действительный мир»¹⁵.

¹⁴ Там же. Т. 3. С. 42.

¹⁵ Там же. С. 448.

В неспособности «спуститься» из мира мысли (и «особого философского языка») в действительный мир, преодолеть пропасть между философией и действительностью, вырытую отчуждением интеллектуального труда от физического, и соединить философию с действительностью — обнаружилась непригодность старой спекулятивной философии (и всякой философии, рассматривающей действительность «сквозь очки философа», а не сквозь призму человеческой практической деятельности), и был со всей определенностью поставлен вопрос о необходимости замены этой философии качественно новой и истинно научной.

«Там, где прекращается спекулятивное мышление, — перед лицом действительной жизни, — там как раз и начинается действительная положительная наука, изображение практической деятельности, практического процесса развития людей»¹⁶. Самостоятельную философию истории и ее «фразы о сознании», абстракции, организованные в окостенелую систему, в лучшем случае «может заменить сведение воедино наиболее общих результатов, абстрагируемых из рассмотрения исторического развития людей»¹⁷. Но «абстракции эти сами по себе, в отрыве от реальной истории, не имеют ровно никакой ценности» и «могут пригодиться лишь для того, чтобы облегчить упорядочение исторического материала»¹⁸. Однако «в отличие от философии, эти абстракции отнюдь не дают рецепта или схемы, под которые можно подогнать исторические эпохи» (как у догматиков), и «трудности только тогда и начинаются, когда приступают к рассмотрению и упорядочению материала»¹⁹, ибо эти трудности «проистекают лишь из изучения реального жизненного процесса и деятельности индивидов каждой отдельной эпохи», т. е. являются трудностями конкретного исследования. Но «философия и изучение действительного мира относятся друг к другу, как онанизм и половая любовь»²⁰. Поэтому «нужно выпрыгнуть из нее и в качестве обыкновенного человека взяться за изучение действительности»²¹.

Маркс и Энгельс, перейдя на позиции пролетариата, сумели «выпрыгнуть» из старой философии (или идеологии) и, исходя из совершенно новых общетеоретических

¹⁶ Там же. С. 26.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 225.

²¹ Там же.

предпосылок, выработанных ими в ходе критики этой философии, взяться за «добросовестное» изучение действительности, прежде всего за конкретный социологический и экономический анализ структуры буржуазного общества, что диктовалось проблемой освобождения пролетариата и вооружения его научным мировоззрением. Вооружение пролетариата материалистическим мировоззрением и научной диалектикой и было тем «соединением» философии с миром, которое делает ее истинно марксистской. Сознательный пролетариат, естественно, мог найти «свое *духовное* оружие» лишь в этой новой философии, которая нашла в нем «свое *материальное* оружие»²², ибо старая философия даже там, где она называла себя практической (Кантов «практический разум», идеальная активность Фихте, объективный и абсолютный дух Гегеля) была философией чего угодно, но только не философией практики. Претендуя на то, чтобы быть наукой наук и самой решать все проблемы (космические и общественные), она поразительным образом проглядела важнейшие достижения других наук, прежде всего общественных. Сюда относится в первую очередь открытие классовой борьбы и ее материальных основ, на что указывали историки периода реставрации и представители классической политической экономии. Не говоря уж о революционной деятельности пролетариата, представляющей в то время новый исторический факт, объяснение которого было задачей философии, тем более что этот факт был интернациональным по своему значению (восстание рабочих в Лионе, чартистское движение в Англии, восстание силезских ткачей) и гуманистическим по своей сущности. Именно по отношению к нему наиболее наглядно и глубоко обнаружилась ограниченность спекулятивной и вообще созерцательной философии, которая, вследствие того что она не брала революционную практику в качестве своей действительной предпосылки, неизбежно должна была остаться в рамках буржуазного общества и буржуазного кругозора, ибо все другие предпосылки утверждали и подтверждали себя лишь в том, что есть. В силу своих объективных предпосылок эта философия не могла понять основную общую, существенно человеческую характеристику практики, именно: что она есть процесс постоянного отри-

²² Там же. Т. 1. С. 428.

ция природного и социального данного. Эта невозможность вытекала из того, что практика в таком понимании не есть простое повторение, воспроизведение и утверждение того, что было и что есть, а включает в себя момент будущего. Но понять будущее как существенный параметр человеческой практической деятельности можно было только с позиций класса, будущее которого состоит не в утверждении того, что есть и того, что он есть (т. е. не в воспроизведении своего настоящего положения и себя в нем), а в отрицании того, что он есть в настоящем, в его самоуупраждении.

В отличие от представителей старой философии основоположники марксизма были на уровне практических проблем и научных достижений своего времени. В самом начале своей зрелой теоретической деятельности (разумеется, не без критического снятия ограниченностей прежней философии) они пришли к выводу о том, что философия должна быть «дополнена» конкретными научными исследованиями, тем более что она нуждается в таких исследованиях не меньше, чем они нуждаются в философии как общей теоретической основе. Такое понимание взаимоотношения философского и научного мышления имело исключительное значение для формирования «научной диалектики» как нового способа мышления.

Настаивание на диалектике философского и научного (не упраздняющей их различия) было характерной особенностью всей теоретической деятельности основоположников нового материализма. Поэтому у них сама диалектика, которую Гегель считал лишь специфическим методом построения собственно философской системы и пытался замкнуть в границы самой философии, превратилась не просто в научную философскую теорию и метод. Преодолев высокомерный взгляд на науку, согласно которому она должна лишь подготавливать для философии необходимый материал, чтобы та давала действительное знание о мире, о его целостности и его единстве, Маркс и Энгельс превратили диалектику во всеобщий метод мышления любой науки, когда та достигает такого уровня в своем развитии, на котором обнаруживаются недостаточность и внутренние границы ее собственных методов (прежних методов исследования и прежней логики вообще) и становится возможной ее диалектическая критика и изложение. Маркс насмеялся над теми, которые, наивно полагая,

что возможность диалектической «обработки» той или иной частной науки не зависит нисколько от степени развитости этой науки и ее предмета, не понимали, «что одно дело — путем критики впервые довести науку до такого уровня, чтобы ее можно было представить диалектически, и совсем другое дело — применить абстрактную, готовую систему логики к туманным представлениям о такой именно системе»²³. Показывая несостоятельность лассалевской попытки «изложить политическую экономию по-гегелевски» и прудоновскую попытку подогнать экономические категории под категории гегелевской логики, превратив таким образом политическую экономию в «прикладную метафизику», Маркс отстаивал мысль о том, что критикой науки философия должна открывать простор не для самой себя, а для данной науки, для нового ее понимания и что результатом применения диалектики к науке, — к примеру, диалектической критики классической и вульгарной форм политической экономии и прежних форм исторической науки, — было превращение каждой из них в действительную науку, а не подмена их, на гегельянский манер, «философией права» или «философией истории».

«Нищету» спекулятивной метафизики Маркс видел в том, что она всячески стремилась уйти от конкретного исследования, возмнив, что сама, без опоры на конкретные науки, способна решать все проблемы, возникшие и могущие возникнуть перед человечеством. В «Нищете философии» философ (= спекулятивный философ) изображается в образе человека, берущего все вещи в перевернутом виде, наыворот. «Как истинный философ, г-н Прудон, — пишет Маркс, — понимает вещи наыворот и видит в действительных отношениях лишь воплощение тех принципов, тех категорий, которые дремали, как сообщает нам тот же г-н Прудон-философ, в недрах „безличного разума человечества“»²⁴. Но истина о той или иной эпохе приобретается путем конкретного изучения именно этой эпохи; она не может быть извлечена догматически из так называемых вечных принципов, идей и категорий с помощью приемов-абстракций, полученных путем отвлечения от всяких отличительных признаков различных предметов и

²³ Там же. Т. 29. С. 224.

²⁴ Там же. Т. 4. С. 133.

различных видов движения и выдаваемых за «субстанцию всех вещей» и «абсолютный метод», или «синтетическую формулу», посредством которой можно упразднить все противоречия и постигнуть истину в ее целостности. Отголоски таких стремлений встречаются и поныне, даже у некоторых «марксистов», стремящихся догматически (следовательно, некритически) «выколуپывать» особенные и индивидуальные истины из абстрактно-общих, вернее, конкретное из абстрактного и подчинять первое второму. Стремление искать ответы на конкретные вопросы в простом развитии общей истины В. И. Ленин называл, причем неоднократно, опoшлением марксизма и сплошной насмешкой над диалектическим материализмом.

Чтобы избежать недоразумений, следует сказать, что Маркс критиковал Прудона не за то, что он философ, а за то, что он плохой философ, ибо считает, будто философия избавляет от необходимости обращаться к конкретным исследованиям. Основную ошибку Прудона он видел в том, что тот, не будучи в состоянии проникнуть в тайну научной диалектики и даже не пытаясь это сделать, некритически довольствовался абстрактной, спекулятивной диалектикой, став в буквальном смысле слова жертвой философского априоризма. Его «сериальная диалектика»—«попытка дать метод мышления, который на место самостоятельных мыслей поставил бы *процесс* мышления»²⁵,— подобна той, которую дал Гегель. Поэтому, как отмечали основоположники марксизма, было «не трудно дать критику прудоновской диалектики тому, кто уже справился с критикой гегелевской диалектики»²⁶. Порочность гегелевско-прудоновской формы диалектики основоположники марксизма видели в том, что основой этой диалектики является идеалистическая философия, которая заставляет абстрагироваться от действительного движения, изображать конкретные отношения как абстрактные мысли, выводить движение мышления не из действительных отношений, а из чистого разума, принимать логические категории за субстанции, считать вещи нашего мира узорами, канвой для которых служат логические категории, одним словом, все вещи брать наизуот. Сие показывает, сколь важным для

²⁵ Там же. Т. 3. С. 533.

²⁶ Там же.

«превращения» диалектики в научный метод была замена ее идеалистической основы материалистической посредством критики той философии, которая на место действительного человека ставит мышление, на место действительного мира — его логическое познание, вследствие чего на место мышления как отражения и присвоения конкретного «приходит» мышление как миротворческий процесс, результатом которого является мир.

«Мой диалектический метод по своей основе не только отличен от гегелевского, но является его прямой противоположностью. Для Гегеля процесс мышления, который он превращает даже под именем идеи в самостоятельный субъект, есть демиург действительного, которое составляет лишь его внешнее проявление. У меня же, — подчеркивает Маркс, — наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней. Мистифицирующую сторону гегелевской диалектики я подверг критике почти 30 лет тому назад... Мистификация, которую претерпела диалектика в руках Гегеля, отнюдь не помешала тому, что именно Гегель первый дал всеобъемлющее и сознательное изображение ее всеобщих форм движения»²⁷.

А «30 лет тому назад» основоположники нового материализма в результате критики прежде всего гегелевской идеологической позиции пришли к выводу о том, что «сознание никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием», причем «бытие людей есть реальный процесс их жизни»²⁸. Этим выводом отрицается не только возможность того, чтобы сознание было «демиургом действительности», но и возможность вычленить и вывести из идеалистического и материалистического видов диалектики некие общие, абстрактные понятия, правила и требования и из них построить новую логику. Ясно, что логика, построенная таким способом, была бы в лучшем случае возвратом к методу «чистого» философского созерцания, которое приходит тогда, «когда действительность закончила свой процесс образования и завершила себя», т. е. когда «некоторая форма жизни постарела» так, что ее невозможно «омолодить». Это, по сути дела, одна из попыток лишить

²⁷ Там же. Т. 23. С. 21—22.

²⁸ Там же. Т. 3. С. 25.

всякого основания и оправдания противопоставление мистифицированной форме диалектики, относительно которой «казалось, будто она прославляет существующее положение вещей», диалектики в ее «рациональном виде»²⁹. Но отказ от такого противопоставления имеет своим прямым следствием отказ от того, благодаря чему диалектика приобрела революционно-критическую сущность и была превращена в метод мышления, исходная позиция которого выражена в известном положении: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его»³⁰.

Как раз своей ориентацией на «изменение мира» марксистская философия для ответа на вопрос, «каким мир должен быть», вернее, в каком направлении и в каком смысле должно осуществляться его изменение, не приходит «слишком поздно», как гегелевская, а приходит как раз вовремя. По Гегелю, философия «в качестве мысли о мире» появляется «лишь в пору зрелости действительности»³¹, во всяком случае, «слишком поздно» для того, чтобы она могла принимать участие в его становлении. Но если нечто подобное случайно и появляется в период становления нового (его превращения в законченное целое), то оно «лишено общепонятности»³². Что же касается марксистской философии, то она посредством критики «зрелой действительности» (действительности, которая закончила свой процесс образования и завершила себя) выявляет и распознает содержащееся в ней новое, критически обрушиваясь на все то, что препятствует превращению новой системы в целостность, и становится важнейшим фактором и, если можно так сказать, своего рода внутренним светом этого превращения. Конечно, важно не упускать из виду различие между той ситуацией, когда можно было говорить о будущем только на основе критики и мысленного преодоления существующего, и нынешней ситуацией, в которой познание может исходить также из первых реальных исторических форм конкретного выхода за границы старого мира. Тем самым философия из формы абстрактного созерцания и воспоминания

²⁹ Гегель Г. В. Ф. Соч. М., 1934. Т. VII. С. 17—18.

³⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 4.

³¹ Гегель Г. В. Ф. Соч. Т. VII. С. 17.

³² Там же. М., 1959. Т. IV. С. 6.

о том, что было, превращается в «участника» движения, снимающего все ставшие формы.

Имея в виду это изменение позиции философского сознания, Маркс писал: «Философия стала мирской; это неопровержимо доказывается тем, что само философское сознание не только внешним, но и внутренним образом втянуто в водоворот борьбы. Но если конструирование будущего и провозглашение раз навсегда готовых решений для всех грядущих времен не есть наше дело, то тем определеннее мы знаем, что нам нужно совершить в настоящем,— я говорю о *беспощадной критике всего существующего* (и у него, как видно, не было «зон, закрытых для критики»!— *Авт.*), беспощадной в двух смыслах: эта критика не страшится собственных выводов и не отступает перед столкновением с властями предержащими»³³. Не страшиться и не отступать перед всем, что препятствует движению в направлении общества свободных людей,— таков был жизненный девиз великого материалиста-диалектика³⁴.

В противоположность немирской, абстрактно-доктринерской философии, которая «конструировала будущее и провозглашала раз навсегда готовые решения для всех грядущих времен», Маркс с самого начала отказывается от конструирования каких-либо идеальных моделей будущего, даже если речь идет о такой «догматической абстракции», какой является коммунизм «в той форме, как его проповедуют Кабе, Дезами, Вейтлинг и т. д.»³⁵. «Коммунизм», который как идеал находится во внешнем отношении к реальной действительности, не может, по мнению Маркса, быть истинной позицией в критике существующей действительности.

³³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 379.

³⁴ Мимоходом заметим, что даже сам «рациональный вид» диалектики для Маркса не был чем-то раз и навсегда данным и готовым, независимым от смены исторических форм. Его необходимо со сменой исторических периодов все время как бы сызнова «открывать». Но это, как показало последующее развитие марксистской философии, оказалось гораздо более трудным, чем «воскрешение» диалектики в ее мистифицированной, апологетической, пустой, абстрактной форме, чем использование ее в качестве ритуала догматизированного сознания, чем бесконечное пустое повторение диалектической фразеологии и триумфальное нахождение действия всеобщих «диалектических законов» во всех возможных областях устной и письменной речи.

³⁵ Маркс К. Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 379.

Задача истинной критики состоит в том, чтобы довести до сознания реально-критический компонент существующей действительности, практически снимающий ее границы. Короче говоря, позиция такой критики является не абстрактной, а конкретно-предметной. Такая критика не ограничивается критикой одной лишь философской деятельности, а вторгается во все сферы человеческой жизни, делает своим предметом все виды человеческой деятельности, нисколько не боясь того, что она этим не удержится на уровне принципов и утратит свое «философское» свидетельство, тем более что мирская мудрость — философия должна заниматься мирскими вопросами, а не бежать от них. «Поэтому сделать предметом критики самый специальный политический вопрос — например, различие между сословной и представительной системой — нисколько не значит спуститься с *hauteur des principes*, так как этот вопрос лишь выражает *политическим* языком различие между господством человека и господством частной собственности. Значит, критик не только может, но и должен касаться этих политических вопросов»³⁶. «Ничто не мешает нам, следовательно, связать нашу критику с критикой политики, с определенной партийной позицией в политике, а стало быть, связать и отождествить нашу критику с *действительной* борьбой... Мы не говорим миру: „перестань бороться; вся твоя борьба — пустяки“, мы даем ему истинный лозунг борьбы. Мы только показываем миру, за что собственно он борется, а сознание — такая вещь, которую мир *должен* приобрести себе, хочет он этого или нет»³⁷.

Вопрос о выборе или определении критической позиции внутри полного противоречий исторического процесса решается основоположниками марксизма с позиций «революционной стороны» общественной практики, которая воплощает гуманистическую тенденцию в ходе исторического прогресса. Исторический опыт, теоретически обобщенный в историческом материализме, является (до настоящего времени) лучшим критерием для критическо-гуманистической ориентации человека в каждый период его истории.

Из всего сказанного нами можно составить ясный и довольно полный ответ на вопрос о значении изменения

³⁶ Там же. С. 380.

³⁷ Там же. С. 381.

основы диалектики для превращения ее в метод критического познания и революционного изменения мира. Из нашего изложения также недвусмысленно следует, что основоположники марксизма были величайшими антидогматиками-материалистами. Но догматизм они видели не просто в цитировании чьих-то текстов, а в некритическом отношении к действительности и ее идейным отображениям в различных формах общественного сознания. Они об этом и эксплицитно заявили. Обосновывая свое предложение о разрыве с меньшинством, Маркс на заседании Лондонского комитета 15 сентября 1850 г., помимо прочего, говорил: «На место критического воззрения меньшинство ставит догматическое, на место материалистического — идеалистическое»³⁸, из чего следует, что свое воззрение Маркс считал критическим и материалистическим, а следовательно — антидогматическим и антиидеалистическим. В этой связи можно сказать, что восстановление «аутентичной» мысли основоположников марксизма важно отчасти и для определения того, насколько современная «марксистская» философия является дальнейшим развитием марксизма, а в какой мере отклонением от него или извращенной формой его. Это важно для выбора правильной позиции в борьбе против современного догматизма, хитросплетений бюрократической софистики, схоластического «отрыва» философии от конкретных вопросов современного социального развития. С основоположниками марксизма нелишне иногда и посоветоваться...

Глава вторая

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МЕТОДА ПОЗНАНИЯ

К правильному пониманию природы материалистического диалектического метода невозможно прийти, если разделять диалектический материализм на две части — материализм и диалектику и рассматривать материализм только в качестве теории, а диалектику

³⁸ Там же. Т. 8. С. 431.

только в качестве метода. В диалектическом материализме материализм и диалектика органически связаны между собой и органически входят в теорию, что затем и выражается в соответствующих требованиях диалектического метода. Диалектический метод, который не опирался бы на материалистическое решение основного вопроса философии — на признание первичности материи и понимание сознания как отражения действительности, не может быть научным, а поэтому и марксистским. Не случайно Маркс, показывая отличие своего метода от гегелевского, обратил внимание прежде всего на эту сторону дела, на то, что его метод — материалистический, а метод Гегеля — идеалистический. «Мой метод исследования,— пишет он, *не* тот, что у Гегеля, ибо я — материалист, а Гегель — идеалист»¹.

Органическую связь материализма и диалектики в марксистско-ленинской философии подчеркивают не только советские философы, но и зарубежные авторы. «...В марксизме,— пишет, например, французский философ Жан-Поль Жуари,— имеет место единство материализма и диалектики, и это единство научно обосновывает материалистическую научную философию»².

Другой французский философ — Этьен Балибар решительно подчеркивает, что в диалектическом материализме диалектика и материализм соединены не механически как две совершенно различные части, и дает убедительную критику попыток разведения материализма и диалектики в марксистской философии.

Принципы диалектического метода познания формулируются, однако, не произвольно, а на основе объективно действующих всеобщих законов, на основе познания всеобщих свойств и связей внешнего мира. Мы рассматриваем эти законы, свойства в качестве объективной основы диалектического метода. Но эти законы, свойства и связи являются не методом, а лишь его объективной основой. Не являются методом и законы и категории диалектического материализма, в которых отражены всеобщие законы, свойства и связи. Между тем в литературе можно встретить точку зрения,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 32. С. 448.

² Jouari J.-P. La dialectique objective et son apparence métaphysique // Les cahiers du Centre d'Etudes et de Recherches marxistes. P. 1977. N 137. P. 41.

согласно которой диалектическим методом объявляется учение о всеобщих законах, свойствах и связях.

Законы и категории диалектики, так же как и законы и категории исторического материализма и любой другой теории, не составляют метода познания. Отражая соответствующие свойства и связи действительности, они дают нам лишь определенную информацию о ней. Метод познания составляют не сами законы и категории диалектики, а разработанные на их основе требования к мыслящему субъекту, принципы осуществления им познавательной деятельности. Впрочем, все сказанное в полной мере относится и к любой частнонаучной теории. Она тоже может выполнять методологическую функцию, но не сама по себе, а через те требования, правила, которые сформулированы на ее основе и вошли в тот или иной частный метод познания или конкретную методику осуществления какого-либо исследования.

Как реакция на абсолютизацию объективной основы диалектического метода, в литературе имеет место и отрыв субъективной стороны метода от его объективной основы, сведение его принципов к всецело субъективным нормам, не имеющим никакого аналога в объективной действительности и выражающим «свободную волю» действующего субъекта.

Данный подход широко распространен в современной западной философии. Он характерен, например, для Сартра, который утверждает, что марксизм, признавая объективную диалектику в виде всеобщих законов внешней природы, умерщвляет истинную диалектику, выносит ее за пределы человека и тем самым искажает суть диалектического метода. При таком понимании диалектика навязывается человеку как внешне данное. В этом случае «природа человека должна будет заключаться вне его», что, по мнению Сартра, является абсурдом. «Диалектика, — утверждает он, — имеет место лишь в человеческой деятельности, поэтому диалектический метод применим лишь к познанию, деятельности разума и человека как свободного творца истории»³. «Нужно исходить из субъективности сознания»⁴, — подчеркивает он.

³ Sartre J.-P. Critique de la raison dialectique. P., 1960. P. 129.

⁴ Sartre J.-P. L'existencialisme est un humanisme. P., 1951. P. 14.

Аналогичную, по существу, точку зрения на диалектику развивают югославский философ Милан Кангрга и французский философ Поль Рикёр. «Диалектика,— заявляет Кангрга,— не есть самодвижение материи (природы, объективности) или духа (идеи, мышления, абсолюта), а есть самодвижение исторического человека»⁵. «Любой тезис,— пишет, повторяя данную мысль, П. Рикёр,— состоит в том, что единственной областью, где более или менее правомерно может быть выявлена диалектика, является та область, где диалектика и практика совпадают»⁶.

Если диалектика имеет место только в человеческой деятельности и если нет ничего подобного в природе, то диалектический метод, выражающий в своих требованиях эту диалектику, не способен ориентировать людей в познании и практическом преобразовании не только природного, но и человеческого мира. Диалектический метод способствует проникновению сознания человека в объективную действительность и таким образом создает условия для свободной деятельности только потому, что его принципы, требования основываются на познании объективных законов и связей. Внешняя действительность, законы природы накладывают свои ограничения на деятельность человека, лишают последнего свободы тогда, когда они игнорируются человеком, когда человек действует не в соответствии с ними, а вопреки им.

К истории человеческой культуры сводит диалектику и современный французский философ Же (Jeu). Он в своем сообщении на конгрессе, посвященном диалектике, рассуждает: «...диалектика — это форма дедуктивного мышления. Напротив, природа — это совокупность явлений, которые конституируют себя. Как можно прийти к согласию между ними? Это согласование не возникает само собой, оно создается. Оно не является вневременным, а конституируется исторически в процессе человеческой деятельности. Роль диалектики заключается в том, чтобы следовать тому способу, каким это согласование последовательно осуществляется в процессе развития культурной истории... Диалек-

⁵ *Kangrga M.* Etički problemi u delu Karla Marksa. Zagreb, 1963. Str. 186.

⁶ *Ricœur P.* Le «lieu» de la dialectique // *Dialectiques. Entretiens de Varna.* The Hague, 1975. P. 108.

тика — это метаязык культурной истории природы»⁷. Что диалектические законы действуют в процессе освоения человеком природы в историческом развитии, в развитии культуры, с этим спорить не приходится. Бесспорным является и то, что диалектический метод представляет собой, помимо прочего, вывод из истории развития практики и познания (истории философии, истории отдельных конкретных наук, техники, языка). В человеческой истории, в истории познания диалектические закономерности являются всеобщими формами бытия, всеобщими законами движения и развития материи. Поэтому они с одинаковой необходимостью действуют в неживой и живой природе, в обществе, являющемся одной из форм движения материи, и в мышлении, выступающем в качестве формы отражения объективной действительности. У Рикёра, Же, Кангрги и Сартра диалектика проявляется только в процессе человеческой деятельности, в историческом развитии, в мышлении. При таком подходе материалистический диалектический метод превращается в субъективистский прием, с помощью которого субъект (абстрактный мыслитель антропоцентристского толка) произвольно и беспредметно конструирует из себя самого так называемые «целостные системы», вернее целостности. Такой метод не может служить руководством в познавательной и предметно-преобразующей деятельности.

Как бы подытоживая сложившуюся в западной и ревизионистской марксологии тенденцию, отрывающую марксистскую диалектику от ее действительной основы и точки опоры, английский философ Р. Норман заявляет, что положение о том, что «диалектика одинаковым образом применима к миру природы и человеческому социальному миру, устарело даже внутри марксизма», что сейчас в марксизме стало господствующим утверждение, что «диалектика присуща только человеческой мысли, человеческому обществу и истории, но не природе»⁸. А если это так, то совершенно безуспешно искать в природе свойства и связи, которые отражаются в требованиях диалектического метода. Приписывая эти антиматериалистические идеи марксизму, Норман в то же время критикует основоположников марксизма, в частности Ф. Энгельса, за то, что он счи-

⁷ Etudes philosophiques. 1970. N 3. P. 368.

⁸ Norman R. Dialectical concepts and their application to Nature // Hegel, Marx and Dialectic: A Debate. Sussex, 1980. P. 145.

тает диалектику понятий отражением диалектики вещей. По мнению Нормана, такое утверждение является «продуктом незрелой теории отражения»⁹.

Нетрудно догадаться, каких марксистов имеет в виду Норман, когда говорит, что для них стало характерным утверждение, что диалектика мыслительной деятельности (в частности, диалектический метод) не отражает объективной диалектики, диалектики природы. По поводу выводов, следующих из концепции, отвергающей объективную диалектику и сводящей ее к определенной форме субъективной деятельности людей, очень хорошо сказал французский философ Этьен Балибар: «...отвергать „диалектику природы“ (как это делает идеалистическая традиция от молодого Лункача до Сартра), отвергать натурализацию диалектики, т. е. материальность, объективность и необходимость диалектики — означает также... соотносить ее только с творческим всемогуществом человеческой воли и деятельности независимо от их материальных основ, которые их определяют, это, следовательно, означает опять связывать ее, как это было в утопическом социализме, с возможностью человеческой свободы и ее „проектами“ или „программами“, предназначенными осуществить в обществе свободу, равенство, братство. Именно против этого исторического идеализма, широко распространенного во всей философии истории, во всем домарксовском и немарксистском социализме, тезисы Энгельса о диалектике природы сыграли свою роль, имеют и сохраняют свой смысл»¹⁰.

Аналогичное утверждение имеет место и у немецкого философа-марксиста Петра Рубена. «Следует подчеркнуть, — пишет он, — что концепция диалектики природы является интегративной составной частью марксистско-ленинской философии, что без признания всеобщей применимости диалектических законов немыслима философия рабочего класса. Изложенные в свое время идеи Энгельса необходимо защищать и развивать дальше»¹¹.

Итак, важнейшей особенностью диалектического метода познания является его органическая связь с все-

⁹ Ibid. P. 161.

¹⁰ Balibar E. A nouveau sur la contradiction // Sur la dialectique. P., 1977. P. 31.

¹¹ Ruben P. Dialektik und Arbeit der Philosophie. Pahlpugenstein, 1978. S. 146.

общими формами бытия материи, с всеобщими законами ее развития. В его принципах так или иначе отражаются всеобщие свойства и связи объективной действительности. В этом выражается объективность диалектического метода познания.

Будучи объективным по своему источнику происхождения и сущности, диалектический метод в то же время включает в себя субъективность. Его субъективность выражается в том, что всеобщие формы бытия, всеобщие законы действительности отражаются в нем не в виде научных понятий, положений, гипотез и теорий, а в виде соответствующих требований к мыслящему и действующему субъекту, предписывающих определенную форму поведения. Эти требования включают в себя соответствующую нацеленность на решение каких-либо задач, достижение определенного результата. Метод по своей природе органически связан с целенаправленной деятельностью людей, формируется и развивается в ответ на потребности этой деятельности и составляет в ней, в ее структуре и содержании важнейший момент, влияющий на ее осуществление, определяющий форму и последовательность совершения мыслительных и предметно-практических операций.

Субъективность диалектического метода познания проявляется и в том, что его требования отражают не только всеобщие свойства и связи объективной действительности, но и закономерности функционирования и развития общественного познания и практики. Поэтому в требованиях диалектического метода познания могут быть выражены лишь те свойства и связи объективной действительности, которые познаны, отражены человеком и вошли в содержание законов и категорий диалектики. А если это так, то по мере выявления все новых и новых всеобщих свойств и связей действительности, их теоретического осмысления и практического овладения ими уточняются и конкретизируются существующие принципы и требования диалектического метода познания, формулируются новые. В результате этого диалектический метод развивается, приходя в соответствие с достигнутым уровнем научного познания, философии и практики преобразования действительности.

Когда мы говорим о связи того или иного принципа диалектического метода с соответствующей ступенью

развития общественного познания и практики, представляемой известными категориями, мы должны иметь в виду не только то, что каждый принцип диалектического метода познания, каждое его требование формулируется на определенной ступени познания действительности, но и то, что использование указанных принципов осуществляется не как попало, не в любое время, не произвольно, а на строго определенных ступенях познания объекта: каждый на той ступени развития познания, которая обеспечила выявление всеобщих свойств и связей, явившихся объективной основой для формирования требований, составляющих его содержание.

Принцип каузальности, нацеливающий субъекта познания на выявление причины исследуемых явлений, не может, например, быть использован на ступени выделения объекта из массы других, с которыми он связан, обнаружения у него единичных и общих свойств, качественных и количественных характеристик. Он может быть успешно применен лишь на следующей за указанными ступенями стадии, когда будет решаться задача объяснения выявленных общих свойств, качественной и количественной определенностей. Далее, на ступени фиксации качественных и количественных характеристик и выделения общего в отдельных, единичных предметах нельзя применить принцип историзма, требующий рассмотрения объекта в движении и развитии. Его применение становится необходимым на более высокой ступени развития познания, когда встает проблема раскрытия сущности исследуемого объекта, объяснения присущих ему необходимых свойств и связей из истории его формирования и развития.

Итак, одной из существеннейших черт диалектического метода познания является единство объективного и субъективного, наличие в содержании его принципов, сторон, обусловленных всеобщими свойствами и связями объективной действительности и закономерностями функционирования и развития познания, отражение в его требованиях соответствующих всеобщих законов и сознательная нацеленность их на решение определенных познавательных и практических задач, выражение в системе принципов необходимости и реальной свободы субъекта в осуществлении тех или иных действий, в выполнении соответствующих мыслительных и практических операций.

Другой существенной чертой диалектического метода познания является его практическая направленность. Он в одно и то же время выступает и как метод познания и как метод практической деятельности. Это объясняется, во-первых, тем, что в его требованиях отражаются всеобщие свойства и связи, которые присущи всем явлениям объективной действительности, всем материальным образованиям. А если это так, то его требования способны ориентировать людей не только применительно к каждому объекту, но и применительно к любому действию, осуществляемому субъектом в отношении объекта. В самом деле, такие требования диалектического метода, как объективность в оценке сложившейся ситуации, всесторонность ее анализа, учет всех связей в отношении объекта, раскрытие в нем противоположных сторон, выявление тенденций изменения, развития, необходимо соблюдать не только в ходе познания той или иной области действительности, но и в случае ее изменения, преобразования.

Во-вторых, единство познавательной и практической направленностей диалектического метода обуславливается тем, что практика выступает в качестве основы и цели познания. Она выдвигает перед познанием задачи получения нового знания и является источником получения информации о том или ином исследуемом объекте. В самом деле, субъект познания не ведет себя пассивно в отношении объекта, а активно воздействует на него, изменяет его в том или ином направлении, в частности, вырывает его из естественных связей, ставит в новые, заранее подготовленные условия, заставляет его взаимодействовать и проявлять все новые и новые свойства. Если это так, если познание осуществляется в органической связи с практикой, если получение истинного знания об объекте, раскрытие его сущности предполагает активное воздействие на него, целенаправленное его изменение, то диалектический метод познания должен обладать способностью ориентировать людей не только в совершении соответствующих познавательных операций, направленных на выявление и теоретическое осмысление тех или иных свойств и связей исследуемого объекта, но и в совершении действий, направленных на изменение объекта, его преобразование в том или ином направлении.

Подчеркивая важность данной черты диалектического метода, философ из ГДР Г. Климашевский пишет: «Диалектический метод — метод познания и изменения действительности. Сведение его до положения только метода научно-теоретического познания представляет собой существенное ограничение и сужение его сущности и функции. Именно это единство познания и изменения (прежде всего в области социальной) является тем моментом, который делает диалектико-материалистический метод качественно новым по сравнению со всеми методами конкретных наук и помогает более ясно выразить философско-мировоззренческое содержание»¹².

Одной из важнейших характеристик диалектического метода познания является также его революционно-критическая направленность. Отражая в своих принципах всеобщие диалектические закономерности, указывающие на то, что материя в силу присущих ей противоположных сторон, тенденций и борьбы между ними находится в постоянном, непрерывном развитии, переходит от одних материальных образований или качественных состояний к другим, а при соответствующих условиях — и к более сложным или более совершенным, представляющим более высокий уровень развития, что каждое отдельное материальное образование (качественное состояние), конечно, имеет начало своего существования и неизбежно исчезнет, превратится в другие материальные образования, качественные состояния, а эти, возникшие в результате отрицания предшествующих, в свою очередь, превратятся в новые материальные образования, качественные состояния и т. д. без конца, диалектический метод нацеливает людей на выявление противоречий в исследуемом и преобразуемом в ходе практической деятельности объекте, раскрытие тенденций происходящих в нем изменений и учет всего этого в его теоретическом осмыслении и определении практической значимости. Обладая революционно-критической направленностью, диалектический метод ориентирует людей на то, чтобы рассматривать действительность не только с точки зрения настоящего, присущих ей в данный момент качествен-

¹² *Klimaszewsky L. Die materialistische Dialektik als Einheit von Theorie und Methode // Deutsche Zeitschrift für Philosophie. 1974. N 7. S. 816.*

ных состояний, но и будущего, с точки зрения качественных состояний, которые должны наступить при соответствующих условиях в будущем, и не только фиксировать это, но и активно действовать, вести борьбу за изменение существующего положения вещей, если оно исторически изжило себя, всеми средствами содействовать возникновению и развитию новых, более совершенных качественных состояний. Другими словами, диалектический метод нацеливает на критическое отношение к действительности, на необходимость ее революционного преобразования.

Говоря о том, что критический характер диалектического метода выражается в том, что он нацеливает людей на изменение действительности, постоянное ее совершенствование, революционное преобразование, мы не должны думать, что эта черта его не проявляется применительно к познаваемой действительности. Критическая направленность диалектического метода всецело сохраняется и в области познания. В самом деле, важнейшим принципом диалектического метода познания является принцип диалектического отрицания, который требует при разработке всякой новой теории и выдвижении новых положений осуществлять аргументированную критику существующих теорий, ранее утвердившихся положений.

Подчеркивая критическую направленность диалектического метода, мы не должны ее абсолютизировать, отрывать от других его черт и требований. Мы всегда должны помнить, что главной задачей диалектического метода познания является не просто критика, а раскрытие сущности исследуемого объекта, его природы и опирающаяся на полученное знание деятельность по преобразованию объекта в интересах человека, общества. Некоторые же авторы не учитывают этого обстоятельства, сводят всю суть диалектического метода к критике познания и реальности.

Интересным и правильным в своей основе является рассуждение по поводу органической связи критики с диалектическим методом познания французского философа, специалиста по логике науки Эмиля Калло, который пишет: «...критика неотделима от диалектического подхода, верность которого она в каждый момент гарантирует. Если диалектика по праву считается активным процессом философского исследования, то критика является его направляющим фактором и тормо-

зом, который умеряет его порывы постоянным контролем: первая — сама смелость в исследовании и доказательстве, вторая — сама осторожность в подтверждении верности эвристического и генетического приема исследования... Критику мыслящий субъект осуществляет по отношению к самому себе и оценочное суждение относит к своим собственным утверждениям. В таких условиях критический дух солидарен с диалектическим духом, а философский метод определяется как диалектико-критический, что в конечном счете означает просто, что он является конструированием идей настолько же серьезным и гарантированным, насколько это позволяет могущество и свет разума»¹³.

Однако далеко не все на Западе согласны с такой оценкой диалектического метода, многие считают, что он позволяет оправдать любую идею, высказать прямо противоположные утверждения, и тем самым дезориентирует людей, препятствуя достижению истины. Наглядным примером такого отношения к диалектическому методу являются рассуждения французского философа Жана Гренье. Согласно марксизму, пишет он, «все можно оправдать диалектикой... Это триумф неясности и путаницы», «...идея диалектики, заимствованная Марксом у Гегеля, служит тому, чтобы провести все что угодно»¹⁴. Выражая таким путем свое негодование по поводу диалектики как метода познания, Жан Гренье высказывает и соответствующие практические рекомендации. «Было бы полезно,— заявляет он,— ввести в школах изучение „диалектического“ мышления, чтобы показать... к каким непоследовательностям мысли и к какому социальному угнетению могут привести философские идеи, столь благополучные и соблазнительные с виду»¹⁵.

Рассуждения Жана Гренье — яркая иллюстрация того, насколько был прав К. Маркс, когда он в послесловии ко второму изданию «Капитала» писал: «В своем рациональном виде диалектика внушает буржуазии и ее доктринерам-идеологам лишь злобу и ужас, так как в позитивное понимание существующего она включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели, каждую осуществленную форму она

¹³ Callot E. *Essais dialectiques et critiques sur l'être et le connaître*. P., 1972. P. 24—25.

¹⁴ Grenier J. *Essai sur l'esprit d'orthodoxie*. P. 1968. P. 33.

¹⁵ Ibid. P. 33.

рассматривает в движении, следовательно также и с ее преходящей стороны, она ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна»¹⁶.

Важнейшей характеристикой диалектического метода познания является необходимая взаимосвязь его принципов, то, что он представляет собой не механистическую совокупность требований, применяемых в любом сочетании и в любой последовательности, а целостную систему, в которой каждый принцип, каждое требование занимают строго определенное место, применяются на соответствующей ступени развития познания, органически связаны с принципами, действующими на предшествующих ступенях развития и на последующих. Соотношение принципов диалектического метода и последовательность их применения обуславливаются соотношением всеобщих свойств и связей объективной действительности, на основе которых они сформулированы, и закономерностями развития познания и общественной практики.

Таким образом, использование диалектического метода предполагает уяснение места каждого принципа в познавательном процессе, его соотношение с другими принципами, регулирующими познавательную деятельность. Диалектический метод — не простая совокупность, а система необходимым образом связанных принципов, предписывающих соответствующий порядок осуществления действий, направленных на познание и преобразование объекта.

Глава третья

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТИКА КАК ТЕОРИЯ, МЕТОД И МЕТОДОЛОГИЯ

Материалистическая диалектика часто рассматривается и как теория, и как метод, и как методология. Это объясняется, очевидно, тем, что между методом и методологией не всегда проводится четкое различие и что нет еще однозначного понимания взаимосвязи тео-

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 22.

рии и метода. В данной главе нам хотелось бы высказать некоторые соображения по этим вопросам, которые имеют важное значение для понимания сущности диалектического метода.

1. Понятие «методология»

Если мы сравним друг с другом определения понятия «методология», данные разными авторами, то нетрудно убедиться в отсутствии ее однозначного понимания, остается неясным, что есть методология, — всякое учение о методах или только философское учение о методах? Представляет ли она собой систему принципов мировоззрения или же сводится лишь к применению этих принципов в познании и практическом изменении мира? Является ли методология системой следующих в определенной последовательности приемов или просто совокупностью методов, применяемых в той или иной науке? Является ли методология частью теории познания, логикой, всей философией, каким-то аспектом философии или самостоятельной научной дисциплиной?

При решении этих вопросов необходимо исходить из того, что каждая наука должна иметь свой объект и предмет исследования¹, свою систему знаний и свой метод (или методы), который детерминируется предметом (характером содержания). Методы, применяемые в науке, не могут быть произвольными, они должны соотносываться со спецификой изучаемого предмета. Нельзя, например, использовать методы физики для изучения литературы, так как первые определяются сущностью и особенностями физической формы движения материи. Правомерность этого утверждения не может быть оспорена тем, что методы одной науки находят широкое применение и в других науках. Например, некоторые методы физики применяются и в астрономии, и в археологии и т. д. Это объясняется тем, что объекты указанных наук касаются в какой-то степени и физических явлений и никоим образом не противоречит тому, что каждая наука должна вырабатывать собственные методы исследования. Вернее, постановка

¹ Здесь под объектом исследования понимается та сфера действительности, с которой имеет дело данная наука, а под предметом исследования — та особая сторона объекта, которая изучается в данной конкретной науке.

и разрешение проблем поиска и обоснования методов, пригодных для данной области, выработка правил оперирования ими, изучение возможности и границ их применения в процессе достижения истины и т. д. решаются теорией методов науки, изучающей эту область действительности. Теория методов и является, по нашему мнению, методологией. Однако объектом изучения каждой конкретной науки является лишь фрагмент материальной действительности, который находится в чрезвычайно сложных взаимосвязях с другими фрагментами мира. Поэтому, чтобы выбрать правильное направление и соответствующий подход к изучаемому объекту, чтобы не потерять ориентир в массе сложных взаимосвязей явлений, необходимо опираться сначала на более общие принципы, охватывающие эти связи в целом,— на принципы мировоззренческие.

Будучи системой обобщенных взглядов на мир и на место человека в нем, мировоззрение играет роль путеводителя при исследовании, причем эту роль оно выполняет не только во время поисков методов, но и в процессе применения их. Принципы мировоззрения, выражая определенные представления человека об общей природе изучаемого объекта, составляют исходные позиции, с которых ученый ведет свои исследования. Исходя из определенных принципов мировоззрения, исследователь находит и соответствующие методы изучения. Поэтому мировоззренческие принципы кладутся в основу методов, являются руководящими в познавательной деятельности и практическом преобразовании мира.

В содержание методологии каждой науки включены и принципы другого рода, которые нельзя путать с мировоззренческими. Это — общие принципы подхода к исследованию объекта, общие правила применения методов, использования материалов, фактов и т. д. в определенной науке. Эти общие принципы и правила исходят из особенностей объекта исследования и того его аспекта, который изучается этой наукой. Они, с одной стороны, не являются принципами мировоззрения, но, с другой стороны, непосредственно не включены в содержание методов, применяемых в этой науке. Например, предметом изучения кибернетики являются самоуправляющиеся системы с любым устройством, любым принципом действия и любым материальным субстратом (такими системами могут быть

живые организмы, автоматические вычислительные машины, системы управления технологическими процессами и т. д.). В силу этого, кроме принципов мировоззрения, в содержание методологии кибернетики включаются еще два важных принципа, присущих только ей. Это, во-первых, принцип абстрагирования от качественных особенностей и сосредоточения внимания при изучении самоуправляющихся систем на нахождении в их функционировании общих черт, во-вторых, принцип одинакового использования математических формул и теорий независимо от типа и сложности самоуправляющихся систем, изучаемых ею². Очевидно, что эти принципы не являются принципами мировоззрения, хотя они тесно связаны с ними. В то же время они также непосредственно не входят в содержание методов кибернетики, в данном случае не составляют содержания методов моделирования, математизации и «черного ящика» — основных методов кибернетики. Между тем именно они кладутся в основу этих методов, являются руководящими принципами кибернетики и служат ученому как бы компасом при сборе и использовании материалов, а также при применении методов. Отсюда следует, что такие принципы также составляют важную часть содержания методологии.

Нужно подчеркнуть, что принципы мировоззрения и вышеуказанные общие принципы и правила входят в содержание методологии любой науки именно потому, что они служат исходными основами методов и их применения в этой науке. Но для того чтобы можно было фактически использовать эти методы, необходимо еще раскрыть их конкретное содержание, способы и границы применения, их взаимосвязи друг с другом, короче говоря, нужно еще учение о самих этих методах. Это учение составляет третью часть содержания методологии.

Быть теорией методов, учением о методах познания и преобразования действительности — вот в чем существо методологии. Но сущность еще не есть все содержание. В плане содержания, как мы видим, методология не есть просто какая-то последовательность использования соответствующих приемов или процедур, не просто произвольная совокупность каких-то

² См.: *Моисеев В. Д.* Центральные идеи и философские основы кибернетики. М., 1965. С. 66—69.

принципов, а организованная система определенных, органически связанных между собой принципов. Это, во-первых, те принципы мировоззрения, которые выражают определенные представления человека об общей природе изучаемого объекта; во-вторых, общие принципы и правила подхода к исследованию объекта, связанные с особенностями изучаемого объекта; и наконец, учение о методах (об их конкретном содержании, способах и границах применения и т. д.) данной науки. Все эти части тесно связаны друг с другом и составляют единую теоретическую систему, называемую методологией. Последняя должна иметь место в каждой науке, являться ее неотделимой частью. Поэтому она не является лишь философским учением о методах.

2. Методология, метод и теория

Чтобы яснее представить себе, что такое методология, необходимо отличить ее от методов. Если метод есть «форма теоретического и практического освоения действительности, исходящего из закономерностей движения изучаемого объекта; система регулятивных принципов преобразующей, практической деятельности или познавательной, теоретической деятельности»³, то методология есть учение о методах. В методологии метод является предметом изучения. Поэтому нам представляются неточными утверждения о том, что диалектический метод и есть методология, что «всеобщая научная методология есть философский метод познания и преобразования действительности»⁴. Здесь, на наш взгляд, автор смешивает учение о методе с самим методом. Такое смешение может быть обусловлено смешением теории метода с теорией, резюмируемой в методе.

В отличие от теории метода, т. е. от методологии, всякая научная теория представляет собой систему взаимосвязанных положений, отражающих сущность исследуемого объекта, его закономерности функционирования и развития. В строении теории можно выделить различные компоненты, среди которых важнейшими яв-

³ Филос. энциклопедия. М., 1964. Т. 3. С. 409.

⁴ Ядов В. А. Роль методологии в определении методов и техники конкретного социологического исследования // Вопр. философии. 1966. № 10. С. 27, 29.

ляются, во-первых, исходная эмпирическая основа, в которую входят накопленные факты, в том числе и результаты проведенных экспериментов, во-вторых, совокупность допустимых в данной теории правил логического вывода и доказательства, в-третьих, совокупность основных принципов, понятий и выведенных в теории следствий, теорем, утверждений, законов с их доказательствами. Последний компонент является самым важным для теории, ее теоретической частью. Именно он выполняет основные функции теории, среди которых важнейшие две: отражение определенной области действительности, с одной стороны, и использование в качестве метода — с другой. Последнюю функцию теория выполняет тогда, когда ее используют как средство получения новых знаний, как способ продвижения от известного к неизвестному, как орудие практической деятельности и т. д. В таких случаях теория всегда выступает в виде системы определенных регулятивных принципов, требований, правил, норм, своего рода готовых рецептов для работы, причем в роли теории здесь может выступать как вся теория в целом, так и отдельное ее положение. Иными словами, когда теорию используют как орудие познания, т. е. когда ее выражают в виде системы определенных правил, приемов, операций для вызывания определенных мутаций в объекте, тогда она превращается в метод.

Говоря о необходимости различения теорий метода и теории, резюмируемой в методе, не надо упускать из виду теснейшую связь метода с той теорией, которая резюмируется в нем. Связь между ними здесь до такой степени тесная, что иногда теория отождествляется с самим методом и в истории развития науки не раз происходили споры вокруг дилеммы: теорией или методом является та или иная научная дисциплина. А это значит, что природа и особенности объекта не только определяют теорию, но через теорию они определяют и содержание метода. Не случайно поэтому всякое изложение содержания любого конкретного научного метода всегда начинается именно с изложения того теоретического принципа, положения или теории, на основе которой сформулирован метод.

Есть точка зрения, согласно которой основные законы действительности лежат в основе метода только в конечном счете. Непосредственно же объективной основой метода являются объективные законы самого

процесса познания, формирующиеся на основе практики, которая осуществляется в соответствии с законами объективного мира⁵. С этой точкой зрения согласиться нельзя. На самом деле познание осуществляется по своим объективным законам. Но именно в процессе познания человек должен использовать в качестве своего орудия, средства познания определенный, уже сформулированный метод. Кроме того, объективные законы познания являются общими для разных процессов познания, в то время как в каждом определенном процессе познания в зависимости от конкретной цели используются различные методы. Значит, объективные законы самого процесса познания, как и другие объективные законы действительности, могут служить теоретической основой не метода вообще, но лишь определенного вида методов.

К сказанному нужно добавить, что сами по себе объективные законы действительности не составляют ядра метода; согласно замечанию Т. Павлова, «научный метод не может быть... понят, если будет абсолютно и метафизически отождествлен с самими объективными законами общественной и естественной материальной действительности. В общественной и материальной действительности нет никаких методов и имеются лишь объективные законы. Методы имеются лишь в головах, лишь в сознании, а отсюда — и в сознательной деятельности человека»⁶.

Сама теория, однако, может выполнять лишь определенную методологическую функцию. Но выполнять определенную методологическую функцию и быть методом — это не одно и то же. Говоря о методологической функции какой-нибудь концепции, теории и т. д., мы имеем в виду прежде всего ее назначение служить ориентиром для действия, для поиска, выбора и применения методов или служить теоретическим ядром вытекающего из нее метода. В этом смысле теория всегда выполняет методологическую функцию, но она не всегда превращается в метод. Идея В. И. Ленина о неисчерпаемости электрона является теоретическим принципом. В качестве такового, с одной сто-

⁵ См.: Бухалов Ю. Ф. Соотношение теории и метода в научном познании // Филос. науки. 1981. № 4. С. 135.

⁶ Павлов Т. Основное в учении И. П. Павлова в свете диалектического материализма. М., 1958. С. 105.

роны, она является отражением реальной неисчерпаемости электрона, с другой стороны, она может служить ориентиром для физиков в их научной деятельности. Говоря об уроках развития физики за прошедшие полвека в связи с этой идеей Ленина, Д. И. Блохинцев подчеркнул: «В это время (в 20-х годах XX в. — Л. Х. Т.) еще многие физики-теоретики поддерживали старую концепцию точечного электрона. Мне кажется, если бы эти физики почаще вспоминали Ленина, они, вероятно, работали бы более экономно и шли более правильными путями»⁷. Здесь, как мы видим, идея Ленина используется как принцип руководства к действию для физиков, но не как орудие, не как метод, т. е. она выполняет свою методологическую функцию, но еще не превращается в метод. В последний она может превратиться лишь в случае, если на основе теории строится целая система взаимосвязанных правил, требований, операций, призванных ориентировать субъекта в его познавательной и практической деятельности.

Изложенное позволяет сделать вывод, что теория всегда выполняет методологическую функцию, заключает в себе возможность стать методом. Но данная возможность может превратиться в «действительность» лишь в случае, если теория преобразована в систему последовательных нормативных правил, требований, строгое выполнение которых приводит к достижению поставленной цели. Этот момент очень важен для понимания диалектического метода.

Некоторые авторы считают несостоятельным представление о научном методе как наборе процедур, пригодном для всех наук или одинаковом для всех этапов научного исследования⁸. То, что нельзя представлять научный метод как набор процедур, пригодных для всех наук, — это верно. Однако нельзя согласиться с попыткой автора обосновать это утверждение рассуждениями об изменении содержания метода в зависимости от этапов познания. Он, например, считает, что на разных этапах познания процедуры и операции, входящие

⁷ Блохинцев Д. И. Ленинское учение о неисчерпаемости материи и современная физика // Великое произведение воинствующего материализма. М., 1959. С. 105.

⁸ См.: Подкорытов Г. А. Структура научного метода и ее значение для исследования методологических проблем // Эвристическая и методологическая функция философии в научном познании. Л., 1980. С. 35.

в тот или иной метод, меняют свои функции. В начале познания (при постановке проблемы, при выборе исходных данных, при сборе информации) в роли метода выступает принцип, руководящая идея. Когда же исследователь непосредственно приступает к анализу своего предмета, в роли метода выступают познавательные процедуры, методика исследования. На заключительном этапе вступают в силу операции подтверждения и проверки знания⁹. Здесь, как нам кажется, налицо подмена предмета обсуждения: сначала автор говорит об изменении содержания одного метода в зависимости от этапов познания, но в дальнейшем он в сущности ведет речь о разных принципах, составляющих содержание разных методов, которые используются в разных этапах познания. Поэтому критика автором точки зрения, согласно которой научный метод есть набор процедур, не представляется убедительной. Практика научного познания в различных областях действительности показывает, что в самом общем смысле метод всегда можно и нужно представлять в виде процедуры, состоящей из более или менее стройной системы последовательных операций, приемов, требований к мыслящему и действующему субъекту. Без этой последовательной совокупности указанных приемов, операций, требований метод трудно назвать методом в строгом смысле слова.

Что касается самой совокупности вышеназванных приемов, требований, составляющих содержание метода, то она не может быть произвольной, имеющей конвенционалистский характер (как правила игры, например). Само собой разумеется, что сами эти правила, операции, требования и последовательность их использования должны быть сформулированы на основе хорошо разработанной и проверенной теории, т. е. на основе знания объективных закономерностей исследуемой области действительности. Метод, построенный на основе истинной теории, является правильным в научном отношении. Метод, который основывается на объективно-истинной теоретической системе, по существу, «не может быть неправильным»¹⁰, если, ко-

⁹ Там же. С. 34.

¹⁰ Копнин П. В. Об объективных основах философского метода и его отношении к методам специальных наук // Филос. науки. 1967. № 6. С. 68.

нечно, правильно осуществлялся перевод теоретических положений в нормативы метода. Встречающиеся здесь ошибки, как правило, заключаются не в самом методе, а в методологии: метод — орудие в руках исследователя, а методология через его посредство управляет этим орудием. Принципы мировоззрения и общие принципы подхода к исследованию объекта, заключенные в содержании методологии, составляют как бы базу, платформу, с которой метод используется. Поэтому для достижения поставленной цели важен не только подходящий метод, но и правильная методология.

3. О материалистической диалектике как всеобщем методе

Всякий, кто изучил марксистско-ленинскую философию, казалось бы, должен знать, что такое диалектико-материалистический метод. Но в действительности оказывается, что дело не так просто. Есть авторы, которые считают, что теория материалистической диалектики сама по себе является диалектическим методом, что между материалистической диалектикой в качестве теории и материалистической диалектикой в качестве метода нет никакой разницы. Так, например, С. П. Дудель не видит никакого различия между всеобщей методологией, всеобщим методом и теорией материалистической диалектики: «Всеобщая методология или всеобщий универсальный метод — это материалистическая диалектика»¹¹. С таким мнением трудно согласиться. Ведь сами знания об общих закономерностях развития объективного мира, выраженные в диалектическом материализме в форме законов, категорий и т. д., еще не являются диалектическим методом в точном смысле этого слова. Это только теория. Она дает нам лишь определенную информацию о мире. Теория может стать методом лишь тогда, когда она применится в познавательной и практической деятельности в виде рациональной системы регулятивных принципов, требований к мыслящему субъекту. В. И. Ленин, касаясь конкретного проявления диа-

¹¹ Дудель С. П. Методология, методы и стиль современного научного познания // Диалектика — методология современно-научного и социального познания. Л. 1975. С. 31.

лектического метода в социологии, писал: «Диалектическим методом — в противоположность метафизическому — Маркс и Энгельс называли не что иное, как научный метод в социологии, состоящий в том, что общество рассматривается как живой, находящийся в постоянном развитии организм (а не как нечто механически сцепленное и допускающее поэтому всякие произвольные комбинации отдельных общественных элементов), для изучения которого необходим объективный анализ производственных отношений, образующих данную общественную формацию, исследование законов ее функционирования и развития»¹². Таким образом, когда теория диалектики применяется к изучению общества, она превращается в диалектический метод в социологии со всеми его конкретными требованиями и правилами.

Подобно этому, если мы хотим иметь представление о диалектико-материалистическом методе в целом, мы должны исходить из самой теории материалистической диалектики.

В данной связи нужно особо указать на ошибочность точки зрения, согласно которой в марксистской философии материализм играет лишь роль теории, а диалектика — только роль метода. В самом деле здесь и материализм, и диалектика играют роль теории, ибо не только принципы материализма, но и принципы диалектики являются прежде всего обобщенным отражением процесса движения и развития объективного мира. В. И. Ленин прямо назвал диалектику учением о развитии. А учение — это здесь не что иное как теория. Именно поэтому последовательный материализм может быть диалектическим, и наоборот, последовательная диалектика должна быть материалистической. Поэтому они составляют единую теорию — теорию материалистической диалектики, которую можно называть просто теорией диалектики — той теорией, которая, говоря словами Ленина, вылита из одного куска стали и из которой нельзя вынуть ни одной основной посылки, ни одной существенной части, не отходя от объективной истины¹³.

Теорию диалектики нельзя отождествлять с методом. Она превращается в диалектический метод лишь

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 165.

¹³ См.: Там же. Т. 18. С. 346.

тогда, когда применяется на практике в виде системы разработанных на ее основе требований, правил действия. Без этого не только материализм, но и диалектика не может превратиться в метод. К сожалению, нередко приходится констатировать тот факт, что далеко не все, кто тщательно изучал материалистическую диалектику, могут овладеть ею именно как методом научного познания и практической деятельности. Среди причин, обуславливающих это положение, нельзя не учитывать и то обстоятельство, что от изучения теории до умения использовать ее в научном познании и практической деятельности в качестве метода дистанция огромного размера. Поэтому, по нашему убеждению, остается еще очень существенный пробел, который необходимо восполнить: методологически переформулировать все принципы, законы и категории материалистической диалектики.

Не все согласны с этим. Ю. Ф. Бухалов, например, пишет: «В нашей литературе наметилась тенденция, согласно которой принципы, законы и категории материалистической диалектики еще не представляют философский метод, и отсюда делается вывод, что на их основе следует сформулировать особые диалектические правила познавательной деятельности. Когда пытаются определить такие правила, то ограничиваются весьма общими замечаниями, говоря об объективности, всесторонности, историзме и т. д., в рассмотрении объектов»¹⁴. Он делает вывод, что задача не в том, чтобы формулировать какую-то систему особых диалектических правил, тем более формализованных и взятых в их строгой последовательности. Материалистическая диалектика как всеобщий метод познания не может быть сведена к системе подобных правил. Поэтому задача, согласно Ю. Ф. Бухалову, состоит именно в исследовании и решении методологических проблем на основе системы принципов, законов и категорий материалистической диалектики.

В этом рассуждении, как нам представляется, есть некоторая непоследовательность. С одной стороны, правильно отмечается, что теория указывает, что можно и что нельзя мыслить об объекте, но сама еще не содержит специального знания о том, что и как надо сделать для решения новой познавательной задачи.

¹⁴ Бухалов Ю. Ф. Указ. соч. // Филос. науки. 1981. № 4. С. 137.

«Теория,— пишет он,— содержит некоторые принципы и положения, на основе которых должен быть разработан собственно метод как выражение определенной структуры, отличной от закономерности познавательной деятельности, „механизма“ ее осуществления»¹⁵. Однако он же утверждает: «В философии, особенно марксистской, теория и метод, по существу, совпадают, ибо предметом философии является отношение материи и сознания, общие законы этого отношения, т. е. законы развития природы, общества и мышления... Собственно философский метод познания и представлен материалистической диалектикой как теорией познания и логикой»¹⁶.

Почему допускается такая непоследовательность? Это, вероятно, проистекает из трудности осуществления перевода теории диалектики в методологические правила. Правда, в силу всеобщности принципов, законов и категорий диалектики последовательность вытекающих из них нормативных правил не может быть жесткой, как в случае более специального конкретного метода. Но последовательность, пусть более или менее жесткая, должна существовать. Без этой последовательности нет смысла говорить о методе. Наша задача именно в том и состоит, чтобы на основе целесообразно разработанной системы (именно системы, а не совокупности) категорий диалектики выявить последовательность нормативных правил, составляющих диалектический метод.

К сожалению, сама проблема построения системы категорий диалектики разработана пока недостаточно, причем анализ многих категорий и положений диалектики ведется, как правило, на абстрактном уровне, вне связи с задачами практической деятельности. Это создает большие трудности в осуществлении задачи перевода теории в нормативные требования.

Много, например, говорится о роли противоречия, о действии закона единства и борьбы противоположностей в развитии объекта. Но в своей практической деятельности люди остро нуждаются в знании о том, как выявить противоречие. В силу того, что этот вопрос пока мало разработан, можно пока лишь догадываться о наличии того или иного противоречия у

¹⁵ Там же. С. 136.

¹⁶ Там же. С. 136—137.

объекта, но нельзя точно, с уверенностью определить их. Подобно этому, мы много говорили о законе перехода количественных изменений в качественные и наоборот или о законе отрицания отрицания и т. д. Но, изучив эти законы, люди пока не могут применить их в своей познавательной и практической деятельности.

Изложенное свидетельствует об актуальности исследования процесса приложения теории, предполагающего превращение теории в метод, в нашем случае о необходимости и актуальности задачи перевода теории диалектики, ее принципов, законов и категорий в методологические требования, в нормативные правила, предписания, которые необходимо соблюдать в познавательной и практической деятельности. Без выполнения данной задачи нельзя говорить о наличии диалектического метода в собственном смысле слова.

4. О материалистической диалектике как всеобщей методологии

Каким образом может материалистическая диалектика выступать в качестве именно всеобщей методологии?

Мир является объектом всего человеческого познания. Он изучается с различных сторон различными науками, причем каждая специальная наука имеет возможность изучать лишь определенную часть, определенный аспект его и вносит свой вклад в познание той части, которая ею изучается. В отличие от всех частных наук материалистическая диалектика имеет своим предметом исследование наиболее общих законов всякого движения, действующих во всех областях — природе, обществе и мышлении, поэтому только она одна имеет возможность разрабатывать такой метод, который может применяться во всех науках, т. е. выступать именно как учение о всеобщем методе и в этом смысле как методология. В этом смысле материалистическая диалектика может играть роль методологии, во-первых, потому, что она составляет самую важную часть мировоззрения, которое, в свою очередь, составляет самую важную часть методологии, во-вторых, потому что она как наука, стремящаяся дать целостное представление о мире, обосновывает общие принципы подхода к исследованию этого мира. Выполняя функцию теории всеобщего метода, применяемого

во всех областях человеческой деятельности, материалистическая диалектика в одном из своих аспектов выступает и как всеобщая методология, вернее, как учение о методе исследования всеобщего.

Признавая в этом смысле существование «всеобщей методологии», мы тем самым признаем и существование других более «узких» методологий. Это вполне естественный вывод. Он вытекает из всем известного факта, что любая наука, имеющая целью раскрыть сущность объекта своего исследования, всегда должна развивать и теорию методов, используемых в этой науке. Никакая другая наука не может подменять ее в этом деле. Иными словами, каждая наука должна иметь свою методологию.

Этот факт не учитывают некоторые авторы. Например, по мнению А. Бынкова, «выделение в качестве самостоятельных общей и специальной методологий не является правомерным. Это приводит к отрыву методологических проблем частных наук от всеобщей методологии, от философской науки и к обесцениванию философии как методологии. По нашему мнению, существует лишь одна, единая методология — философско-логическая»¹⁷. Нам думается, что, во-первых, нельзя перечеркивать существование частных методологий, во-вторых, признание существования частных методологий никак не приводит к обесцениванию философии как методологии, к методологическому плюрализму в духе старого лозунга «каждая наука сама себе методология», потому что в любой частной методологии, как было сказано выше, всегда наличествуют мировоззренческие, прежде всего философские, принципы, которые непосредственно руководят применением методов; в-третьих, сами частнонаучные методологии не существуют изолированно друг от друга и от всеобщей методологии. Их содержание, с одной стороны, едино со всеобщей методологией, с другой стороны, имеет специфические черты, обусловленные спецификой предмета и в силу этого — спецификой познания данного предмета в определенной конкретной науке. Поэтому не надо бояться признать их существование наряду со всеобщей методологией.

¹⁷ Ленинская теория отражения и современная наука. София, 1973. Кн. 1. С. 382.

Из всего изложенного выше можно сделать вывод: нельзя смешивать материалистическую диалектику как теорию с материалистической диалектикой как методологией и с диалектическим методом (в качестве теории *материалистическая диалектика* является наукой о закономерностях взаимосвязи материи и сознания и всеобщих законах действительности, тогда как в качестве метода — это система регулятивных принципов, требований, разработанных на основе теории материалистической диалектики); *всеобщей же методологией* будет материалистическая диалектика, взятая в том ее аспекте, где она выступает как учение о всеобщем методе — методе диалектическом.

II

СТРУКТУРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ДИАЛЕКТИКО- МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО МЕТОДА

Глава первая

ЕДИНСТВО АНАЛИЗА И СИНТЕЗА

Широко известно, что в числе шестнадцати элементов диалектики В. И. Ленин называет «соединение анализа и синтеза». Однако (если судить по имеющейся литературе) гораздо менее известно, что непосредственно перед перечислением этих элементов Ленин формулирует три основных определения (или элемента) диалектики: «1) Определение понятия самого из себя [сама вещь в ее отношениях и в ее развитии должна быть рассматриваема]; 2) противоречивость в самой вещи (das Andere seiner), противоречивые силы и тенденции во всяком явлении; 3) соединение анализа и синтеза. Таковы элементы диалектики, по-видимому»¹, т. е. те основные элементы диалектики, из которых затем выводятся все остальные, излагаемые при более детальном членении в шестнадцати пунктах.

Я специально обратил внимание на приведенное высказывание только затем, чтобы ярче подчеркнуть, какое огромное значение для понимания марксистского диалектического метода имеет, по мнению Ленина, правильное осмысление единства анализа и синтеза, единства, с которым связаны и из которого вытекают все другие особенности и аспекты марксистской трактовки анализа и синтеза, их соотношения. При понимании единства анализа и синтеза как единства диалектического прежнее недиалектическое (метафизическое) представление, удерживающее эти методы один вне другого в сосуществовании и последовательности, вследствие чего они выступают перед сознанием вне

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 202.

органической связи, преодолевается как позиция, которая, по словам Ленина, выражает «суть антидиалектики». Тем философам и ученым, которые усматривают единство анализа и синтеза лишь в их взаимодополнении, следует напомнить: с помощью слов «взаимодополнение», «чередование», какими бы важными ни были эти характеристики, нельзя выразить единство анализа и синтеза как единство диалектическое. Для этого, как мы увидим, необходимы еще и другие определения.

До возникновения диалектической философии вопрос о соотношении анализа и синтеза, соответственно — аналитического и синтетического методов решался с позиций их противопоставления. Правда, в сочинениях Галилея, Декарта и особенно Канта можно встретить определенные намеки на необходимость рассмотрения указанных методов с точки зрения их более тесной связи. В сочинениях этих ученых встречаются порой и разговоры о единстве анализа и синтеза, но единство это понимается ими в принципе как некоторая чисто внешняя связь противоположных методов, которая сводится к их чередованию и взаимодополнению в рамках некоторого законченного познавательного цикла, вернее, совокупного познания того или иного явления. Однако некоторые намеки на выход за рамки такого понимания единства анализа и синтеза, определенные зачатки диалектического понимания этого единства можно обнаружить в понимании Галилеем самого анализа, который он не сводит к простому разложению первоначального целого, а включает в анализ проникновение до последних элементов целого, открытие связей и законов этого целого. Эта мысль находит свое явное выражение в нетрадиционном для его времени понимании им анализа как восхождения от наиболее простого заключения ко все более сложному. Значение этого понимания можно правильно оценить, если иметь в виду, что диалектическое единство анализа и синтеза (аналитического и синтетического методов) состоит не только в том, что они объединяются в чем-то третьем (в некотором отличном от них методе, например), а и в том, что каждый из них содержит в себе свое другое, свою собственную противоположность.

У Декарта мы встречаемся с пониманием анализа и синтеза как различных этапов познания некоторого предмета или явления. Анализ, по его мнению, состоит в сведении сложных (или, как он выражается, темных)

положений к более очевидным; синтез же должен состоять в том, чтобы от очевидных положений восходить к пониманию остальных, но непременно по тем же ступеням. Вплотную подходит он к мысли о том, что действительную связь анализа и синтеза можно показать лишь в том случае, если и тот и другой метод имеют дело с одним и тем же предметом, если мы аналитически «спускаемся» и синтетически «поднимаемся» по ступеням одной и той же лестницы или, более популярно, если в анализе не «спускаемся» по ступеням познания химического вещества и не проделываем обратный (синтетический) путь по ступеням познания, скажем, социалистического образа жизни, как это имеет место у людей, сводящих диалектику анализа и синтеза к сумме примеров.

В «Рассуждении о методе» Декарта второе правило касается аналитического метода и основное его требование определяется так: «делить каждую из рассматриваемых... трудностей на столько частей, на сколько потребуется, чтобы лучше их решить»². Третье правило относится к синтетическому методу, и в нем выражено требование: «Руководить ходом своих мыслей, начиная с предметов простейших и легко понимаемых, и восходить мало-помалу, как по ступеням, до познания наиболее сложных»³. Аналогичной трактовки придерживался и Спиноза с тою лишь разницей, что он четко ставил вопрос о необходимости различения исследования и изложения, относя аналитический метод к исследованию, а синтетический — к изложению и пренебрежительно отзываясь о тех, которые «не знакомы ни с синтетическим методом, которым они (науки. — *И. Э.*) излагаются, ни с аналитическим, которым они открыты»⁴. По свидетельству его друга и издателя его работ Людовика Мейера, Спиноза хотел представить в синтетической форме то, что Декарт изложил в аналитической форме⁵. Единство же анализа и синтеза Спиноза видел в том, что аналитическим путем отыскиваются простейшие основания изучаемого явления, а на синтетическом осуществляется восхождение от простейшего к более сложному. У него сказано:

² Декарт Р. Рассуждение о методе. М. 1953. С. 22.

³ Там же.

⁴ Спиноза Б. Избр. произведения: В 2 т. М., 1957. Т. 1. С. 177—178.

⁵ Там же.

«Я говорю, что мы ищем простейшие и наиболее понятные основания; если они не таковы, нам нечего с ними делать; ибо ясно, что мы предполагаем существование семян вещей лишь затем, чтобы понять их природу, и по примеру математиков продвигаемся вперед от наиболее известного к наиболее темному и от простейшего к более сложному»⁶.

Вернемся, однако, к Декарту: несмотря на попытку изобразить анализ и синтез в качестве элементов некоторого единого метода, он не идет дальше их противопоставления, в котором они лишь взаимодополняют друг друга, осуществляя поочередно совершенно различные функции. Это особенно ясно видно из его понимания роли анализа и синтеза в доказательстве. В предисловии к первому изданию работы Спинозы «Основы философии Декарта, доказанные геометрическим способом», Л. Мейер пишет, что «в конце своего „Ответа“ на „Вторые возражения“ Декарт различает два рода убедительных доказательств: один — аналитический, „показывающий истинный путь, которым предмет найден методически и как бы а priori“; другой — синтетический, „который пользуется длинным рядом определений, постулатов, аксиом, теорем и проблем, так что, если оспаривать некоторые следствия, он тотчас может показать, что они содержатся в предыдущем, и этим путем, несмотря на сопротивление и упорство читателя, вынуждает его согласие“ и т. д.»⁷.

Возражение здесь вызывает не само выделение двух видов доказательств в методе рационализма, а то обстоятельство, что, согласно такому делению, анализ не содержится в своей противоположности — синтезе, и наоборот.

Но требовать этого от Декарта исторически неоправданно: это было бы отходом от принципа историзма в объяснении рассматриваемой проблемы. Однако бесспорной заслугой Декарта и Спинозы является то, что они указали на огромное значение метода синтетического вывода в науке, хотя у них речь шла о «геометрическом», а не о диалектическом выведении, на значение — в противоположность «вульгарной логике» — синтетического метода доказательства. Зна-

⁶ Там же. С. 200—201.

⁷ Там же. С. 177.

чение этой идеи впервые раскрывается во всей полноте в трудах классиков марксизма-ленинизма.

Кант понятийно проводил четкое и даже чересчур резкое различие между аналитическим и синтетическим методами, считая, что в некотором познавательном действии (в познании некоторой вещи) можно использовать или аналитический, или синтетический метод, но ни в коем случае не и аналитический, и синтетический. Необходим переход от использования одного «инструмента» к использованию другого, их попеременное использование. Понимание соотношения методов и здесь не идет в принципе дальше понимания их как просто дополняющих друг друга во временной последовательности их применения или как совпадения их результатов. Очевидно, такое понимание соответствовало состоянию, характеру и уровню развитости научных исследований в то время. Вслед за Спинозой Кант понимал синтетический метод как метод изложения, а аналитический — как метод исследования, но в отличие от Спинозы он только аналитический метод считал методом получения новых знаний. На этом уровне решается в принципе вопрос о соотношении аналитического и синтетического методов и некоторыми нашими философами, иногда с той лишь разницей, что они сильнее, чем Кант, подчеркивают, будто с помощью синтеза мы не приобретаем каких-либо знаний, а лишь упорядочиваем (если это вообще делаем) материалы-результаты, полученные в процессе аналитического исследования. Однако для более полного представления о кантовском понимании соотношения аналитического и синтетического методов целесообразно и необходимо обратить внимание на то, что оба эти метода должны быть применены в познании объекта, если мы желаем постигнуть полноту знаний о нем. На эту необходимость применения и того и другого вместе постоянно обращается внимание в кантовских работах. Отсюда — встречающаяся в его сочинениях мысль, о том, что один и тот же познавательный материал нужно дважды методически обработать: один раз — аналитически, а другой (и во вторую очередь) — синтетически. В «Основах метафизики нравственности» Кант говорит, что он идет «аналитическим путем — от обычного познания к определению его высшего принципа, а затем обратным, синтетическим путем — от исследования этого принципа и его источников к обы-

денному познанию, где он применяется»⁸. Здесь Кант вплотную подходит к мысли о том, что важнейшей функцией синтеза является контроль аналитического процесса. Результат же синтеза, в свою очередь, проверяется аналитически. Применение обоих методов и их взаимоконтроль основываются у Канта на «единой идее целого», которая должна обеспечивать контроль за полнотой научного познания. Лишь совместным применением и взаимоконтролем этих методов можно прийти к уверенности в надежности результатов. У Канта проводится иногда и та мысль, что анализ и синтез должны каким-то образом соединяться в чем-то третьем, под которым он имеет в виду разум, и поняты они могут быть, лишь если исходить из этого целого, подобно тому, «как в строении органического тела... назначение каждого отдельного члена может быть выведено только из полного понятия целого»⁹. На уровне разума (по словам Гегеля, диалектического разума, или диалектической рациональности) преодолевается то грубое противопоставление анализа и синтеза, которое было столь характерно для рассудочной метафизики, а также для эмпиризма и формализма. Но здесь имеется намек и на то, что постигнуть конкретную целостность предмета невозможно не только средствами анализа и синтеза, взятых в обособленности друг от друга, но даже и тогда, когда эти методы берутся как взаимодополняющиеся, ибо они остаются методами рассудочного мышления до тех пор, пока не станут моментами некоторого более высокого движения мышления, снимающего односторонность рассудочных противопоставлений. На уровне же рассудка, который оперирует «конечными определениями» мышления (берет одну противоположность без другой или же обе без их единства), подобное противопоставление воспринимается как нормальное явление. Более того, «конечное познание», даже когда оно доходит до своей границы и переходит ее, не сознает той области, в которой употребляемые им методы выступают совершенно иначе, и продолжает их грубо применять там, где в своей прежней форме они уже неприменимы. И то, что у Канта было способным к развитию зародышем, получило свое дальнейшее развитие в диалектической

⁸ Кант И. Соч.: В 6 т. М., 1966. Т. 4, ч. 1. С. 227.

⁹ Там же. С. 77.

философии — сначала идеалистической, а затем материалистической.

Как бы то ни было, но в понимании единства анализа и синтеза Кант продвинулся настолько далеко, насколько это вообще возможно, оставаясь на позициях дуализма и идеалистического априоризма. Стоит ли удивляться тому, что с этих позиций была принципиально неразрешима проблема спецификации (перехода от всеобщего к особенному и единичному), с которой Кант связывал свое понимание синтетического выведения. При попытке решить эту проблему он впал в формальное противоречие: с одной стороны, ставил вопрос о переходе от всеобщих определений мышления к единичностям природы, а с другой стороны, обосновывал принципиальную непознаваемость «вещей в себе», к которым он должен был перейти.

Заметивший эту слабость кантовского решения, Фихте попытался преодолеть ее путем отрицания «вещей в себе», с одной стороны, и абсолютизацией творящей активности субъекта — с другой. Но и для него, как и для других представителей немецкого классического идеализма, проблема спецификации оказалась неразрешимой. Отстаивая мысль о необходимости построения целостной системы научного знания, Фихте считал, что для решения этой задачи нужно применить и аналитический, и синтетический методы в их единстве. Основой такого единства выступала у него сама активность субъекта, конструирующего свободно свой «предмет» и принимающего деятельность анализа и синтеза в познании исключительно за одностороннее полагание, как будто в предмете нет ничего такого, чего не было бы вложено в него.

Продолжая развивать мысль своих предшественников, Гегель впервые довел понимание взаимосвязи анализа и синтеза до их диалектического единства, правда, не реального, предполагающего различия, а спекулятивного, превращающего различие между этими методами в «скучную видимость различия». Его интересовала истина в форме науки, а наука для него была системой, требующей методического выведения. Поэтому проблема анализа и синтеза и их взаимосвязи ставилась и решалась им в рамках собственно познания, в рамках научного познания, теоретического мышления, которое имеет дело с анализом предмета, каков он для понятия, а не каков он для созерцания и пред-

ставления, ибо разложение и постижение последнего не относятся к собственно познанию. Иными словами, при анализе некоторого предмета нужно исходить не из «действительно исходного пункта», а из предпосылки, что этот предмет в определенном смысле соответствует своему понятию, ибо это соответствие сразу ставит задачу отличия тех сторон предмета, которые нужно считать его понятийными определениями, от тех, которые являются для него внешними, несущественными, случайными. «Вообще истинное деление должно рассматриваться как определяемое понятием»¹⁰. Но «так как анализ имеет своим основанием понятие, то он по существу своему имеет своим результатом определения понятия, и именно как такие, которые непосредственно содержатся в предмете»¹¹. Движение от всеобщего к особенному, т. е. синтетическое познание, также принадлежит понятию и осуществляется в процессе его формирования на пути восхождения от абстрактного к конкретному, воспроизведения мышлением конкретного посредством абстрактных определений. Таким образом, действие и того и другого методов в понятии начинается и в нем продолжается... Именно понятие есть то, что разделяется в свои различия и то, чем эти различия (многообразие) связываются в едином процессе познания. Они, говорит Гегель, моменты понятия потому, что они — моменты действительного движения (развития), но для него эта дистинкция не имеет принципиального значения, так как он считает, что «генезис понятия» и есть само действительное движение. В научном познании (и согласно понятию) анализ предшествует синтезу, так как сначала нужно возвести эмпирически-конкретный материал в форму всеобщих абстракций и уже только после этого предпосылать их в синтетическом методе. И, напротив, каждый первоначальный синтез предшествует анализу, ибо там, где разум предварительно ничего не соединил, он ничего не может и разъединить. Если у предшественников Гегеля встречаются лишь отдаленные намеки на взаимопроникновение и взаимопереплетение аналитического и синтетического действий внутри чего-то третьего, то сам он это ясно и последовательно

¹⁰ Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. М., 1974. Т. 1. С. 414.

¹¹ Гегель Г. В. Ф. Наука логики. М., 1972. Т. 3. С. 247.

формулирует, доказывая, что этим третьим является диалектический метод как единственно адекватный природе философского познания, как первый собственно философский метод, не заимствованный у частных наук и не привнесенный в философию извне. Эти методы (аналитический и синтетический), увенчивающиеся блестящими успехами в сфере специального научного познания, не годятся, по словам Гегеля, для философского познания по той простой причине, что познание в них носит характер рассудочного познания. Даже синтетико-дедуктивный метод, которым Спиноза в исключительно последовательной форме излагал спекулятивные истины, непригоден, по мнению Гегеля, для философской науки прежде всего в силу своего крайнего формализма.

Истинно философский метод, согласно Гегелю, и аналитичен и синтетичен, но он таков не в смысле только рядоположенности или попеременности этих «признаков» как особых методов, а в том смысле, что философский метод содержит их в себе как снятые, и соответственно в каждом своем движении он в одно и то же время и аналитичен и синтетичен, имеет аналитико-синтетическую природу. Философское мышление аналитично, поскольку оно изучает свой предмет как независимый от субъекта; но оно в то же время и синтетично, поскольку выражает собою активность субъекта. Свою аналитико-синтетическую природу философский метод обнаруживает на всех уровнях познания — и при познании начала, и во всем поступательном движении.

Однако, когда речь идет об аналитическом и синтетическом методах как методах так называемого конечного познания, Гегель вслед за Кантом считал, что в познании конкретного объединение разделенного придаст большее значение синтезу, чем анализу. Этим он, хотя неосознанно и в мистической форме, выразил недовольство тем «философским мышлением», которое, абсолютизируя отдельные элементы познания или объективной действительности, не берет во внимание и отчуждает от них другие элементы, находящиеся с ними в неразрывном единстве, т. е. тем «философским мышлением», которое то отчуждает противоположности, составляющие единство, то берет единство без противоположностей. Предпочтение синтеза не вытекает из гегелевской критики анализа как

метода конечного познания; синтез для него также не является методом бесконечного, всеобщего, абсолютной истины. Синтез он также относил к методам конечного познания. Иными словами, синтез и анализ для него — особенные всеобщие методы познания. Согласно Гегелю, верховным принципом анализа является тождество (по его словам, абстрактное, формальное, локковское тождество), принципом синтеза — различие, а объединяются они в диалектическом методе, основным принципом которого является единство (тождество) противоположностей. Но изучение диалектического метода не должно сводиться к общим рассуждениям относительно этого единства. Напротив, необходимо раскрыть и показать те формы и принципы, которыми диалектический метод опосредствует другие методы, поднимая их на высший уровень и делая их диалектическими, что позволяет говорить о диалектическом анализе, диалектическом синтезе, диалектической дедукции и т. п.

Здесь важно еще отметить, что диалектическое единство анализа и синтеза не было для Гегеля продуктом субъективного понимания, а было чем-то таким, что определяется самим предметом. Это совершенно верная мысль, хотя она и не может быть понята в рамках идеалистического понимания предметности, не признающего развития объективной действительности вне мышления. Несмотря на это, Гегель решительно выступал против волюнтаристско-субъективистского подхода, при котором, например, аналитический метод можно произвольно заменить противоположным ему синтетическим методом, совершенно не считаясь с реальной диалектической предметной определенностью. В связи с этим он неоднократно подчеркивал, что сама вещь своей структурой требует как аналитического, так и синтетического методов познания, — либо первого, либо второго, либо и первого и второго вместе. У Гегеля сказано: «Обычно говорят об аналитическом и синтетическом методах так, как будто лишь от нашего произвола зависит, следовать тому или другому. Это, однако, отнюдь не так; от формы самих познаваемых предметов зависит, какой из двух вытекающих из понятия конечного познания методов нам придется применять»¹². Но структура вещей такова, что для своего

¹² Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. С. 411.

познания она требует в такой же мере синтетического методического действия. Неверна также и точка зрения, согласно которой мышление детерминируется предметом лишь до тех пор, пока оно только разлагает данные ему конкретные вещи на их абстрактные элементы и рассматривает эти последние в их изолированности, иными словами, согласно которой на уровне синтетического познания мышление полностью освобождается от предметной детерминации и совершенно свободно занимается самим собою, самоупорядочением. Такое понимание «представляет собой извращение природы рассматриваемых мышлением вещей», ибо познание, не переходящее от анализа к синтезу, впадает в противоречие с самим собой и со своей основной общей целью — воспроизведением конкретного в мышлении, постижением цельной истины о нем. Ограниченность такого понимания Гегель излагает настолько популярно, что его мог бы понять любой последователь Локка и эмпирик. «Так, например, химик помещает кусок мяса в реторту, подвергает его разнообразным операциям и затем говорит: я нашел, что оно состоит из кислорода, углерода, водорода и т. д. Но эти абстрактные вещества уже не суть мясо. И так же обстоит дело, когда эмпирический психолог разлагает поступок на различные стороны, которые этот поступок предоставляет рассмотрению, и затем фиксирует их в их изолированности. Подвергаемый анализу предмет рассматривается при этом так, как будто он луковица, с которой снимают один слой за другим»¹³. Таким образом, сама структура и сущность вещей требуют синтетического познания не в меньшей мере, чем аналитического. Напомнить об этом лишний раз важно хотя бы потому, что некоторые философы, даже среди современных марксистов, еще не освободились от мнения, что синтетическим путем мы не приобретаем никаких знаний о предмете и, следовательно, не увеличиваем и не углубляем истину о нем. Этим они отрывают мысль от предмета на уровне синтеза, утверждая, будто в синтетическом действии мысль не удерживается в предмете, перестает быть отражением его и занимается исключительно внешней классификацией и формальным упорядочением материала, добытого аналитическим путем.

¹³ Там же. С. 412.

Согласно же Гегелю и Марксу, в синтезе изображаются не столько результаты исследования, сколько сам предмет посредством тех общих определений или законов, которые получены и открыты в процессе анализа: «Направление движения синтетического метода обратно направлению движения аналитического метода. В то время как последний, исходя из единичного, движется затем к всеобщему, исходным пунктом первого является, напротив, всеобщее (как дефиниция), и от него он движется через обособление (в разделении) к единичному (к теореме). Синтетический метод обнаруживает себя, таким образом, развитием моментов понятия в предмете»¹⁴, воспроизведением предмета в имманентной необходимой связи и единстве конституирующих его элементов. Связь познания с предметом не завершается расчленением последнего на его составные элементы и установлением того, что они суть части одного и того же предмета. При диалектическом подходе анализ должен перейти в синтетическое познание предмета (того же самого предмета, с которым мы имели дело в анализе), т. е. должен быть преодолен в нем, в развитии его понятия.

В связи со сказанным нужно сделать одно замечание, указывающее на слабость гегелевского понимания, на его непоследовательность. Исходя из того, что наука должна быть законченной и совершенной системой, Гегель делает вывод о необходимости последнего синтеза как результата аналитико-синтетического выведения сообразно диалектическому методу. Однако принятием последнего синтеза Гегель отходит от самого существенного принципа диалектики: непрерывности процесса развития. С «прекращением» развития анализ и синтез отрываются от закона отрицания отрицания, и тогда они в лучшем случае могут рассматриваться не более чем как мыслительное разложение и восстановление одного и того же, восстановление, которое, к тому же, нисколько не затрагивает реального предмета. В своей критике гегелевской философии К. Маркс обратил внимание на консервативность, некритичность и апологетичность такого понимания, отмечая, что для гегелевского понимания отрицания отрицания характерен «некритический позитивизм» и «мнимый критицизм», т. е. философское разложение и

¹⁴ Там же.

восстановление (подтверждение) наличной эмпирии, без какого-либо намека на выход за ее рамки.

Отчасти поэтому мысль о том, что аналитико-синтетический процесс мышления должен основываться на объективном процессе движения самой действительности, не могла быть последовательно проведена в гегелевской философии, не признающей бесконечного развития действительности вне мышления. Для последовательного проведения этой мысли необходимо было другое понимание действительности, необходимо было найти иную философскую основу метода.

К. Маркс открыл эту основу. Симптоматично, что, по его собственному утверждению, он «изложил материалистическую основу» своего диалектического метода в предисловии к «Критике политической экономии», именно в том труде, в котором он впервые классически сформулировал свое материалистическое понимание истории. Диалектический метод Маркса отличается от гегелевского именно по своей основе: основой гегелевского метода было идеалистическое понимание истории, которое основоположники марксизма развенчивали в своей критике идеологии как превратного понимания общественной истории, как синонима исторического идеализма; основой же диалектико-материалистического метода явилось материалистическое понимание истории. Неудивительно поэтому, что формирование этого метода совпало с формированием материалистического взгляда на историю. Неудивительно также и то, что на основе идеалистического понимания общественной истории (и предметности вообще) невозможно было сохранить меру различия и совпадения особенных общих методов познания (анализа и синтеза, индукции и дедукции и др.), ибо с ликвидацией действительной основы противоположностей действительное различие между ними становится мнимым, вследствие чего их единство понимается как утрата этими противоположностями своей специфики. Отсюда и получилось, что, согласно Гегелю, анализ, например, обнаруживает свою особенность лишь на отдельных этапах движения «асбсолютного» метода, точнее, в процессе восхождения от абстрактного к конкретному.

Критикуя традиционную формальную логику за то, что она анализ и синтез рассматривала абстрактно, в обособленности от их содержания и в их чистом виде

противопоставляла их друг другу, не видя других отношений между ними и не рассматривая их в рамках действительного процесса познания, Гегель стал больше подчеркивать их тождество, чем их различие и противоположность. У Маркса же диалектика анализа и синтеза есть диалектика, которая в подвижном единстве этих противоположностей не забывает их собственных границ и реального различия между ними, оставляя возможность развития и каждого из названных методов в отдельности.

Марксистское понимание анализа и синтеза в некоторых общих положениях непосредственно отталкивается от гегелевского и в то же время принципиально различается с ним. Это различие вытекает из различия основ диалектического метода Маркса и диалектического метода Гегеля, из их совершенно различных онтологических, гносеологических и социальных предпосылок.

Кроме того, в отличие от Гегеля, считающего, будто результатом анализа может быть лишь выделение абстрактных общностей, Маркс считает основной задачей анализа нахождение такой общности, которая является определяющей и существенной для изучаемого объекта. Лишь на основе такого общего может быть воспроизведено конкретное в мышлении, т. е. осуществлено синтетическое выведение, которое есть нечто отличное от простого собирания и соединения множества абстрактных определений в некоторое единство, не принимающего в расчет основного элемента, обуславливающего и определяющего действительное единство многообразного. Существенным для осуществления диалектического анализа и синтеза является, по Марксу, выделение познаваемого предмета в чистом виде.

Единство анализа и синтеза в материалистической диалектике как методе разрешения противоречий происходит из того, что как в анализе, так и в синтезе предполагается объективное движение и развитие самих вещей, являющихся предметом познания. Но ближайшей основой этого единства является практическая деятельность людей, которая имеет всегда деструктивно-конструктивный характер, которая может созидать новое, разрушая старое, и в процессе которой люди приходят также к осознанию того, что любой анализ может перерасти в синтез (и наоборот), что они могут

быть постоянно вместе в едином процессе мышления.

Мнение, согласно которому анализ и синтез идут рядом или только чередуются, является недостаточным и односторонним, ибо оно обращает внимание только на внешнюю связь этих методов. Ф. Энгельс после Гегеля стремился ближе определить их единство, поняв отношение между анализом и синтезом как тесную «взаимную связь» и взаимное предположение. Восходя от абстрактного, Маркс в синтетическом процессе воспроизводит конкретную общественную действительность как теоретическую конкретность. И все же он с начала и до конца применяет и аналитический метод. Аналитически разрабатывается им каждая категория, каждая новая ступень в этом основном синтетическом процессе. Здесь практически показано единство анализа и синтеза как взаимное проникновение этих методов в ходе диалектического изложения. Сие имеет место и на этапе исследования, не говоря уже о целом купном процессе познания. Поэтому речь может идти не об исключительном использовании только одного из этих методов в «чистом виде» в том или ином процессе мышления, а о месте каждого из этих методов в субординации всех методов на различных этапах духовного освоения действительности. Из этого предположения исходил и Энгельс, когда писал, что «мышление состоит столько же в разложении предметов сознания на их элементы, сколько в объединении связанных друг с другом элементов в некоторое единство. Без анализа нет синтеза»¹⁵.

Диалектическое единство анализа и синтеза вытекает из особенной роли, которую каждый из них играет в познавательном процессе. Например, из роли, которую играет сам анализ, из его функции происходит то, что он в своей высшей форме как диалектический анализ содержит в себе «свое другое», синтез как свою противоположность.

Роль анализа не только в том, чтобы разлагать некоторое целое, сложный предмет, явление или процесс на их элементы, свойства, стороны, моменты, состояния, компоненты и т. д.

В движении анализа от целостности к составным элементам должны раскрываться и связи, а не только

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 44.

составные части, так как предмет нужно рассматривать в процессе развития, оказывается, что сам анализ содержит внутри себя синтез или элементы синтетического метода. Открывая связи обусловливания, изменения и переходы, противоположности и их единство, в процессе анализа мы действуем вместе с тем синтетически. Таким образом, в самом анализе открывается его синтетический характер.

Аналитическое исследование направлено на открытие того, что является главным, нахождение внутренней сущности, которая составляет основу многообразия вещей и определяет всю вещь и элементы в их связях и отношениях.

Синтез же как движение от элементов к целому, от сущности к ее проявлению, к явлению, от абстрактного всеобщего к конкретному всеобщему или к воспроизведению реально конкретного как мысленного конкретного принимает путь, противоположный анализу. Роль синтеза состоит в восстановлении или воспроизведении конкретного целого в своей жизненности, со своими связями и отношениями, исходя из результатов, достигнутых анализом. Или так же, чтобы на основании данных элементов построить новое целое, либо только в мышлении, либо и практически. В этом втором случае чаще всего обнаруживается творческий характер синтеза.

Анализ и синтез и их взаимосвязь можно определить глубже: анализ — как движение от поверхностного разнообразия вещи к открытию единства, того, что составляет сущность вещи; синтез — как движение от единства, от открытой основы и сущности к разнообразию проявления этого единства в конкретной действительности, а их взаимосвязь — как единство противоположностей в диалектическом процессе развития практики и познания.

Важность диалектического понимания связи анализа и синтеза особенно возрастает в наше время, когда развитие науки почти наглядно обнаруживает себя как единый аналитическо-синтетический процесс, в котором диалектический метод выступает могучим средством ее дальнейшего развития, средством прогресса человеческого познания, а тем самым — средством увеличения могущества человека в преобразовании и изменении мира. Для нас сейчас понимание этого единства особенно важно и в том отношении, что оно помогает

установить правильное соотношение между деструктивными процессами в перестройке нашего общества и обеспечить приоритет конструктивных.

Глава вторая

ЕДИНСТВО ИССЛЕДОВАНИЯ И ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО ИЗЛОЖЕНИЯ

У прочитавшего название может возникнуть вопрос: почему изложение называется диалектическим, а исследование — нет.

Ведь, хотя диалектика выступает и как метод исследования, она не была и не есть его единственный метод. Маркс (и даже Гегель) не думал, что диалектика может принять на себя всю тяжесть исследования, взять на себя все задачи метода обычной логики. Вопрос об отношении диалектики к другим методам исследования, ее отличии от этих методов есть одновременно вопрос о ее существенных предпосылках. Без знаний, полученных другими методами исследования, диалектическое овладение целостностью совершенно невозможно. Но речь не только о том, что ценность и необходимость других методов и приобретенных ими знаний определяют сферы «применимости» диалектики, но и о том, что они имеют свое происхождение в определенной природе самого предмета познания. И именно в зависимости от этого отношения к предмету познания диалектическое изложение четко отличается от исследования. Вообще можно сказать, что это отношение является существенным для диалектического изложения в том смысле, что развитость предмета, разработанность его целостности, изображение его особых частей существенным образом определяют саму возможность диалектического овладения им. В отличие от этого исследование не есть нечто зависимое таким образом от своего предмета. Оно, вообще говоря, всегда возможно независимо от формы и уровня развитости предмета познания. Следует также отметить, что исследование может начинаться с чего угодно и что методы получения знаний, которые применяются в процессе исследования, являются независимыми от изложения и самостоятельными по отношению к нему. Раз-

личение исследования, или изучения действительного процесса жизни, и способа изображения, т. е. изложения «действительного движения», является существенным вопросом всякой настоящей философии. Без этого различия невозможно ничего определенного сказать о диалектике как методе изложения, или воспроизведения конкретной целостности в теоретических науках, и как методе, от которого зависит способ изложения в других науках, особенно в исторической.

Для уяснения того, какое большое значение для разработки и применения диалектического метода имеет различие исследования и изложения, целесообразно выделить несколько положений, содержащихся в послесловии ко второму изданию первого тома «Капитала» Маркса. В нем Маркс исходит из различия исследования и изложения, из разграничения метода анализа и диалектики как метода особенного изображения действительного движения, затем он указывает на проблему основы метода как на ключевой вопрос определения отношения к Гегелю, к его пониманию диалектики. В этой связи дается и оценка его представления о методе. Эта оценка, конечно, не содержит только указание на ограниченность гегелевского понимания диалектики, но и подчеркивает то, что он «первый дал всеобъемлющее и сознательное изображение ее всеобщих форм движения»¹. Содержание очередного положения составляет указание на критическую и революционную сущность диалектики и в связи с этим на особенный исторический смысл этого метода.

Различие исследования и изложения предвещает фундаментальное определение метода вообще и особенно диалектики. Отмечая, что его метод является диалектическим, Маркс пишет: «Конечно, способ изложения не может с формальной стороны не отличаться от способа исследования. Исследование должно детально освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь. Лишь после того как эта работа закончена, может быть надлежащим образом изображено действительное движение. Раз это удалось и жизнь материала получила свое идеальное отражение, то может показаться, что перед нами априорная конструкция»².

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 22.

² Там же. С. 21.

Прежде всего нужно предупредить, что таким пониманием учение о методе не сводится к изучению диалектики, хотя такое сведение стало привычным. Нужно, однако, напомнить, что в таком сведении усматривается влияние сторонников тех точек зрения, которые на место старой ставят новую логику, предполагая, будто она возможна без отношения к «прежней», будто разум возможен без рассудка, будто изложение возможно без исследования, будто на место паука приходит какое-то всеобщее сознание или, наоборот, на место философии приходят науки, которыми целиком и полностью овладела диалектика как единственный метод «действительного» познания. Подлинное единство исследования и изложения как этапов познания того или иного предмета находит свое рациональное выражение лишь в учении о диалектическом методе, но это отнюдь не значит, что выделением этих этапов и вопросом об их соотношении вообще не интересовались в домарксовской философии, причем не только Гегель, но и представители материалистической философии нового времени.

С вопросом о том, сохраняет ли мысль связь с предметом и на уровне изложения, и вопросом об отношении изложения к «действительному движению» тесно связан вопрос о соответствии изложения действительности, о его истинности и доказательности, вопрос о соотношении изложения и доказательства и о самой возможности диалектического теоретического доказательства. Проблема сводится в конечном счете к вопросу о роли изложения в доказательстве истины, но, поскольку изложение изложению рознь, она принимает вид более конкретного вопроса: какое изложение обладает доказательной силой? Каким оно должно быть, чтобы оно само и его результат могли считаться истинными? И далее, какое изложение имел в виду В. И. Ленин, когда говорил о «громадной доказательности изложения» в «Капитале»? Такая постановка вопроса содержит в себе признание того, что возможны (а это подтверждается и историей, и теорией вопроса) и такие изложения, которые не отличаются ни истинностью, ни доказательностью, совершенно абстрагируются от вопроса о соответствии мысли действительности. Не случайно те, кто отрывает изложение от доказательства, даже при рассмотрении доказательства умалчивают о том, что именно они доказывают, что доказываемая

в доказательстве. Если в прежней философии отрыв вопроса об изложении (и даже доказательстве) от вопроса об истине можно считать историческим заблуждением, то повторение этого отрыва после того, как в высшем понимании изложения (и доказательства) это заблуждение было раскрыто, совершенно неоправданно, оно не может не тормозить развитие научного познания. Вот почему в настоящее время становится особенно актуальным теоретическое осмысление связи метода изложения с вопросом об истине.

Вопрос о соотношении изложения и доказательства может быть правильно решен лишь в том случае, если изложение рассматривается как изложение истины, а доказательство — как доказательство истины. Тогда нетрудно понять, что в истине как процессе изложение совпадает с теоретической стороной (или фазой) совокупного процесса доказательства. Кроме того, истина, как бы ее ни интерпретировали, всегда есть некоторое согласование мысли со своим предметом (действительностью). Что же касается доказательства, то при решении названной проблемы следует исходить из того, что есть доказательство, а не из того, что оным считается, и рассматривать доказательство как целостный процесс установления соответствия мысли предмету, видеть в этом основную общую существенную цель всякого доказательства.

Выделять особенности отдельных этапов (фаз), из которых строится реальное доказательство и через посредство которых оно совершается, уместно лишь в рамках указанной его цели — установления соответствия мысли предмету, совпадения мысли с предметом, т. е. истины. Сама проблема соотношения изложения истины и ее доказательства встает на том этапе реального доказательства, который находится между этапом, на котором принимаются исходные положения (посылки), и этапом, на котором осуществляется практическое доказывание (проверка) истинности конечных результатов некоторого относительно законченного и цельного познавательного цикла, т. е. на том этапе, который в логической литературе принято называть «теоретическим доказательством», а в пособиях по формальной логике — просто «доказательством», без всякого намека на то, что здесь речь идет лишь об одной фазе реального доказательства, об абсолютизации этой фазы и возведении ее в ранг це-

лого, не говоря уже о том, что в данном случае речь идет о сугубо одностороннем понимании даже одной фазы (одного элемента) целого. Даже когда формальные логики соглашались с тем, что такое «доказательство», взятое само по себе, не имеет своей задачей установление соответствия мысли действительности, т. е. истины, они тем не менее не выражают готовности признать возможность иного, более широкого учения о доказательстве, иного способа изложения истины. Суть этой тенденции можно было бы выразить так: запимайтесь «диалектическим изложением», но доказательство оставьте за формальной логикой.

Вопрос об изложении, как известно, с давних пор возникал перед мыслителями в различных сферах человеческого творчества, высказывались такие мысли, которые впоследствии в снятом виде вошли в диалектическую концепцию изложения, диалектико-материалистическое понимание сущности, задач и места изложения в научном творчестве. Но эти мысли долгое время оставались вне поля зрения философов, так как высказывались относительно литературного творчества в то время, когда науки не были еще развиты до такого уровня, на котором можно было бы их диалектически изложить, и когда в науке были распространены другие формы изложения, что особенно характерно для науки нового времени, в которой господствовало количественное воззрение на мир и соответствующий этому воззрению математический метод изложения (и доказательства). Последний длительное время навязывался философии в качестве ее собственного метода и в применении к ней оборачивался, по словам Гегеля и Маркса, «ненаучной формой математического догматизма». О том, сколь велико было влияние этой формы изложения, говорит тот факт, что такой крупный мыслитель, как Спиноза, впервые ясно поставивший вопрос о различении метода исследования и метода доказательства, применил в своем основном сочинении («Этика, доказанная в геометрическом порядке...») геометрический способ изложения (и доказывания).

Диалектическое понимание изложения пришлось поэтому вырабатывать в процессе критического преодоления абсолютизации математической формы изложения в науке, его неправомерного распространения не только на старую логику, но и на философию логики вообще. Таким образом, поворот в понимании изложения

совпал с выработкой философией своего собственного метода в форме диалектического метода. Вследствие этого сначала применительно к самой философии был поставлен вопрос об изложении истины в форме научной системы ее. «Истинное есть система», оно «действительно как система», поэтому «и может быть изложено как наука или система»³.

Если изложение понимать как изложение истины и если при этом иметь в виду, что в истине всегда каким-то образом осуществляется согласование мысли и предмета, то отсюда можно сделать вывод, имеющий принципиальное значение для решения всей проблемы, а именно: изложение знания должно быть одновременно и изложением предмета и, напротив, изложение предмета должно быть также изложением знания. Это — единый процесс, в котором решаются две задачи: установление единства достигнутых знаний и восстановление единства предмета, разрушенного в ходе исследования. При этом единство знаний должно основываться на единстве предметности и соотнобразываться с ней.

Имея в виду различные догматические, формалистические, мозаические и литературные изложения, осуществляющиеся вне всякой связи с предметом, Маркс и Гегель считали, что изложение только тогда можно считать диалектическим, когда ему удастся «удержаться» в предмете, не утратить его, когда его увлеченность систематизацией знаний не доходит до забвения предмета, когда оно отдается жизни предмета и воспроизводит ее, разумеется, соответствующим ему способом. Научное философское познание «...требует отдаться жизни предмета, или, что то же самое, иметь перед глазами и выражать внутреннюю необходимость ее. Углубляясь таким образом в свой предмет, это познание забывает об упомянутом просмотре (Übersicht), который есть только рефлексия знания из содержания в себя самое»⁴.

Высоко оценивая идею о необходимости «отдаться жизни предмета» при изложении, Маркс отмечал, что препятствием этому с самого начала «служила ненаучная форма математического догматизма, при которой субъект ходит вокруг да около вещи, рассуждает так и

³ Гегель Г. В. Ф. Соч. М., 1959. Т. IV. С. 10, 12.

⁴ Там же. С. 29.

сяк, а сама вещь не формируется в нечто многосторонне развертывающееся, живое», а между тем «нужно внимательно всматриваться в самый объект в его развитии, и никакие произвольные подразделения не должны быть приносимы»⁵. Во всяком случае, «в философском изложении» в отличие от других форм изложений «одно необходимо возникает в другом; более того, форма может быть только дальнейшим развитием содержания»⁶.

Маркс, как видим, с юных лет придавал большое значение проблеме изложения. Можно предположить, что особое внимание этой проблеме он уделял в одной из своих первых работ (объемом 24 листа), которая мыслилась им как «новая логика». Речь идет о диалоге «Клеант, или Об исходном пункте и необходимом развитии философии». Здесь в самом названии обращается внимание на те характеристики «философско-диалектического» (Маркс) изложения, которым оно отличается от обычного изложения, в котором выбор исходного пункта и самого хода изложения зависит от того, чего им хотят добиться, от особой цели изложения знаний, а именно на вопрос о начале изложения и необходимости в его протекании. В этой затерявшейся работе, по свидетельству самого Маркса, «в известной степени соединились искусство и наука, совершенно разошедшиеся друг с другом»⁷. Сие дает основание заключить, что в названной работе, которая, «в сущности, должна была быть новой логикой», Маркс говорит об искусстве в связи с научным философско-диалектическим изложением вовсе не случайно, ибо в этой форме творчества с давних пор высказывалась мысль об изложении как изображении жизни целого и т. п.

Еще Платон, убежденный в том, что подлинного искусства речи нельзя достичь без познания истины, обращал внимание на зависимость этого познания от способа изложения. В диалоге «Федр» говорится: «...всякая речь должна быть согласованной, словно живое существо, — у нее должно быть тело с головой и ногами, причем туловище и конечности должны подходить друг другу и соответствовать целому»⁸. Здесь,

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 40. С. 10.

⁶ Там же. С. 11.

⁷ Там же. С. 15.

⁸ Платон. Соч. М., 1970. Т. 2. С. 203.

в сущности, высказана мысль о том, что истина, которая должна быть достигнута в изложении, представляет собой целое, в котором все части органически соединены, словно у «живого существа», — то, что на современном языке называют «органическим целым».

Аналогичные мысли относительно литературного изложения высказывал и Аристотель, например в отношении такого жанра, как трагедия. Утверждая, что самым важным в трагедии является изображение событий в их связи и совокупности, Аристотель в «Поэтике» пишет: «Нами принято, что трагедия есть подражание действию законченному и целому, имеющему известный объем, ведь бывает целое и не имеющее объема. А целое есть то, что имеет начало, середину и конец. Начало есть то, что само не следует необходимо за чем-то другим, а (напротив) за ним естественно существует или возникает что-то другое. Конец, наоборот, есть то, что само естественно следует за чем-то по необходимости или по большей части, а за ним не следует ничего другого. Середина же — то, что и само за чем-то следует и за чем что-то следует. Итак, нужно, чтобы хорошо сложенные сказания не начинались откуда попало и не кончались где попало, а соответствовали бы сказанным понятиям»⁹, т. е. указанным требованиям. Здесь в наивной форме, но весьма наглядно, ставятся существенные проблемы изложения: проблема начала изложения и проблема его необходимого следования к завершению, к концу, к изображению целого — этого неперемennого атрибута эстетического восприятия действительности.

В этом отношении представляет определенный интерес высказывание Л. Н. Толстого в одном из его писем Н. Н. Страхову: «Во всем, почти во всем, что я писал, мною руководила потребность собрания мыслей, сцепленных между собою, для выражения, но каждая мысль, выраженная словами особо, теряет свой смысл, страшно понижается, когда берется одна из этого сцепления, в котором она находится. Само же сцепление составлено не мыслью (я думаю), а чем-то другим, и выразить основу этого сцепления словами никак нельзя; а можно только непосредственно — словами описывая образы, действия, положения»¹⁰. Великий

⁹ Аристотель. Соч. М., 1984. Т. 4. С. 653—654.

¹⁰ Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 22 т. М., 1984. Т. 18. С. 784.

художник слова! Им «руководит потребность» сцепления мыслей между собой, он хорошо понимает, что отдельная мысль «теряет смысл и страшно понижается» в значении, когда она вырывается из этого сцепления; причем он интуитивно улавливает, но не может выразить действительную основу сцепления своих мыслей, которая есть нечто иное, нежели мысли и слова и их сцепление.

Разве мог такой гениальный мыслитель, как Маркс, не принимать во внимание таких идей, которые реализовывались в крупных художественных произведениях и которыми изобиловала теория литературы и литературная критика? Ведь не случайно, имея в виду «Капитал», он писал, что у его сочинений то достоинство, что они представляют собой художественное целое и что «художественного целого» в науке можно достичь только при его методе изложения, в рамках которого ход мыслей не может быть оторван от стремления воспроизвести целостность предмета исследования.

Эта направленность диалектического изложения на воспроизведение целостности предмета (или предмета в его целостности) с точки зрения обычного изложения может казаться неестественной конструкцией, которая только затрудняет понимание смысла действительных результатов или того, что уже открыто в процессе исследования. И все же доказать, что изложение знания и изложение предмета являются, по существу, единым актом мысли, для идеалиста гораздо легче, чем для материалиста. На почве «мистического тождества бытия и мышления» нетрудно изобразить процесс овладения целым как тождественный с процессом возникновения конкретного целого. Критика Марксом философских основ гегелевского понимания изложения направлена, как известно, именно против этого отождествления хода изложения и действительного движения. Такому отождествлению Маркс противопоставляет материалистическое понимание диалектического изложения, которое исходит из различия способа, каким человеческое мышление овладевает живым целым, и действительного пути его возникновения, истории развития, формирования этого целого и самого исторического способа изложения. Последним нельзя пренебрегать, особенно когда речь идет о том, чтобы результаты диалектического изложения сделать доступными «недиалектическому читателю», дать ему опору в действительном ходе событий.

Касаясь изложения формы стоимости в «Капитале», Энгельс в одном из писем Марксу говорит: «Самое большее, что следовало бы сделать, это несколько подробнее доказать исторически то, что здесь достигнуто диалектическим путем; так сказать, подтвердить достигнутое на примере истории... и доказать филистеру историческим путем необходимость образования денег и показать происходящий при этом процесс... Публика, даже ученая, теперь уже совсем отвыкла от такого рода мышления, и необходимо предоставить ей все возможные облегчения»¹¹. Здесь Энгельс совершенно определенно различает диалектическое изложение и историческое изображение, долженствующее сделать результаты диалектического изложения более доступными филистеру, не привыкшему к абстрактному способу мышления. Вместе с тем историческое рассмотрение считается подходящим для «подкрепления» диалектических результатов, подыскивания для них «доказательств» и т. п.

Отвечая на цитируемое письмо, Маркс пишет: «Что касается развития *формы стоимости*, то я и последовал твоему совету и не последовал ему, желая также и в этом отношении остаться диалектиком... я написал *приложение*, в котором излагаю *тот же вопрос* возможно более просто и возможно более по-школьному... В *предисловии* же я посоветую «недиалектическому» читателю пропустить такие-то страницы и вместо них прочесть приложение. Здесь дело идет не только о филистере, но и о стремящейся к знанию молодежи и т. п.»¹²

Диалектическое изложение не может и не должно приспособливаться к филистерскому уму или обычному пониманию, хотя результаты этого изложения можно упростить, чтобы они стали доступными «недиалектическому» читателю. Здесь во избежание недоразумения следует отметить, что диалектическое изложение есть только особая форма овладения целым, но не единственная форма изложения, применимая при всех обстоятельствах, независимо от степени развитости познания, самого предмета, цели, которой желают достичь. Существуют, причем правомерно, и другие формы изложения,

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 31. С. 257.

¹² Там же. С. 260.

отличающиеся от диалектического, помимо прочего, тем, что они никогда не имеют дела с диалектическим расчленением целого, в котором Маркс видел одно из важнейших достоинств своего метода изложения. Как бы то ни было, но при раскрытии особенностей диалектического метода изложения следует иметь в виду, что речь здесь не идет о каком-то орудии, которое используется субъектом для воздействия на предмет как на нечто внешнее, потустороннее, к чему оно должно только «применяться». В диалектическом изложении внешность предмета как бы «снимается», мысль проникает в его внутренние связи, и вместо того, чтобы, согласно обычным представлениям, покинуть предмет и исходить из того, что начало изложения есть конец познания, оно крепко удерживается в предмете, не признавая своего начала концом постижения истины, которую ему предстоит только изобразить и оформить подходящим образом в виде целостности знаний, полученных исключительно в процессе исследования. «Недиалектическому» читателю (и слушателю) чрезвычайно трудно понять, что мысль в изложении не занимается только готовыми знаниями, готовыми результатами познания, но стремится целостность знаний, их систему построить через посредство воспроизведения целостности, системы самого предмета, с которым она имела дело в исследовании; и наоборот, что даже исследование не исчерпывает своей задачи в познании предмета хотя бы потому, что одной из его задач является открытие основы или того, из чего нужно исходить при изложении.

Иными словами, «недиалектическому» уму недоступны самые существенные особенности диалектического метода изложения. Однако диалектический метод изложения и есть тот метод, который обладает громадной доказательностью. Поэтому попытки противопоставить Марксов метод исследования диалектическому способу изложения, начавшиеся с Э. Бернштейна и продолжающиеся и по сей день в пемарксистской литературе, имеют своей основной целью отрицание диалектического метода вообще, его изгнание из науки под предлогом того, что диалектический метод изложения является якобы ненужным привеском в самой теории Маркса, препятствующим, видите ли, ее пониманию, делающим ее менее доступной для филистера. Именно это обстоятельство пытались использовать ревизиони-

сты II Интернационала для обоснования противопоставления экономической доктрины Маркса его философскому методу, как науки — идеологии, научности — партийности (тенденциозности). Поэтому нет необходимости доказывать, сколь важной и актуальной является критика такого противопоставления, защита и развитие диалектического учения об изложении, диалектического понимания метода изложения. Отвергать диалектический метод изложения — это значит, помимо прочего, лишать марксистскую теорию доказательной силы.

Следует отметить, что указанное противопоставление изложения доказательству осуществляется, так сказать, в рамках общего отрыва доказательства от процесса познания и изображения их в качестве совершенно индифферентных друг к другу процессов, что особенно характерно для логических позитивистов XX в., строящих на основе этого отрыва свое понимание предмета и задач логики. Многие позитивистски ориентированные логики пошли путем отрыва логики как учения о доказательстве от логики как теории познания, вернее, они пошли по пути исключения процесса познания из предмета логики и к сведению логики к так называемой «рациональной реконструкции» уже готовых результатов мышления. Эта тенденция очень ясно выражена Райхенбахом в «Элементах символической логики». «Логика, — пишет он, — контролирует только результаты мышления, а не сами мыслительные процессы... она формулирует законы, с помощью которых мы судим, насколько верны продукты мышления, а не законы, которые мы стремимся навязать мышлению...

Когда называем логику анализом мышления, — продолжает рассуждать он, — мы не претендуем на то, что анализируем актуальное мышление. Мы в действительности анализируем нечто, что заменяет мыслительные процессы, их рациональную реконструкцию (Карнап). Раз однажды некоторый результат мышления получен, мы можем перестроить наши мысли убедительным способом, конструируя цепь мыслей между исходным пунктом и пунктом, к которому пришли. Эту реконструкцию мышления контролирует логика; ее анализом открываются те законы, которые мы называем логическими законами. Существуют две сферы анализа: контекст открытия и контекст доказывания.

Контекст открытия предоставлен психологическому анализу, тогда как логика занимается контекстом доказывания»¹³.

«Акт открытия,— писал Г. Райхенбах в другой работе,— не поддается логическому анализу. Не дело логика объяснять научные открытия; все, что он может сделать,— это анализировать отношение между фактами и теорией... Я ввожу термины контекст открытия и контекст обоснования, чтобы провести такое различие»¹⁴.

Яснее не скажешь: процесс открытия истины исключается из логики, и логика сводится к анализу готовых результатов, не имея никакого касательства к процессу их получения. Лучшего способа лишить изложение (ведь «рациональная реконструкция» есть тоже некоторый вид изложения) доказательности не придумаешь! И не только изложение, оторванное от процесса познания и противопоставляемое ему в этой оторванности, но и сам процесс познания, включающий в себя действительную мыслительную «реконструкцию» (воспроизведение) своего предмета, не может, согласно позитивистам, быть одновременно и доказательством открываемых на каждом его этапе истин, и, наоборот, доказательство не может быть вместе с тем процессом открытия новых истин, получения новых знаний, открытием тех или иных отношений теоремы, подлежащей доказательству. Это — две совершенно индифферентные друг другу сферы, два безразличных друг другу процесса, которые к тому же являются предметом изучения различных наук — один психологии, другой логики.

Что это? Ошибка ли в понимании предмета логики или же признание того, что логика не есть метод открытия новых истин? В связи с этим мы хотели бы подчеркнуть: какой бы важной ни казалась систематизация готовых знаний, такую систематизацию нельзя путать с тем, что Маркс называл методом изложения. И тем не менее тенденция отрыва процесса доказательства от процесса познания, как нам представляется, имела место в формальной логике с самого начала,

¹³ *Reichenbach H.* Elements of symbolic logic. N. Y., 1947. Р. 1—2.

¹⁴ *Reichenbach H.* Experience and prediction. Chicago, 1938. Р. 6—7.

хотя бы в понимании ею соотношения доказательства и умозаключения (выведения). Она в какой-то мере сохранилась уже в определении умозаключения и доказательства как противоположных логических операций, преследующих различные цели. Считалось, например, что при умозаключении мышление направлено на приобретение новых знаний, на установление ранее неизвестных связей и отношений между теми фактами, которые мы уже до этого познали. При доказательстве мы не желаем идти дальше тех результатов, которые уже имеем перед собою, а желаем только проверить их, установить их логическую и опытную основу и установить, можно ли и насколько опираться на них как на отправной пункт дальнейших исследований. Поэтому, согласно такому (верному для данного уровня рассмотрения) пониманию, при доказательстве мы идем не от посылок к выводу, а от вывода к посылкам, которые его подтверждают. Но таков ход мысли лишь до тех пор, пока мы ищем доказательство, но как только его находим, мы его излагаем в том же порядке, что и умозаключение.

Мы обращаем внимание на несостоятельность отрыва доказательства от процесса получения новых знаний для того, чтобы сильнее подчеркнуть необходимость его преодоления в некоторой другой концепции логики, которая совершенно иначе понимает роль изложения в доказательстве истины. Установление единства, взаимосвязи и взаимопроникновения этих процессов, вплетенность доказательства в процесс познания на всех этапах его и, в определенном смысле, совпадение их имеют самое существенное значение для диалектической теории доказательства, выражают ее специфику. Но, к сожалению, значение указанного единства долгое время оставалось вне поля зрения даже некоторых представителей диалектической логики и диалектического материализма вообще. И, более того, некоторые из них (по аналогии с упомянутым выше отнесением процесса открытий к компетенции психологии, а процесса доказывания — к компетенции логики) переносят разделение доказательства и процесса познания на разделение двух логик — диалектической и формальной, где первой отводится процесс исследования, открытия новых истин, а второй — процесс доказывания открытых (очевидно, средствами первой) истин, т. е. процесс изложения. Гегель, очевидно, ска-

зал бы по этому поводу, что это равносильно отнесению диалектики к «рассудку», а формальной логики — к «разуму».

Мнение о том, что доказательство входит в компетенцию формальной логики и что диалектике здесь совершенно нечего делать, разделяется не только логиками по профессии, но и многими представителями диалектического материализма. Об этом свидетельствует хотя бы то, что в учебниках и руководствах по диалектическому материализму проблема собственно доказательства вовсе не затрагивается; не затрагивается она даже в работах, специально посвященных критерию истины. Это можно объяснить тем, что авторы этих работ не выходят за рамки традиционного аристотелевского представления о доказательстве или же (это будет слишком большим допущением) исходят из того, что в материалистической диалектической логике проблема доказательства совпадает с проблемой критерия практики, не замечая, что диалектическая логика занимается также и проблемой выведения, хотя и совершенно иначе, чем логика формальная, что доказательство в диалектической логике в отличие от формальной логики включает в качестве своего необходимого этапа диалектическое изложение и таким образом выступает также как истинно «теоретическое» доказательство. Само собой разумеется, что диалектико-материалистическое понимание доказательства не может оставлять содержательный критерий истины — практику — вне процесса доказательства. Однако это не может служить оправданием отрыва материалистической диалектики как теории познания, метода исследования действительности и открытия новых истин от учения о доказательстве, как это делают некоторые авторы. «Основное требование марксистской диалектики, — пишет, например, по данному поводу М. М. Розенталь, — изучать реальную жизнь с помощью установленных ею общих принципов, ибо только в изучении реальной жизни можно найти ответы на все вопросы, выдвигаемые процессом исторического развития. Марксистская диалектика, таким образом, не орудие доказательства истины, а орудие анализа, исследования объективной истины»¹⁵.

¹⁵ *Розенталь М. М.* Марксистский диалектический метод. М., 1947. С. 86—87.

Что марксистская диалектика есть «орудие» исследования (правда, не объективной истины, а объективной действительности с целью получения объективной истины), с этим спорить никто из марксистов не будет. Но во-первых, если марксистская диалектика только в реальной жизни находит ответы на все вопросы, выдвигаемые процессом исторического развития, то как может она не находить и не искать в изучении реальной жизни ответ на вопрос о том, насколько верно наши мысли отражают объективную действительность, т. е. вопрос о доказательстве истины, который, как мы видели, всегда был вопросом реальной жизни и выдвигался в процессе исторического развития? И во-вторых, по какой это логике следует («таким образом!»), что быть «орудием» исследования, открытия — значит не быть «орудием» доказательства? Энгельс не раз отмечал, что даже формальная логика совмещала в себе эти функции: она была не только «орудием» доказательства, но и «орудием» исследования. Тем более неправильно утверждать, что диалектическая логика — только орудие исследования.

Но самым существенным здесь является вопрос: как можно противопоставлять исследование действительности и процесс открытия доказательству истины? Во всяком случае, такое противопоставление не согласуется с мнением создателей марксистской диалектики. Еще в «Заметках о новейшей прусской цензурной инструкции» Маркс решительно протестовал против противопоставления способа исследования действительности способу доказательства истины. Отрицание за исследователем права решать вопрос об истинности своих собственных выводов он характеризовал как *«страх перед выводами»*, как «предохранительное средство против истины»¹⁶. Единство познания (исследования и изложения) и доказывания нашло свое блестящее осуществление в «Капитале», что и дало основание В. И. Ленину говорить о громадной доказательности изложения этого труда.

Различие между нами и нашими оппонентами заключается отнюдь не только в том, что мы связываем доказательство и с исследованием, и с изложением, а они — только с изложением. Дело еще и в том, что у нас и у них речь идет о совершенно различных изло-

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 6.

жениях: мы имеем в виду изложение как ступень познания, которая не в меньшей мере имеет дело с предметом, чем исследование; наши же оппоненты имеют дело с изложением, которое осуществляется после того, как мышление покончило со своим предметом, утратило его. В первом понимании доказательство осуществляется в изложении предмета (воссоздании целостности предмета); во втором понимании — в изложении (готового) знания (сюда можно отнести и «доказательства» путем построения на конвенциональной — следовательно, на недетерминированной предметом познания — основе так называемых аксиоматических систем, в которых строго соблюдаются требования непротиворечивости, полноты и независимости аксиом). Если общей целью исследования является овладение предметом, то оно может быть направлено или на предмет, или на знание, на результаты мышления. В одном случае исходят из того, что целостность предмета, оставаясь недоступной для исследования, может быть достигнута лишь после того, как пройден весь путь познания предмета, и считают доказательство одной из форм приобретения новых знаний о предмете, проникновения в сущность предмета, движения от известного к неизвестному, от неявного к явному. В другом случае доказательство-изложение осуществляется без какого-либо действительного, внутреннего отношения к исследованию, так как при таком понимании исследование рассматривается как нечто не имеющее значения для самого хода изложения и не содержащее в себе ничего такого, что определяло бы изложение и его направленность. В последнем случае проблема изложения выступает как задача систематического оформления того, что уже известно, что уже получено исследованием, результатов осуществленного мышления. Никакое научное философское, а следовательно, истинно теоретическое доказательство невозможно, если истина не рассматривается как процесс; а коль скоро она рассматривается как процесс, доказательство осуществляется как диалектическое изложение. Соответственно когда доказательство истины рассматривается на примере отдельного суждения (как-то: «Форточка открыта», «Снег бел», «Манагуа — столица государства Никарагуа» и тому подобных тривиальностей), а не в плане отношения некоторой целостной системы знаний к действительности, то о научном теоретическом дока-

зательстве говорить не приходится. Только построение или воссоздание системы есть истинная форма, в которой осуществляется доказательство истинности как самой системы, так и всех содержащихся в ней необходимых положений (частей, моментов, элементов и т. д.). Такое доказательство имеет синтетический, творческий характер. Изложение, таким образом, является диалектическим только тогда, когда каждый новый шаг в нем является в то же время новым шагом в доказательстве как положения, принятого за исходное основание, так и конечных выводов теории. Доказательство же, в свою очередь, является диалектическим, когда каждый новый шаг в нем является в то же время новым шагом в обогащении знаний, восхождением от абстрактного к конкретному. Выписывая известные слова Гегеля о доказательстве как движении вглубь, Ленин замечает: «...очень недурно подводит своего рода итог тому, что такое диалектика»¹⁷.

Глава третья

ЕДИНСТВО ВОСХОЖДЕНИЯ ОТ КОНКРЕТНОГО К АБСТРАКТНОМУ И ОТ АБСТРАКТНОГО К КОНКРЕТНОМУ

Из всей сложной и многогранной диалектики абстрактного и конкретного выделим проблему восхождения от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному, попытаемся определить место этих методов в познании и охарактеризовать взаимоотношение между ними.

1. Восхождение от конкретного к абстрактному

Познать развивающийся объект — это значит, помимо прочего, вычленив простые и сложные элементы и выявить взаимоотношения между ними в структуре данного объекта, данного системного образования. Для этого здесь предлагаются два пути: восхождение от конкретного к абстрактному и восхождение от аб-

¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 212.

страктного к конкретному. Первый путь представляет собой одну из форм диалектического анализа; второй — одну из форм диалектического синтеза. Диалектико-материалистический характер этих методов раскрывается только в контексте объединяющего их диалектического метода. На аналитико-синтетический характер диалектического метода специально обратил внимание К. Маркс¹. Только в рамках этого метода каждое из восхождений, в свою очередь, также обладает аналитико-синтетическими возможностями, что обнаруживается и на этапе исследования, и на этапе изложения. В процессе исследования эти противоположные движения мысли взаимополагают и взаимодополняют друг друга. Восхождение от конкретного к абстрактному исходит из знания сложного целого и раскрывает природу его простых компонентов; восхождение от абстрактного к конкретному исходит из знания простых компонентов объекта и раскрывает природу его сложных компонентов.

Подчеркивая значение единства различных моментов диалектического метода, неправильно было бы упускать из виду, что мы имеем дело с диалектическим единством, т. е. с единством различного и противоположного. В ходе познания объекта указанными двумя способами мы сталкиваемся со следующим противоречием. Специфическая задача анализа состоит в том, чтобы, исходя из сложного, раскрыть природу простых компонентов объекта и создать условия для диалектического синтеза, для восхождения от абстрактного к конкретному. Однако для решения этой двуединой задачи анализ не может обойтись без синтетической работы мысли хотя бы потому, что сложные элементы объекта легче понимаются, когда мы приобрели знания о его простых элементах. А как это возможно без синтеза? Задача же синтеза заключается как раз в том, чтобы исходя из простого объяснить сложное в предмете, знание которого могло бы служить ключом к раскрытию простого в нем. А это невозможно без анализа, ибо понять природу простого в объекте можно только в том случае, если известно сложное. Не зная хорошо условия экономического кризиса, Маркс не смог бы заметить в товаре его абстрактную возможность.

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 12. С. 726—727.

При такой формулировке противоречия обнаруживается возможность только двух способов его разрешения. От выбора одного из этих двух способов зависит, как мы увидим, также понимание связи этих этапов цельного познания. Если, например, противоречие решается посредством синтеза, т. е. на основе познания объекта посредством движения мысли от простого к сложному, то в таком случае (если, конечно, иметь в виду, что теория объекта строится синтетическим методом), метод исследования будет совпадать с методом построения теории объекта. Напротив, когда при разрешении рассматриваемого противоречия в качестве исходного берется анализ, тогда, поскольку теория объекта строится синтетическим методом, мы приходим к выводу о необходимости различения изложения и исследования как двух этапов цельного познания. Выделились два подхода к противоречию, два способа его разрешения. Одна группа советских исследователей высказывает мнение, согласно которому человеческое познание носит преимущественно синтетический характер; другая, большая часть исследователей, напротив, придерживается взгляда, что человеческое познание преимущественно аналитично. Правильное положение о том, что в фазе исследования познание разрешает противоречие между анализом и синтезом (как противоположными путями развития мысли) тем, что сначала раскрывает более сложные формы в развитии объекта, обычно объясняется тем, что «развитое тело легче изучать, чем клеточку тела»².

Но если наука сначала познает более сложные, зрелые компоненты объекта, а затем только на основе таким образом добытого знания переходит к раскрытию природы простых компонентов объекта, то это значит, что здесь главным является метод, с помощью которого раскрывается природа простых компонентов объекта на основе знания его сложных форм. Но поскольку в анализируемом объекте в качестве многостороннего отношения целого выступает конкретное (в политической экономии капитализма — классы, население), а в качестве одностороннего отношения этого же объекта выступает самое простое — начало объекта (в политической экономии капитализма — товар), постоль-

² Там же. Т. 23. С. 6.

ку движение познания объекта осуществляется в форме восхождения от конкретного к абстрактному.

Познание развивающегося объекта на ступени исследования как бы включает в себя два вида движения: движение по кругу, вскрывающее координацию между простыми и сложными элементами системы, и движение по прямой линии: «от познания сложного к познанию простого». Координация и субординация элементов исследуемой системы отражаются в соответствующей координации и субординации методов ее познания. Единство этих двух названных форм движения познания дает в итоге восходящую кривую, имеющую форму спирали. Она содержит в себе два восхождения от конкретного к абстрактному: одно — как сущность, прямую линию в процессе познания объекта, другое — работающее на уровне раскрытия координации, взаимодействия между любыми двумя элементами системы. Далее спираль содержит в себе и два движения от абстрактного к конкретному. Одно из них действует, как это уже отмечалось выше, при познании взаимодействия простых и сложных элементов системы. Второе восхождение имеет место тогда, когда мысль идет от знания простого, полученного в результате второго из двух только что названных движений в процессе восхождения от конкретного к абстрактному.

Если учесть, что спиралеобразный характер познания присущ познанию отношений между любыми двумя элементами системы, то придется сделать вывод, что он типичен и для процесса познания объекта в целом. Применительно ко всему объекту его можно изобразить следующим образом: сначала вырабатываются самые общие знания об объекте в целом, затем выделяются компоненты объекта, вскрывается их взаимодействие между собой. После этого мысль переходит к раскрытию природы сложных компонентов объекта. На основе полученного таким образом знания она идет к раскрытию свойств простых элементов объекта, чтобы снова возвратиться к более глубокому пониманию сложного. На базе нового знания сложного мышление углубляет свое понимание простого и т. д. до тех пор, пока не будет открыто начало объекта и, естественно, пока процесс познания не обоснует начало исследования объекта, т. е. конкретное. Обоснование конкретного дает возможность «обернуть» метод и приступить к построению теории объекта.

Разумеется, характеристика восхождения от конкретного к абстрактному как пути познания, начинающегося с изучения сложных сторон объекта и завершающегося выделением его простых сторон,— это еще общая характеристика рассматриваемого метода. Мы указали лишь на общую направленность движения мысли (от сложного к простому) на этапе восхождения от конкретного к абстрактному. Относительно же всего процесса исследования, его этапов и внутреннего «механизма» мы имели возможность высказаться в другой работе³. Здесь поэтому ограничимся замечанием, что выделение этапов, приемов процесса исследования не представлялось бы возможным, если бы восхождение от конкретного к абстрактному было путем неправильным в научном отношении, как его до сих пор еще изображают некоторые авторы, ссылаясь на слова Маркса о том, что как раз обратный путь есть, «очевидно, правильный в научном отношении». Отсюда противопоставление метода восхождения от абстрактного к конкретному восхождению, от конкретного к абстрактному как ненаучному методу⁴.

Очевидно, правильной надо признать другую трактовку утверждения Маркса, именно точку зрения, которая толкует указанное утверждение так, что несколько не ставит под сомнение научного характера того пути, который прошел сам Маркс до постановки вопроса о способе изложения материала («изображения действительного движения»),— пути восхождения от конкретного к абстрактному. Ошибочным является такой способ построения теории объекта, при котором не опускается, не исключается — в качестве специального, вводного (особой части) — раздел, построенный методом восхождения от конкретного к абстрактному. Почему такое построение является ошибочным?

³ См., например: *Савченко Г. И.* Метод исследования и способ изложения теории // Ленинская теория отражения в свете развития науки и практики. София, 1981. Т. 1. С. 266—276; *Он же.* Движение познания от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному // Материалистическая диалектика. Закон и категории. Ташкент, 1982. С. 289—297; *Он же.* Метод исследования социального объекта и способ построения его теории // Диалектика и практика. М., 1984. С. 232—258.

⁴ См., например: *Юдкин А. И.* Восхождение от абстрактного к конкретному // Метод политической экономии социализма. М. 1980. С. 147, 149, 167, 168, 178.

Во-первых, потому, что при таком построении пришлось бы идти в обратный путь, т. е. дважды повторять содержание ⁵. Во-вторых, и это главное, такое построение явилось бы отступлением от материализма, требующего, чтобы при построении теории объекта порядок и связь идей соответствовали порядку и связи вещей, т. е. воспроизводил его. А в «Критике политической экономии» и еще в большей степени в первых трех томах «Капитала» путем восхождения от абстрактного к конкретному именно и воспроизводится «действительное движение объекта»⁶, «диалектика вещей»⁷, «закономерности функционирования и развития»⁸ материальных вещей (систем). Включать в теорию объекта вводную часть, в данном случае восхождение от конкретного к абстрактному, при котором познание (например, в политической экономии капитализма) идет от населения, классов, через множество промежуточных звеньев к отношению между простейшими субъектами экономической жизни, т. е. методом исследования, это значит выступить против азов материализма и в противоположность материалистическому монизму заявить, что в теории объектов порядок и связь вещей должны быть сначала такими же, каков порядок и связь идей в ходе исследования порядка вещей, и только потом, наоборот, порядок и связь идей должны быть такими же, каков порядок и связь вещей.

С учетом сказанного становится ясным, почему Маркс так резко выступил против включения в теорию объекта «вводного раздела», построенного методом восхождения от конкретного к абстрактному. Такое требование направлено против дуализма, эклектики в теоретическом изображении действительного движения, т. е. самого предмета в его развитии.

Включать в теорию объекта путь восхождения от сложного к простому — это значит не исключать, что развитие предмета начинается с того, с чего начинается ход мыслей в процессе познания развития этого предмета, вследствие чего можно прийти к превратному представлению об отношении мысли к действительности.

⁵ См. об этом: *Шенкман Б.* Абстракция в политической экономии // *Филос. энциклопедия.* М., 1961. Т. 1. С. 15.

⁶ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 21.

⁷ См.: Там же. Т. 38. С. 177.

⁸ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 165.

Из предлагаемой здесь трактовки известного положения Маркса отнюдь не следует, что метод восхождения от конкретного к абстрактному является ошибочным. Напротив, рассматриваемая здесь трактовка подчеркивает важность и значимость рассматриваемого метода, поскольку этот метод играет существенную роль в установлении того, «с чего начинается история»⁹, с чего начинается функционирование и развитие объекта. Так, например, такое известное сейчас всем научное положение, что в основе развития общества лежит развитие материального производства, было открыто Марксом посредством анализа, в частности посредством сведения¹⁰, которое Маркс считал необходимым, но не исчерпывающим способом диалектико-материалистического освоения предмета.

Для Маркса существенное и принципиальное значение, конечно, имело признание единства метода исследования и изложения. Но такое единство предполагает различие этих путей. Некоторые авторы понимают проблему следующим образом: если бы метод изложения отличался от метода исследования, то Марксов труд «Капитал» ровно ничего не мог бы дать для понимания метода исследования, примененного Марксом. И в таком случае способ исследования Маркса «следовало бы реконструировать не на основе анализа „Капитала“, а на основе рассмотрения черновики, выписок, набросков и соображений, возникающих в голове Маркса в ходе непосредственного первоначального ознакомления с экономическими фактами»¹¹.

Исследователи, различающие метод исследования и метод изложения, нашли способ реконструкции метода исследования Маркса именно на основе анализа «Капитала» и обращения к черновикам, письмам, наброскам, одним словом, к подготовительным работам к «Капиталу». Этот способ реконструкции не исторический, а логический. Основная идея этого способа заключается в следующем. Поскольку метод исследования и метод изложения противоположны по своей направленности, постольку и схемы движения мысли

⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 497.

¹⁰ См. об этом: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 138.

¹¹ См.: Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. М., 1960. С. 120; Добрянов В. С. Методологические проблемы теоретического и исторического познания. М., 1968. С. 189.

в каждом из двух методов должны быть противоположными, «обратными». Поэтому для реконструкции Марковского метода исследования необходимо установить общую схему позитивной части «Капитала» и «обернуть» ее. При таком способе реконструкции метод исследования уподобляется «фильму, просматриваемому в обратном порядке»¹².

При одной попытке реконструкции Марковского метода исследования на основе позитивной части «Капитала» путь восхождения от конкретного к абстрактному, от сложного в системе к простому в ней проходит следующие этапы: 1) выделение объекта исследования, 2) определение предмета исследования и постановка задач исследования, 3) выбор метода, 4) диалектическое расчленение целого, 5) выделение начала объекта и 6) оборачивание метода.

В заключение остановимся на практической значимости осмысления диалектики как метода исследования. Маркс говорил о том, что развитая наука делится на две части: на теорию исследования объекта и на воспроизведение (изложение) предмета в форме теории. При ближайшем рассмотрении эти две части можно вычлениить в цельном познании любого объекта, в любой развитой науке.

Необходимость (и целесообразность) выделения указанных двух частей особенно заметна при изучении конкретно-исторических целостностей. Социальный объект в его частях, абстрактных отношениях исследуется методом восхождения от конкретного к абстрактному, а воспроизводится в теории методом восхождения от абстрактного к конкретному. Так как построить теорию любого объекта можно только после его исследования, то, подчеркивая сказанное, теорию объекта целесообразнее всего излагать после изложения методом восхождения от конкретного к абстрактному теории исследования объекта.

Во избежание недоразумений следует отметить, что у классиков марксизма речь идет не о любом делении некоторой научной дисциплины на части, а о диалектическом расчленении целого¹³. Под диалектически

¹² См. об этом: Материалистическая диалектика. М., 1981. Т. 1. С. 36, 39; Материалистическая диалектика. Законы и категории. С. 297; Диалектика и практика. С. 238, 245.

¹³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 31. С. 111—112.

расчлененным целым Маркс понимал, во-первых, разбивку своего произведения на такие две части, в одной из которых (первые три тома «Капитала») дается преимущественно позитивное изложение теории объекта (капитала), а в другой (IV том «Капитала») — изложение процесса политэкономического познания этого же объекта (капитала). Во-вторых, диалектически расчлененным целым Маркс называет способ изложения теории объекта в форме трех составных частей. Этот опыт нельзя не учитывать при изложении теории самого диалектического материализма.

Говоря о том, что у Маркса метод изложения необходимо предполагает фазу исследования и находится с ней в единстве, мы тем самым подчеркиваем единство материалистической диалектики и методов частных наук, а также то, что диалектический материализм применяется не только при изложении теории уже исследованного объекта, но и в процессе самого исследования объекта, а также в процессе построения теории.

2. Восхождение от абстрактного к конкретному

Метод восхождения теоретического мышления от абстрактного к конкретному обязывает рассматривать и первое и второе как характеристики мышления и от абстрактного в мышлении восходить к мыслительному воспроизведению конкретного как единства многообразного, единства противоположностей. Конкретное в мышлении выступает, по Марксу, как результат, продукт мышления в виде совокупности многочисленных определений, из которых каждое, будучи отражением какой-то стороны объекта, дает неполную, одностороннюю информацию о последнем. Каждое определение предполагает другое, а само служит вместе с тем предпосылкой третьего, так что каждое определение необходимым образом связывается с другими и с системой, в которую оно входит. Абстрактно поэтому каждое неполное, одностороннее знание, взятое отдельно, само по себе. Тем не менее такое абстрактное находится в единстве с конкретным, существует как его элемент, сторона, является формой его существования. Это — «элементарное», «неразвитое», «фрагментарное» конкретное. Понимаемое таким образом абстрактное свойственно не только духовным явлениям, оно вполне правомерно и в отношении к материальному миру.

«Природа,— писал Ленин,— и конкретна и абстрактна»¹⁴.

В таком понимании категории «абстрактное» и «конкретное» выступают как противоположности, как единство противоположностей. Они вместе с тем взаимосвязаны, предполагают друг друга. Нет абстрактного без конкретного и наоборот¹⁵. Абстрактное потому абстрактно, что оно является лишь частицей, фрагментом конкретного. Конкретное же конкретно, поскольку оно не может существовать иначе как через абстрактное — как «синтез многочисленных определений», «единство многообразного». Однако это ни в коем случае не есть простая сумма абстракций. Воспроизведение конкретного в мышлении поэтому может быть осуществлено не путем механического суммирования абстракций, а лишь в результате восхождения (мышления) от абстрактного к конкретному.

Гегель был первым, кто увидел (на идеалистической основе) в восхождении от абстрактного к конкретному специфический способ (форму) движения теоретического («спекулятивного») познания. «Это движение вперед,— писал Гегель,— определяет себя прежде всего таким образом, что оно начинается с простых определенностей и что «следующие за ними определенности становятся все богаче и конкретнее. Ибо результат содержит свое начало, и движение этого начала обогатило его новой определенностью»¹⁶.

Поскольку у Гегеля саморазвитие абсолютной идеи и есть ее самопознание, есть то же самое, что возникновение реального мира, постольку для него восхождение от абстрактного к конкретному было не просто саморазвитием одного понятия из другого, но и тем методом, которым используется сама идея, чтобы развить из себя все богатство мира. Критикуя Гегеля за то, что тот отождествил движение мышления с формированием самой объективной действительности, Маркс

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 190.

¹⁵ Находясь в диалектическом единстве, эти категории и переходят друг в друга. Знание, не только знание, но и всякое явление, могут быть конкретными в одном отношении, но абстрактными в другом. В изложенном смысле «абстрактное» и «конкретное» ничем не отличаются от всякой другой пары категорий материалистической диалектики. Принцип восхождения от абстрактного к конкретному имеет дело именно с данными категориями в этом смысле.

¹⁶ Гегель Г. В. Ф. Наука логики. М., 1972. Т. 3. С. 306.

вместе с тем дал свое, противоположное гегелевскому материалистическое понимание метода восхождения от абстрактного к конкретному. «Гегель... — писал он, — впал в иллюзию, понимая реальное как результат себя в себе синтезирующего, в себя углубляющегося и из самого себя развивающегося мышления, между тем как метод восхождения от абстрактного к конкретному есть лишь тот способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его как духовное конкретное. Однако это ни в коем случае не есть процесс возникновения самого конкретного»¹⁷.

Для Маркса метод восхождения от абстрактного к конкретному есть лишь способ отражения действительности, теоретического осмысления ее в понятии. Его цель — воспроизведение сущности предмета во всей его конкретности, в его полноте и целостности. Данный метод предполагает, во-первых, существование реального предмета познания, который все время остается вне головы, объективно существуя в своей самостоятельности, «пока голова относится к нему лишь умозрительно, лишь теоретически»¹⁸, и на воспроизведение сущности которого направлен этот метод¹⁹. Во-вторых, он предполагает необходимые предпосылки — исходные абстракции, характеризующие отдельные стороны (связи, отношения) исследуемого предмета и позволяющие мысленно воспроизвести последний как мысленную конкретность. Восхождение от абстрактного к конкретному стало возможным поэтому лишь на определенном этапе развития познания, когда путем анализа познаваемого объекта были получены некоторые абстрактные определения, т. е. пройден путь от конкретного к абстрактному.

Подчеркивая необходимость восхождения от «конкретного, данного в представлении» к абстрактным определениям, мы имеем в виду не всякое восхождение к абстрактному, а восхождение, результатом которого являются абстракции, обеспечивающие воспроизведение конкретного в мышлении, т. е. теоретические абстрактные понятия. Такое восхождение к абстрактному поэтому происходит, на наш взгляд, не только «до»,

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46, ч. I. С. 37—38.

¹⁸ Там же. С. 38.

¹⁹ У Гегеля же этот исходный пункт познания выступает, наоборот, как его следствие.

по и в самом процессе образования духовного конкретного²⁰. Иначе конкретное в мышлении было бы простой суммой готовых, выделенных абстракций, а значит, оно было бы создано путем механического соединения (суммирования) последних. В действительности же мысленная конкретность есть результат такого особого синтеза, при котором каждая абстракция стоит в определенном отношении к остальным так, что возникает из предыдущей, включая в себя, кроме ее положительного содержания как своего подчиненного элемента, еще что-то дополнительное, новое. В результате абстракции, «ведущие к воспроизведению конкретного посредством мышления», возникают в самом процессе создания духовно конкретного, элементами которого они являются, при этом они возникают не все сразу и не все вместе, а последовательно и таким образом, что каждая последующая сложнее, богаче, конкретнее той предыдущей, из которой она выведена, выступая как ее необходимое продолжение. Каждая абстракция представляет собой истинное положение, но не сама по себе. Сама по себе она является лишь «субъективным предположением», как говорил Гегель, ибо «истина есть система». Поэтому каждая абстракция в теоретическом описании конкретного предмета обретает свой истинный смысл лишь в отношении к другим абстракциям теоретической системы. Другими словами, каждая абстракция приобретает свое конкретное содержание и смысл лишь в рамках конкретной системы.

Среди выделенных абстракций весьма важное значение имеет та абстракция, без выявления которой невозможно теоретически последовательное, систематическое понимание исследуемого предмета и в правильном выборе которой уже заключена возможность его конкретного познания. Эта абстракция является отправным пунктом (или «клеточкой») восхождения от абстрактного к конкретному.

Понятно, почему проблема начала исследования была глубоко разработана Гегелем и (на материалисти-

²⁰ Оно служит как бы «упором» для осуществления как восхождения от абстрактного к конкретному в целом, так и каждого шага этого процесса, выступая его подчиненным, вспомогательным элементом. В этом, и только в этом смысле можно сказать, что каждый шаг восхождения к абстрактному служит вместе с тем шагом воспроизведения конкретного в мышлении.

ческой, последовательно научной основе) Марксом, который ее не только обосновал в общенаучном плане, но и конкретно решил применительно к политической экономии капитализма. Данная проблема, как и метод восхождения от абстрактного к конкретному в целом, неотделима от теоретического познания, задачей которого является воспроизведение целостной сущности предмета ²¹. Последняя как система внутренних необходимых связей не только непосредственно не дана чувственному восприятию, но и не может быть охвачена теоретическим познанием сразу. Подобно тому как всякий конкретный предмет имеет свое определенное начало собственного существования как такового, начало, модификацией которого он является, теоретическое познание должно начинаться с какого-то определенного момента.

Важно подчеркнуть, что начало, отправной пункт теоретического познания, не является «началом вообще», а абсолютным началом. Как и всякая другая абстракция, начало имеет свое значение, свое конкретное содержание лишь в определенной системе. Тем не менее поскольку начало, каким бы оно ни было, представляет собой всегда начало чего-то определенного, постольку между ним и развитой формой последнего существует необходимая, генетическая связь: развитое состояние является закономерным результатом исторического развития всех его предшествующих состояний, включая и его начало. Иными словами, на современном этапе развития объекта сохраняется все то, что необходимо и закономерно вытекает из его основы. Различие между тем, что было «клеточкой тела», и тем, что является «развитым телом», разумеется, состоит в том, что то, что в «клеточке тела» имелось лишь в виде зачатка, развивалось в «ставшем теле» до полного значения, и поэтому второе легче изучать, чем «клеточку»²².

Сказанное позволяет не только характеризовать в общей форме некоторые типичные черты начала, но и наметить путь его выявления.

²¹ Прав Ж. Абдильдин, когда пишет, что «вопрос о начале возникает только в теоретическом познании действительности, в ходе познания внутренних связей предмета и явлений» (Абдильдин Ж. Проблема начала в теоретическом познании. Алма-Ата, 1967. С. 189).

²² См.: Маркс К. Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46, ч. I. С. 42; Т. 26. С. 6.

Еще Гегель глубоко понял диалектическое единство начала и результата, рассматривая первое как неразвитый результат. В рамках гегелевского идеализма такое понимание, безусловно, служит обоснованием положения о мистическом самодвижении идеи. Тем не менее оно несет в себе рациональное содержание, которое, будучи раскрытым на материалистической основе, позволяет отличить начало от предпосылок, из которых возник изучаемый предмет. От последних начало отличается тем, что из него «должно произойти нечто» (курсив наш. — Авт.)²³. Вместе с тем начало должно быть простейшим, ничем другим не опосредствованным (разумеется, лишь в данной системе; вне ее оно не существует как таковое), но не потерявшим возможности быть исходной формой существования именно данной конкретности, а не какой-то другой. Таким может быть начало лишь в том случае, если в нем заключается в зародыше противоречие, свойственное данному предмету, обеспечивающее переход его ко все более высоким этапам развития. Таким же должно быть и начало восхождения от абстрактного к конкретному. Вопрос о правильном понимании начала, «клеточки» весьма актуален и по той причине, что в настоящее время на повестку дня ставится проблема построения наук в форме теоретической системы, а также изложения и систематизации самой материалистической диалектики, в частности диалектической логики²⁴.

Между тем при решении этой важнейшей задачи встречаются трудности, вызванные как объективными, так и субъективными причинами. К первым относится то обстоятельство, на которое Маркс четко указывает: зачатки более высокой формы существования исследуемого объекта могут быть поняты только в том случае, «если само это более высокое уже известно»²⁵. Требуется достаточно развитое познание, способное покончить со старыми, абстрактными представлениями об изучаемой области явлений, с их абсолютизацией, чтобы познать ее (область) в целостности, проанализировать ее теоретически, что позволяет обнаружить

²³ Гегель Г. В. Ф. Наука логики. М., 1970. Т. 1. С. 131.

²⁴ См., например: Материалистическая диалектика как логика и методология современного научного познания: (Доклады на пленарном заседании Всесоюзного симпозиума). Алма-Ата, 1977.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46, ч. I. С. 42.

в богатейшей сети взаимосвязанных явлений их глубокоую, основную связь, как это сделал, например, Маркс в области изучения политической экономии капитализма.

В связи с этими причинами в каждой отдельной области науки есть свой своеобразный путь, приводящий рано или поздно к выявлению своего начала. Но в общем можно сказать, что такое выявление исходного пункта любой науки как конкретной теоретической системы возможно лишь в результате анализа.

Говоря о роли анализа в определении начала конкретной, развитой теории, мы имеем в виду не анализ, ограниченный выделением различных сторон предмета, рассматриваемых изолированно друг от друга, а анализ, который создает необходимое условие и предпосылку для осуществления теоретического познания, сущность которого состоит в том, чтобы дать предмет в его полной, конкретной целостности, в его внутренних взаимосвязях. Этот — теоретический — анализ постоянно сохраняет связь с исследуемым предметом. На основе изучения современной формы существования последнего он выделяет его необходимые элементы в форме взаимосвязанных абстракций. Он направлен на обнаружение их внутреннего единства, общей основы, наиболее простого отношения данного предмета, чтобы мысленно воспроизвести, синтезировать его целостность в ходе теоретического изложения.

Теоретический анализ ²⁶ осуществляется по принципу: раздвоение единого и познание его противоположных частей в их единстве. К открытию товара как экономической «клеточки» буржуазного общества Маркс пришел лишь в результате анализа данного общества в его современном, развитом состоянии. Выявление этого простейшего отношения является результатом сведения многообразных сложных форм буржуазных экономических отношений к их общей основе, с которой вообще исторически началось формирование всей системы буржуазных производственных отношений. Сила аналитического ума А. Эйнштейна позволила ему понять во внутреннем единстве то, что до него мыслили раздельным, например, в физике принцип постоянства скорости света, принцип относительности.

²⁶ Проблеме теоретического анализа посвящена, в частности, работа З. Оруджева «Диалектика как система». М., 1973.

Таким образом, в теоретическом познании, восходящем от абстрактного к конкретному, теоретический анализ выступает и как синтез, соединение воедино противоположностей, являясь и индуктивным и вместе с тем дедуктивным процессом.

Следует сказать, что эта форма анализа имеет место не только в начале исследования, но и в каждом шаге восхождения от абстрактного к конкретному, когда из более абстрактного понятия выводится более конкретное. «Деньги», например, более конкретное понятие, чем «товар». Но понятие денег не может быть непосредственно выведено из понятия товара. К пониманию природы денег как необходимого результата развития форм стоимости Маркс пришел лишь в результате аналитического исследования товара и развития форм стоимости. Точно так же обстоит дело и с понятием капитала ²⁷.

Переход к более конкретному понятию осуществляется не чисто логическим путем и не непосредственно, а через анализ опосредствующих понятий, имеющих под собой эмпирическую основу, факты объективной действительности. Такой переход невозможен без исследования (анализа) фактов, без обращения к практике. «Проверка фактами respective практикой есть здесь в *каждом* шаге анализа»²⁸, — писал В. И. Ленин, имея в виду анализ, примененный Марксом в «Капитале».

Это значит, что в каждом шаге восхождения от абстрактного к конкретному происходит и переработка чувственных данных, что предполагает движение познания от чувственно-наглядного к абстрактному. Метод восхождения теоретического мышления от абстрактного понятия к конкретному включает в себя в качестве подчиненного и способ «переработки созерцания и представления в понятия».

Гегель, безусловно, недооценивал роль этапа движения познания от чувственно-конкретного к абстрактному, считая, что это движение не касается истинной сущности понятия. В связи с этим у него восхождение от абстрактного к конкретному оказалось чисто спекулятивным в идеалистическом смысле. Для теоретического воспроизведения предмета, для раскрытия его сущности требуется выделение из предмета путем анализа отдельных элементов, рассматриваемых в связи

²⁷ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46, ч. I. С. 192.

²⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 302.

друг с другом. Анализ при этом осуществляется до «элементарной конкретности» простейшего отношения как единства противоположностей. Благодаря этому и становится возможным отправление в «обратный путь», выделение более сложных отношений. Другими словами, теоретическое познание требует сначала проведения теоретического анализа. В последнем уже заключается возможность такого синтеза, конкретизацией которого является диалектический ход собственного движения теоретического познания²⁹. Последний заключается в том, чтобы проанализировать опосредствующие отдельные элементы, необходимые связи, учитывая при этом промежуточные звенья, переходы внутри познаваемого объекта³⁰. В результате воспроизводится внутренняя структура данного объекта. В своем «Капитале», начав с анализа товара, Маркс исследовал деньги как более конкретную категорию по сравнению с товаром, а затем перешел к рассмотрению возникновения капитала из денег, показал, что превращение последних в капитал основано на купле-продаже рабочей силы. Маркс выяснил при этом исторические условия, при которых рабочая сила становится товаром. В основе перехода товара и денег в капитал лежит гигантский исторический процесс превращения простого товарного производства в капиталистическое. О «Капитале» Маркса, где внутренняя структура буржуазного общества воспроизводится при помощи восхождения от абстрактного к конкретному, В. И. Ленин писал: «История капитализма и анализ *п о н я т и й*, резюмирующих ее»³¹.

Итак, воспроизводя структуру исследуемого объекта, метод восхождения от абстрактного к конкретному открывает и историю, «снятую» в его структуре. В этой системе внутрисне связанных категорий (или понятий) более абстрактная категория отражает исторически менее развитое отношение объективной реальности,

²⁹ «Анализ является,— писал Маркс,— необходимой предпосылкой генетической трактовки, понимания действительного процесса формообразования в его различных фазах» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 26, ч. III. С. 526).

³⁰ Слабость метода анализа английской классической политической экономии состояла, в частности, в том, что при выяснении (анализе) структуры экономических связей, а соответственно и внутреннего единства экономических категорий она, как отмечал Маркс, часто опускала промежуточные звенья.

³¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 301.

а выведение более конкретной категории из менее конкретной — реальный переход одного отношения в другое, более сложное, исторически более развитое. Разница состоит лишь в том, что, между тем как реальные отношения проявлялись, чередовались во временной форме, категории (понятия) теоретической системы подчинены принципу субординации, которая, по существу, воспроизводит историю чередования соответствующих реальных отношений в ее необходимости.

Важно подчеркнуть, что марксистская диалектика не только и не просто рассматривает метод восхождения от абстрактного к конкретному как логическое выражение идеи развития, но она показывает, что развитие, его закономерности носят конкретно-исторический характер, что они проявляются всегда в какой-то определенной системе, которой они присущи. Здесь не менее важное значение имеет понимание историчности исследуемого предмета.

Каждый вновь возникший предмет начал свое существование лишь с того момента, когда он сформировался как «органическая система», которая, пусть неразвитая, но все же уже включает в себе противоречашие и исключашие друг друга отношения, присущие данному предмету на всех этапах его развития, и которая, однажды возникнув, продолжает существовать и становится господствующей в последующем развитии тех условий, при которых она возникла. Предмет, как известно, берется Марксом как нечто «ставшее», как результат всего предшествующего процесса развития, в ходе которого предмет хотя и прошел различные стадии, имел многообразные «формообразования», но все же был подчинен одного и того же рода специфическим законам.

Все это должно быть отражено логически прежде всего, но не только в плане выявления всеобщего основания, субстанции, чему отвечает исходная категория, но и в рамках раскрытия специфической сущности исследуемого объекта.

Требуется, чтобы по ходу собственно восхождения от абстрактного к конкретному последовательно формировались категории, понятия, отражающие особенные формы проявления единой субстанции, т. е. специфические особенности изучаемого предмета, раскрывались внутренние закономерности его становления и развития.

В «Капитале», например, Марксов анализ капиталистического способа производства начинается с обмена товаров как основного, миллиарды раз встречающегося, субстанционального отношения буржуазного общества и переходит к рассмотрению (раскрытию) прибавочной стоимости как основной категории, раскрывающей тайну капиталистической эксплуатации и специфическую сущность системы капиталистического производства. В ходе исследования раскрываются также и закономерности, присущие данному способу производства на той или иной стадии его развития. Речь идет, прежде всего, о законе (теории) прибавочной стоимости. «Производство прибавочной стоимости или нажива — таков абсолютный закон этого (капиталистического. — *Авт.*) способа производства»³², — писал Маркс.

Конкретный историзм в методе восхождения от абстрактного к конкретному заключается в том, что как исходный пункт, так и результат теоретического исследования даны всегда в их исторической определенности. Подобно тому как начало, отправной пункт исследования не является абсолютным началом, конец не является абстрактным или всеобъемлющим результатом. И то и другое суть категории, имеющие значение категорий только в соответствующих исторических условиях и внутри них. Вне этих условий они утрачивают свое конкретное содержание и статус соответствующих научных категорий, как это было превосходно показано К. Марксом в «Экономических рукописях 1857—1859 гг.»³³.

Глава четвертая

ЕДИНСТВО ВОСХОЖДЕНИЯ ОТ ЧАСТНОГО К ОБЩЕМУ И ВОСХОЖДЕНИЯ ОТ ОБЩЕГО К ЧАСТНОМУ

Эти два пути целостного познания некоторого предмета рассматриваются здесь прежде всего в той их взаимосвязи, в которую они вступают в диалектическом методе. Как моменты этого метода, они представляют собой единство противоположностей и только че-

³² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 632.

³³ См.: Там же. Т. 46, ч. I. С. 41 и др.

рез это единство образуют структурные элементы диалектического познавательного движения. Восхождение от частного к общему, равно как и восхождение от общего к частному, таким образом, это не два разных, извне дополняющих друг друга процесса (ибо в случае внеположенного их соотношения они составляют лишь методы конечного познания), а этапы и стороны единого поступательного движения, реализуемого в форме восхождения от частного к общему и далее путем возвратного (и значит, и диалектического ¹) перехода, ведущего вновь к исходному пункту всего движения — от общего к частному, но к частному, опосредствованному всем ходом предшествующего познавательного процесса.

Нужно, однако, учитывать, что ни то ни другое восхождение не является особенным методом познания: каждое из них — лишь путь, осуществляющий свою цель соответствующими методами.

Обратимся к процессу восхождения от частного к общему. Этот путь движения познания осуществим разными способами. На это обращал внимание Ф. Энгельс, отмечавший, что «восхождение от единичного к особенному и от особенного к всеобщему совершается не одним, а многими способами»². Но, поскольку в данной главе невозможно осветить многообразные способы этого движения, мы ограничимся тем, что дадим общую характеристику специфических особенностей этого пути, на котором «мы в мыслях поднимаем единичное из единичности в особенность, а из этой последней во всеобщность», «находим и констатируем бесконечное в конечном, вечное — в преходящем»³.

Его исходный пункт выражается категорией частного (единичного). Всякий реальный, существующий в пространстве и времени предмет, рассматриваемый во всем богатстве его единичных, особенных и всеобщих признаков, уникален, индивидуален, неповторим. Уникален и каждый признак, рассматриваемый во всем богатстве его единичных, особенных и всеобщих составляющих. Нет абсолютно одинаковых форм листьев, абсолютно одинаковых структур кристаллов и т. д.

Однако отразить признак объективно существующей вещи во всем богатстве его оттенков практически

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 308.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 540.

³ Там же. С. 548.

невозможно. Всякое знание упрощает и огрубляет признак, «отсекая» от него единичные, особенные или всеобщие составляющие. А о таком огрубленном, упрощенном признаке уже нельзя априори сказать, что он уникален. Например, мы до сих пор не знаем, единичным или общим является такой признак Земли, как наличие на ней цивилизации. Признак, который объективно единичен, особен или всеобщ, но о степени общности которого мы на данном этапе познания еще не знаем, условимся называть отдельным. Понятие отдельного признака фиксирует как бы нулевую, начальную точку в движении от единичного к общему. Такое движение называют индукцией. Д. Ст. Милль определяет индукцию как «процесс нахождения и доказывания общих предложений»⁴. В этот процесс входят по крайней мере три качественно различные познавательные процедуры: 1) определение сущности признака, о котором идет речь в предложении; 2) установление его реальности, существования; 3) определение степени его общности. Может быть определена сущность признака, например «быть кентавром», а его существование и всеобщность — отсутствовать. Милля можно понять так, что он включает в индукцию все три познавательные процедуры. Но это значит, что он включает в нее чуть ли не весь процесс познания. В самом деле, ведь цвет — это признак, генетическая информация — признак, прибавочная стоимость — признак и т. д. Если задачей индукции считать определение не только степени общности, но также существования и сущности признака, то трудно сказать, что же остается на долю других методов познания. Есть поэтому основания утверждать, что Милль нарушил в этом определении одно из важнейших методологических требований к процессу познания: выделять исследуемый предмет (в данном случае — процесс индукции) в чистом виде. Чтобы избежать этой ошибки в процессе движения от единичного к общему, необходимо соблюдать следующее методологическое требование: понимать под индукцией *только* процедуру «нахождения и доказывания» знаний о степени общности признака, помнить, что знание о его сущности и существовании добывается другими процедурами, связанными с индукцией, но не включаемыми в нее как части в целое.

⁴ Милль Д. Ст. Система логики. М., 1899. С. 226.

Поскольку признак данного конкретного предмета делает общим или единичным не его содержание непосредственно, а порожденные этим содержанием отношения сходства и несходства к признакам других предметов некоторого фиксированного класса, постольку определить степень общности признака, т. е. установить, единичен он, особен или всеобщ, можно лишь отразив эти отношения. А для этого необходимо *сравнить* данный признак (существование и сущность которого уже установлены) с признаками других предметов класса. Если класс таких предметов конечен и обозрим, сравниваются между собой все эти предметы. Такая процедура называется полной индукцией. Она применяется уже на уровне эмпирического познания, к признакам, доступным органам чувств, но используется и на высших этажах теоретического мышления. Именно полной индукцией определяется степень общности таких, например, признаков, элементарных частиц, как спин, масса покоя, странность и т. д. Если посылки полной индукции истинны, ее результатом является достоверный вывод о том, что данный признак данного конкретного предмета является единичным (т. е. отличным от признаков всех других предметов данного класса), особенным (т. е. сходным с признаками одних и отличным от признаков других предметов) или всеобщим (т. е. сходным с признаками всех других предметов).

Таким образом, полная индукция — лишь первый шаг от единичного в объективной действительности к общему в сознании. Ее результатом является знание о степени общности тех признаков предмета, о существовании и сущности которых нам предварительно известно. Вторым шагом является абстрагирование от тех из этих признаков, которые являются единичными и особенными, и сохранение в сфере внимания лишь тех, которые являются всеобщими.

Фундаментальную роль в процессе полной индукции играет понятие фиксированного класса. «Единичное», «особенное» и «всеобщее» — относительные понятия. Признак только тогда ясно и недвусмысленно охарактеризован ими, когда ясно и недвусмысленно фиксирован класс объектов, по отношению к которому он выступает в качестве единичного, особенного или всеобщего. Если этот класс мыслится неопределенно или трактуется как универсальный (класс *всех* объек-

тов вообще), в процессе индукции могут возникнуть парадоксы типа теоретико-множественных⁵. Методологическое требование фиксировать класс объектов, к которому применяется индукция, наталкивается на ряд объективных трудностей, проанализированных Э. Ф. Ильенковым и В. В. Давыдовым⁶, тем не менее его выполнение является необходимым условием осуществления полной индукции.

Фиксированный (например, указанием на классообразующий признак) класс может быть и бесконечным. Полная индукция к нему, естественно, неприменима. Между тем наука имеет дело преимущественно с бесконечными классами. Степень общности признака, присущего элементам таких классов, определяется с помощью неполной индукции. Она заключается в сравнении по исследуемому признаку лишь части предметов (выборки) и распространении полученного результата на все множество. Неполная индукция дает те же три результата, что и полная: сравниваемый признак единичен, особен, всеобщ. Разница лишь в степени достоверности этого результата. Вывод полной индукции, если верны посылки и не нарушены правила вывода, абсолютно достоверен. Вывод неполной, даже если в нем верны посылки и соблюдены все логические правила, лишь относительно достоверен. Конечно, по мере увеличения числа сравниваемых предметов достоверность этого вывода растет, но абсолютной она не становится никогда. Подчеркнем: меняется лишь достоверность, доказанность вывода. Степень его истинности, т. е. степень соответствия действительности, при этом не меняется: процедура индукции ее не затрагивает.

Но если неполная индукция не дает достоверного знания о признаке, определенном на бесконечном классе предметов, то откуда же в наше сознание проникает такое знание?

Как известно, этот вопрос обсуждался на протяжении всей истории философии. Попытки ответить на него породили теорию воспоминаний Платона, тео-

⁵ См.: Кармин С. А. Категория всеобщего и теория множеств // Проблемы всеобщего в марксистской философии. Челябинск, 1982.

⁶ Ильенков Э. В. О всеобщем // Некоторые проблемы диалектики. М., 1973. С. 25; Давыдов В. В. Виды обобщения в обучении. М., 1972. С. 79—80.

рию врожденных идей Р. Декарта, учение об априорных формах чувственности и рассудка И. Канта. Решение же этого вопроса заключается в том, что такого абсолютно достоверного знания о степени общности признака не существует. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к истории науки. В ее «архиве» находятся теории, некогда считавшиеся достоверно всеобщими, а затем обнаружившие свою относительную общность, а то и просто ложность. Доказательство ложности астрономической теории Птолемея, ограниченной общности геометрии Евклида, механики Ньютона и т. д. воспринималось теми, кто считал эти теории достоверно всеобщими, как крушение основ познания. И только трактовка их как относительно достоверных продуктов развития опытного знания позволяла видеть в обнаружении ложности или ограниченной общности таких теорий не крах, а прогресс познания.

Неполная индукция «наследует» все методологические требования, которые регулируют индукцию полную: она должна определять только степень общности признака, поэтому о его существовании и сущности должно быть известно заранее; класс, на котором определяется общность признака, должен быть по возможности строго фиксирован; степень общности признака следует устанавливать сравнением предметов класса между собой. Но здесь возникают новые требования, связанные с переносом результатов, полученных на выборке, на весь класс объектов. Эти требования формулируются вероятностной логикой⁷.

Полная и неполная индукции, зародившиеся в эмпирическом познании, широко используются и в познании теоретическом. Однако в процессе развития теоретического знания возникают и развиваются новые, специфически теоретические способы определять степень общности признака. Один из них получил название научной индукции. Процедура определения общности признака, на которую раньше уходили века, здесь осуществляется посредством одного мыслительного акта. Например, зная, что все металлы имеют свободные электроны во внешней электронной орбите и что это их свойство однозначно связано с электропроводностью, заключают, что все металлы электропроводны.

⁷ Кайберг Г. Вероятность и индуктивная логика. М., 1978.

Возникает надежда, что именно научная индукция является независимым от полной индукции и абсолютно достоверным источником всеобщего знания, тем самым, которого искали Платон, Декарт и Кант. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что перед нами лишь отдаленный потомок неполной индукции. В самом деле, в соответствии с принципами научной индукции вывод о всеобщности признака *A* можно получить, лишь зная о всеобщности однозначно связанного с ним признака *B*, всеобщность которого, в свою очередь, была установлена на основе однозначной связи с всеобщим признаком *C* и т. д. Такой регресс, естественно, не может быть бесконечным. Рано или поздно в конце этой цепи обнаружится признак, степень общности которого была обнаружена неполной индукцией.

Сказанное не значит, что научная индукция лишь паразитирует на неполной, ничего не давая взамен. Как отдаленное следствие неполной индукции вывод научной индукции может быть опровергнут, тем самым будет опровергнуто и его основание — вывод неполной индукции. И наоборот: подтверждение научной индукции опосредованно подтверждает и неполную. А это значит, что в развитой науке все формы определения общности признака находятся в диалектической взаимосвязи, достоверность неполной индукции гарантируется не только сравнением предметов между собой, но и подтверждением научных индукций, возникших на ее основе.

Подчеркнем то качественно новое, что появляется в научной индукции по сравнению с полной и неполной. Если в первых двух во внимание принимались лишь отношения сходства и несходства между признаками предметов, то здесь ключевую роль играет *связь* признака *A*, общность которого предстоит установить, с признаком *B*, общность которого уже установлена. Научная индукция — это перенос информации о степени общности одного признака на другой признак через соединяющую их связь. Значит, чтобы осуществить научную индукцию, необходимо располагать информацией не только о существовании и сущности исследуемого признака, но и о связи, соединяющей его с другим, качественно отличным от него признаком. Эта информация является продуктом другой важнейшей гносеологической процедуры — синтеза. А это значит, что в развитой науке обобщение не является

атомарной, самодовлеющей процедурой, а может быть понято только в диалектическом единстве с другими познавательными процессами.

Полная, неполная и научная индукции позволяют определить степень общности признака лишь после того, как установлены его существование и сущность. Например, мы сначала узнали, что такое электропроводность, и установили ее наличие у металлов и лишь затем выяснили, что она присуща всем металлам. Кажется совершенно очевидным, что только такая последовательность этих трех познавательных процедур и возможна. Нельзя же сначала установить, что некий неизвестный признак присущ всем предметам класса, а затем уже выяснять, что он собой представляет по существу. Между тем такая «нелепая ситуация» довольно типична для развития науки. Именно она сложилась в современной теории элементарных частиц. Физики убеждены в существовании фундаментального признака, общего всем элементарным частицам (подобного атомному номеру, общему всем химическим элементам), но что это за признак, до сих пор не могут определить. Информация об элементарных частицах исчерпывается признаками, присущими лишь их отдельным группам (спином, массой покоя, «странностью» и т. д.)⁸. Л. Витгенштейн, обративший внимание на типичность подобных ситуаций в науке, описывает их так: «Мы видим сложную сеть похожестей, сходств, которые пересекаются и нарушают друг друга. Сходств в большом и малом. Я не могу охарактеризовать эти сходства лучше, чем словами „семейные сходства“, ибо именно так нарушают друг друга и пересекаются различные сходства, существующие между членами семьи: рост, черты лица, походка, темперамент и т. д.»⁹ «Семейные сходства», о которых говорит здесь Л. Витгенштейн, относятся к искомому родовому свойству не просто как менее общие признаки к всеобщему, но и как проявления сущности — к сущности. Такой взгляд на «семейные сходства» позволяет утверждать, что они выполняют в процессе познания две функции. Во-первых, объединение всех классов, каждому из которых присуще то или иное семейное сходство, позволяет

⁸ Фейнман Р., Лейтон Р. Сэндс М. Фейнмановские лекции по физике. М., 1977. Вып. 1/2. С. 51.

⁹ Wittgenstein L. Philosophische Untersuchungen. Frankfurt a. M., 1971. S. 56.

определить класс объектов, которым присущ искомый всеобщий признак, и тем самым выполнить одно из предварительных условий индукции — фиксировать класс объектов, на котором определяется степень общности признака. Во-вторых, анализом «семейных сходств» именно как *форм проявления* сущности — искомого всеобщего признака — определить сущность последнего. Таким образом, сущность признака устанавливается в этой ситуации после определения его существования и степени общности.

Необходимо подчеркнуть, что метод «семейных сходств», как правило, применяется при исследовании наиболее глубоких, существенных признаков, открытие которых знаменует качественно новый этап в развитии науки. Именно поэтому здесь невозможно сформулировать какие-то формальные, жестко регламентирующие требования. Методологические рекомендации выступают здесь уже на уровне общефилософских, мировоззренческих установок. Имеется, например, тенденция представить состояние, описываемое теорией семейных сходств, как окончательный этап в исследовании данной области действительности. Мы противопоставляем этой методологической установке требование искать за «семейными сходствами» как за разнообразными формами проявления сущности тот фундаментальный всеобщий признак, открытие которого как раз и делает данное исследование научным.

Определив одним из четырех рассмотренных нами способов степень общности каждого из признаков, входящих в состав конкретного существующего в пространстве и времени предмета, и абстрагировавшись от тех из них, которые являются единичными и особенными, мы еще не завершаем движение от единичного к общему. Знание о каждом из всеобщих признаков предмета и даже знание о всех них не есть еще всеобщее знание о предмете. Чтобы получить такое знание, необходимо синтезировать разрозненные сведения о всеобщих признаках предмета в целостную картину. В результате этой процедуры возникнет знание о предмете, состоящем только из общих признаков. Такой предмет называется общим. Разумеется, он существует только в воображении, ибо в реальной действительности существуют индивидуальные предметы, индивиды, представляющие собой диалектическое единство единичных, особенных и всеобщих признаков.

Знание о каждом из всеобщих признаков называется абстрактно-всеобщим. Знание, возникающее в результате синтеза таких знаний в целостный всеобщий образ предмета, мы называем конкретно-всеобщим, знанием не об общих признаках, а об общем предмете. Синтез таких конкретно-всеобщих знаний, т. е. отражение связей между задаваемыми ими общими предметами, будет еще более конкретным и т. д. Конкретно-всеобщее знание — это высший продукт движения от единичного к общему. Задаваемый им теоретический мир общих предметов является идеальной моделью для исследования тех законов, которые в реальном, материальном мире лишь «просвечивают» сквозь искажающие и затемняющие факторы. Необходимо, однако, отметить, что завершающий шаг на этом пути — объединение абстрактно-всеобщих знаний в конкретное-всеобщее — входит в компетенцию уже не обобщения, а принципиально иной познавательной процедуры — синтеза.

Как было показано, тесная взаимосвязь индуктивного обобщения и синтеза обнаруживается уже при рассмотрении формы научной индукции, когда процедура обобщения не исчерпывается непосредственным выявлением сходства либо несходства между исследуемыми признаками, а предполагает уяснение связи между ними с точки зрения выраженности степени их всеобщности. Синтетический характер носит, безусловно, и методология поиска «семейных сходств», ибо фундаментальный всеобщий признак, «стоящий» за разнообразными формами своего внешнего обнаружения (и первоначально прикрытый ими), объективно реализует функцию синтеза в единство этих разнообразных форм. Еще более ярко функция синтеза проявляет себя, как мы видим, на итоговом этапе движения обобщения, связанном с переходом от абстрактно-всеобщего знания о предмете к его конкретно-всеобщему, целостному образу.

Но если так, то необходимо уяснить, какова природа этой синтетической связи. Ответ, по сути дела, уже содержится в предшествующем изложении: метод обобщения, опосредствованный процедурой синтеза, выявляет сущностную определенность искомых общих признаков, а следовательно, и сущностную природу всеобщего.

В. И. Ленин, конспектируя «Лекции по истории философии» Гегеля, выделил следующее его положение, высказанное в связи с анализом воззрений Анаксагора: «Общее есть скудное определение, каждый знает об общем, но не знает о нем как о сущности»¹⁰. Отметив это высказывание тремя вертикальными подчеркиваниями, В. И. Ленин записывает: «ИВ: „общее“ как „сущность“»¹¹. Понятое как сущность, общее выступает уже не как «скудное», т. е. бедное содержанием, определение, а как богатое содержанием, следовательно, конкретное, всеобщее, которое потому конкретно, что есть результат синтеза многообразного и различного (в данном случае — результат синтеза знаний о различных общих признаках предмета).

Осмысление общего как конкретно-всеобщего, а главное, как существенно-всеобщего, образует поворотный пункт в движении познающего мышления, поскольку, раскрыв общее в его сущностной определенности, познание подготавливает тем самым переход от индуктивного восхождения к всеобщности, к дедуктивному движению знания — от выявленного всеобщего к частной (единичной) форме его проявления. В этом, на наш взгляд, состоит отличительная черта синтетического обобщения, которое, формируя конкретно-всеобщее знание о предмете, вплотную подводит к проблеме существования отраженных в этом знании существенных признаков. Действительно, сущность необходима, следовательно, то, что существенно, не может не быть. Но, располагая знанием того, что нечто не может не быть, мы не обладаем, однако, еще положительным достоверным знанием о наличном существовании этого нечто. Вот почему закономерным продолжением познавательного восхождения от частного (единичного) к общему (в форме существенно-общего) служит возвратный процесс обратного приближения к частному (но, конечно, уже на новой основе).

Непосредственной формой обнаружения этого положения служит тот эмпирически фиксируемый факт, что в практической, материальной деятельности человек имеет дело не с общими предметами, состоящими только из общих признаков, и не с общими законами как таковыми, выступающими в этих предметах в

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 241.

¹¹ Там же.

чистом виде, а с реальными, материальными образованиями, включающими наряду с всеобщими также особенные и единичные признаки. Возникает противоречие между теоретическим миром, возникшим в процессе движения от единичного к всеобщему, и реальным, материальным миром. Рассуждая абстрактно, можно предположить два способа разрешения этого противоречия: теоретический и практический. Первый состоит в том, что в знание об общем предмете включают «все богатство особенного, индивидуального, отдельного». Эта гносеологическая процедура называется движением от общего к единичному. Второй заключается в том, что из реально существующего предмета путем его преобразований устраняют все единичные и особенные признаки, превращают его в реально существующий общий предмет. Рассмотрим сначала первый путь.

Неверно представлять себе дело так, что на пути от единичного к общему мы определяем, какие признаки являются общими, а на пути от общего к единичному — какие из них единичны. Полная, неполная, научная индукция и метод семейных сходств определяют не только всеобщность, но также особенность и единичность признака. После завершения движения к всеобщему в знании о предмете информация только о всеобщих признаках сохраняется не потому, что мы не знаем об особенных и единичных, а потому, что мы абстрагировались от них. На пути от общего к единичному мы должны снять это абстрагирование и рассмотреть, как эти «забытые» нами на время признаки связаны с всеобщими признаками предмета, т. е. создать картину индивидуального, существующего в пространстве и времени предмета как диалектического единства его единичных, особенных и всеобщих признаков. Тем самым будет устранено и противоречие между содержанием предмета и содержанием отражающего его понятия, которое возникает на заключительном этапе восхождения от единичного к общему.

Первым шагом на пути от общего к единичному является силлогистическое умозаключение от утверждения, что данный всеобщий признак присущ всем предметам класса, к утверждению, что он присущ и данному конкретному предмету. Поскольку большая посылка силлогизма получена (опосредованно или непосредственно), как правило, методом неполной индукции, вывод его носит вероятностный характер. Удо-

стовериться в наличии данного всеобщего признака у данного конкретного предмета можно лишь наблюдением или экспериментом. Предсказанный дедуктивным умозаключением и удостоверенный наблюдением или экспериментом всеобщий признак является исходным пунктом на пути от общего к единичному. Затем начинается синтез, т. е. отражение связей этого признака с другими признаками. Он происходит по четырем направлениям.

Первое направление — выявление тех особенностей, которыми данный признак обладает в данном конкретном предмете. Например, если генетический код вообще понимается как некоторая комбинация четырех азотистых оснований — аденина, гуанина, тимина и цитозина, то в данном случае нас интересует конкретный характер этого сочетания, благодаря которому обладающий им объект является, во-первых, животным, во-вторых, позвоночным, в-третьих, млекопитающим, в-четвертых, человеком, и наконец, в-пятых, данным конкретным, этим человеком. Из этого примера видно, что движение от общего к единичному — не менее трудный процесс, чем движение от единичного к общему. Так, путь от черт, присущих любому генетическому коду, к чертам, определяющим, скажем, цвет глаз данного индивида, современная генетика еще не прошла.

Второе направление — это выведение из данного существенного и всеобщего признака предмета тех черт, которые порождены им как явления сущностью. В нашем примере — это рост, черты лица, походка, темперамент человека, т. е. те признаки, которые Л. Витгенштейн называл «семейными сходствами». На пути от единичного к общему «семейные сходства» позволяли выявить сущность всеобщего признака. Здесь происходит «оборачивание метода» — знание о существовании, сущности и всеобщности фундаментального признака позволяет объяснять «семейные сходства».

Третье направление — это исследование связей данного существенного признака с признаками одинаковой с ним степени общности и существенности. В нашем примере это может быть исследование связей, возникающих между родительскими наборами хромосом в гамете.

И наконец, четвертое направление — это исследование связей данного признака с тем признаком, фор-

мой проявления которого он является. В нашем примере — это выявление факторов, породивших генетическую информацию как таковую и информацию данного конкретного индивида в частности.

В только что рассмотренном нами случае задачей движения от общего к единичному была ликвидация противоречия между общим понятием о предмете и реальным предметом. Однако это не единственная и, пожалуй, не самая важная форма такого движения. Значительно более важным является такой синтез единичных, особенных и всеобщих признаков, который не соответствует ни одному реально существующему предмету. Имеется в виду не создание ложного знания, а процесс конструирования машин, механизмов, а на современном этапе — даже растений и животных. Здесь всеобщий признак синтезируется не с реальными, а с возможными особенными и единичными признаками, причем не любыми, а только такими, которые соответствуют потребностям человека. Такой процесс, естественно, не уменьшает разрыв между общим понятием, возникшим после восхождения к общему, и реальным предметом, а увеличивает его. Ликвидация этого разрыва — задача не теоретической, а практической деятельности. Разрыв исчезает, когда создается первый паровоз, первый электромотор, первое растение с запланированными свойствами и т. д.

На начальных этапах практической деятельности каждый продукт труда был таким же уникальным сочетанием единичных, особенных, и всеобщих признаков, как и любой предмет природы: одни часы не походили на другие, один ткацкий станок — на другой и т. д. Одной из важнейших составляющих технического прогресса является стандартизация и унификация продуктов труда, т. е. устранение из них особенных и единичных признаков, превращение их в реально существующий общий предмет, т. е. второй из отмеченных выше способов ликвидации противоречия между теоретическим миром общих предметов, возникающим в процессе восхождения к общему, и реальным, материальным миром. Конечно, стандартизация и унификация не устраняют индивидуальных различий предметов полностью. Даже между двумя монетами одной чеканки можно обнаружить различия. Однако сделать это можно только с помощью приборов. Органы чувств здесь бессильны. Следовательно, существуют

интервалы, в которых реальные, материальные предметы выступают как общие предметы, полностью соответствующие тому конкретно-всеобщему знанию, которое возникает в результате движения к общему.

Однако если это реальное, материальное движение от единичного к общему довести до крайности, то возникнут дома, которые невозможно различить, костюмы, одинаковые, как униформа, машины, не учитывающие специфику выполняемой работы, и т. д. Эта опасность порождает именно в практической деятельности отрицание отрицания — возвращение к таким продуктам труда, которые уникальны, неповторимы, но уже не в силу несовершенства, а в силу эффективности технологии.

Мы видим, таким образом, что движение от единичного к общему и от общего к единичному, совершающееся в процессе познания, повторяется затем в практической деятельности, причем этот второй «виток спирали» в таком же смысле выше первого, в каком практика выше теоретического познания.

Итак, мы рассмотрели два познавательных процесса: движение от единичного к общему и движение от общего к единичному. Чтобы каждый из них представить в чистом виде, мы сначала первый рассмотрели в абстракции от второго, а затем второй — в абстракции от первого. Но в действительности эти два познавательных процесса находятся в тесном, более того, в сущностном единстве, а значит, не разделены во времени. Движение к единичному начинается не после движения к общему, а осуществляется одновременно с ним: синтез вновь открытого всеобщего признака с особенными и единичными начинается сразу. Лишь в том случае, когда это не удастся сделать, его откладывают на более поздний срок. Формулировкой требования проводить восхождение от единичного к общему в неразрывном единстве с восхождением от общего к единичному мы и закончим данную главу.

ЕДИНСТВО ИСТОРИЧЕСКОГО И ЛОГИЧЕСКОГО

Уяснение единства исторического и логического помогает глубже понять другие элементы диалектического метода, в особенности восхождение от абстрактного к конкретному. Этот принцип был блестяще применен Марксом в «Капитале», в частности при решении проблемы начала научного исследования. В диалектической философии разработкой этого принципа занимался Гегель, который впервые попытался рассмотреть мышление исторически, анализируя его в плане соотношения (совпадения) исторического и логического, но в извращенной мистифицированной форме. Мистицизм вытекает из гегелевского понимания идеи (мысли, понятия) как субстанции всего существующего, способной к саморазвитию, которое Гегель представляет как переход «в-себе-бытия» в «для-себя-бытие», направляемый лишь собственно имманентной силой логики. В результате в рамках гегелевского идеализма историческое подчиняется логическому, используется лишь для подтверждения и иллюстрации.

Марксистская трактовка исторического и логического коренным образом отличается от гегелевской. Логическое понимается в этой новой трактовке как абстракция от исторического, как процесс движения и развития самой действительности. Существует история природы, история общества и история человеческого мышления. И в той или другой форме история, хотя она «часто идет зигзагами», закономерна, «логична». Но это не логичное в собственном смысле. Логическое выступает как историческое в обобщенной форме в его необходимых моментах, в отвлеченности от всякого рода исторических случайностей. Строго говоря, это уже не историческое, а его отражение; отражение исправленное, но исправленное по законам самой исторической действительности. И как таковое, логическое осуществлено в сущности в таком же порядке, который имеет место в реально-историческом процессе. Оно не может начаться иначе, как с того, с чего начинается история.

К. Маркс свой анализ капиталистического производства в «Капитале» потому начинает с категории

товара, что именно с последнего начинается сама история капитализма. Однако сложность проблемы заключается в том, что понимается под «началом», почему товар считается началом, если, как мы знаем, товарная форма продукта труда существовала задолго до возникновения капитализма. В решении этого вопроса важен не столько логический метод, основанный на анализе развитой формы исследуемого объекта, сколько принцип конкретного историзма, согласно которому развитие, история, историческое развитие свойственны лишь конкретным, определенным, «закрытым» системам. Как история есть всегда история конкретного предмета, так и начало есть всегда начало какого-то конкретного предмета. Начало постольку является началом, поскольку с него начинается история какого-то конкретного предмета, вне которой оно теряет свой смысл. Каждый вновь возникший предмет начал свое существование как система, которая «заключает в себе противоречашие и исключающие друг друга отношения» (К. Маркс), присущие данному предмету на всех этапах его развития, и которая, однажды возникнув, продолжает существовать и становится господствующей в последующем развитии тех условий, при которых она возникла.

Кроме собственной истории, всякая конкретная система имеет еще предысторию. Она возникает на основе предпосылок, созданных в процессе развития предшествующей ей системы. Однако не все эти предпосылки являются генетическими для данной системы, не говоря уже о том, что до нее существовали многочисленные системы, которые хотя и связаны каким-то образом с ее возникновением, но не с необходимостью. Вот почему не все являющееся исторически первым (первым по времени), может служить началом, или первым «по сущности», как говорил еще Аристотель. А то, что представляет собой начало, само собой разумеется, является исторически первым; оно вместе с тем и должно быть логически первым.

Для того чтобы выяснить тот пункт, с которого предмет стал именно таким и тем самым отличался от всех остальных, ссылаться на один лишь исторический метод нельзя. Необходимо, прежде всего, знать, что это за предмет. Такое знание, хотя бы предварительное, позволяет отграничить собственную историю исследуемого предмета от его предыстории, тем более от исто-

рии всяких исторически предшествовавших предметов, что и дает возможность правильно установить начало истории данного предмета, восходя к его истоку. Здесь исключительная роль логического метода объясняется тем, что он основывается на анализе развитой формы исследуемого объекта. Поскольку последняя содержит в себе в снятом виде предшествующие, менее развитые формы, состояния, включая и исходную форму — начало объекта, логический метод помогает глубже и легче понять то, что было в истории в неразрывном виде, в тенденции, а значит, и выяснить то, что было исторически исходным моментом его существования как такового. «Анатомия человека,— писал Маркс,— ключ к анатомии обезьяны. Намеки же на более высокое у низших видов животных могут быть поняты только в том случае, если само это более высокое уже известно»¹. К пониманию товара как простейшего отношения системы капиталистического производства Маркс подходил постепенно лишь путем анализа, причем не истории или предыстории буржуазного общества, а его современного состояния. Без знаний, полученных в изучении, в анализе жизни современной буржуазной действительности нельзя понять, выявить роль экономической «клеточки», которую товар играет лишь при капитализме и которая отличает его от всякой товарной формы продукта во всех докапиталистических общественно-экономических формациях.

Сказанное относится, разумеется, не только к размышлению над процессами общественной жизни, к их анализу. Так, воспринимая предметы окружающего мира, человек еще в древности обращал внимание на определенные элементы их образования. Эта попытка усиливалась по мере развития познавательной деятельности. Однако лишь в конце XVIII в. впервые удалось правильно определить химические элементы на основе кислородной теории². И здесь анализ также исходит из «готовых результатов процесса развития», только не самого исследуемого объекта, а его познания. И в том и в другом случае логика развития научного познания такова, что его результат рано или поздно послужит логическим основанием, соответствующим ис-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46, ч. I. С. 42.

² См.: Кедров Б. М. О методе изложения диалектики от абстрактного к конкретному // Вопр. философии. 1978. № 2. С. 39.

торически исходному основанию, причем речь идет о реальном историческом процессе или же об истории самого познания. Это — общий закон развития как общественных, так и естественных, технических наук, независимо от того, что данная область знания еще не достигла такого уровня в своем развитии.

Выше говорилось, что логическое есть «исправленное» отражение исторического. Мы попытаемся выяснить, почему и в какой степени такое «исправленное» отражение является законным, теоретически последовательным и необходимым для воспроизведения исследуемого объекта в его целостности. Само собой разумеется, решение этой сложной задачи невозможно без рассмотрения объекта в движении, в генезисе, становлении и развитии. Иными словами, только с точки зрения того, как известная вещь возникла и какие основные этапы она проходила в своем развитии, — только с точки зрения этого ее развития можно понять, «чем данная вещь стала теперь»³. Такое требование конкретного историзма выдвигается перед любой наукой, имеющей дело с развивающимся целым. Но, говоря о необходимости рассмотрения объекта в движении и развитии, следует подчеркнуть, что это не значит дать простое описание совершающихся в нем изменений или воспроизведение в познании сменяющих друг друга состояний, а «дать объект в его необходимости, в его всесторонних отношениях, в его противоречивом движении *an und für sich*»⁴. Метод, способный осуществить эту задачу, может быть только теоретическим, так как эмпирический метод ограничен описанием отдельных качественных состояний предмета, не раскрывает ни необходимой связи, ни закономерной их смены. Это значит, что исторический подход в теоретическом познании не исключает логического. Или, точнее, последний действует здесь как бы на основе исторического метода, вне и независимо от которого он не существует как таковой, он выступает как дальнейшее его развитие. Так что логический метод в сущности историчен, согласуется с историческим подходом. Подчеркивая эту черту теоретически-логического метода, Ф. Энгельс писал: «Этот метод в сущности является не чем иным, как тем же историческим методом, только осво-

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 67.

⁴ Там же. Т. 29. С. 193.

божденным от исторической формы и от мешающих случайностей»⁵.

Говоря о необходимости рассмотрения исследуемого целого в развитии, следует еще четко различать его собственную историю от предыстории и тем более от истории всяких существовавших до него объектов. Это и есть требование конкретного историзма, которое применительно, например, к изучению развития общества заключается в том, чтобы изучать не только общие законы, присущие всему ходу истории общества в целом, но и специфические, свойственные каждой отдельной стадии его развития. В своем «Капитале» Маркс именно так исследовал капиталистическую общественно-экономическую формацию. В результате был открыт «особый закон движения современного капиталистического способа производства и порожденного им буржуазного общества»⁶.

Дело в том, что всякое вновь возникающее явление (а значит, и каждая новая стадия развития) обязательно чем-то существенно отличается от явления, на основе которого оно возникло. Иначе оно не существует как таковое. «Хотя наиболее развитые языки,— писал Маркс,— имеют законы и определения, общие с наименее развитыми, все же именно отличие от этого всеобщего и общего и есть то, что составляет их развитие»⁷. Качественно новое явление всегда возникает на основе предпосылок, не им созданных, а образованных в недрах предшествующего явления. Однако из этих посылок не все является «строительным материалом» для данного явления. А те, которые, непосредственно входят в его состав, встречаются в нем в измененном, преобразованном виде. Новое явление, как только оно возникло, подчиняет их, как свои собственные моменты, иному порядку. Как бы они ни были созданы и существовали, эти предпосылки теперь существуют в новом явлении уже как моменты его собственного движения, подчинены законам и требованиям последнего. Они становятся уже не тем, чем они были в старом явлении. О них нельзя сказать, что они — элементы предшествующего явления. Земледелие существовало, скажем, еще в античном и феодальном общест-

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 497.

⁶ Там же. Т. 19. С. 351.

⁷ Там же. Т. 46, ч. I. С. 21.

вах, где промышленность более или менее зависит от земледелия, тем не менее в буржуазном обществе земледелие «все более и более становится всего лишь одной из отраслей промышленности и совершенно подпадает под господство капитала»⁸. Точно так же обстоит дело и с земельной рентой. Существуют феодальная и капиталистическая ренты. Однако они по существу отличаются друг от друга. В капиталистической общественно-экономической формации феодальная рента представляет по сравнению с буржуазной нечто производное, являясь результатом преобразования капитализмом «обломков» феодального строя, «земельная рента не может быть понята без капитала, но капитал вполне может быть понят без земельной ренты. Капитал — это господствующая над всем экономическая сила буржуазного общества»⁹. Поэтому было бы ошибочным начать исследование капиталистического способа производства не с капитала, а с земельной ренты, хотя с исторической точки зрения земля является «источником всякого производства... во всех сколько-нибудь прочно сложившихся обществах»¹⁰.

Рассмотрев ряд примеров с деньгами, трудом и т. д., Маркс делал общий вывод: «Таким образом, было бы неосуществимым и ошибочным трактовать экономические категории в той последовательности, в которой они исторически играли решающую роль. Наоборот, их последовательность определяется тем отношением, в котором они находятся друг к другу в современном буржуазном обществе, причем это отношение прямо противоположно тому, которое представляется естественным или соответствует последовательности исторического развития»¹¹.

В литературе данное высказывание Маркса нередко истолковывается как указание на несоответствие хода логического рассмотрения явлений последовательности их возникновения в истории, тем самым оно противопоставляется положению, сформулированному Энгельсом в работе, специально посвященной анализу метода, примененного Марксом в «Капитале», положению о том, что стороны исследуемого объекта надо рассматри-

⁸ Там же. С. 44.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 43.

¹¹ Там же. Т. 46, ч. II. С. 44.

вать в той последовательности, в которой они исторически с необходимостью возникли и формировались. На самом деле здесь речь идет не об истории вообще, а о капиталистической общественно-экономической формации как наиболее развитой исторической форме общества, которой свойственна определенная экономическая структура и соответствующие специфические законы. Речь идет, как указывал Маркс, не о том, как экономические отношения возникли в историческом развитии вообще и какое положение они занимают в различных социальных структурах, а о том месте, которое они занимают в «структуре современного буржуазного общества»¹². Нам думается, что здесь выдвигается требование историзма, с которым должен считаться логический способ рассмотрения, чтобы конкретно воспроизвести действительно историческую последовательность и ее закономерности.

Логический метод имеет дело с определенным состоянием развивающегося объекта, с его развитой формой (а исторический метод — с рядом форм, переходящих одна в другую), тем не менее логический метод, включая в себя историзм, осуществляет изучение сторон исследуемого объекта в той последовательности, которая обусловлена предшествующим развитием данного объекта. Не являясь простым мыслительным воспроизводством эмпирической истории, он берет, например, категории, выражающие буржуазные экономические отношения в том порядке, в котором они существуют при буржуазном обществе. Логическое рассмотрение оказалось и в этом случае основанным на реальном историческом развитии. С последним оно совпадает здесь в том смысле, что дает возможность понять исследуемый объект конкретно, в его историческом отличии от предшествующего ему объекта.

В этом смысле логическое мышление имеет свою относительную самостоятельность, выражающуюся в том, что оно содержит в себе способность оторваться от своего объекта и двигаться самостоятельно по своим специфическим законам. Однако, во-первых, последние вырабатываются в процессе отражения мышлением самого действительного исторического развития и согласуются с законами действительности (иначе невозможно объяснить, почему результаты логического исследования соответствуют последней); во-вторых, логическое

¹² Там же. С. 45.

развитие вовсе не должно содержаться в чисто абстрактной области (Ф. Энгельс). Не случайно поэтому Маркс в «Капитале», предпочитая логический метод исследования историческому, часто прибегал к использованию последнего. Дело не просто в том, что историческое рассмотрение предмета служит обязательной предпосылкой, необходимой основой для его логического анализа, и дело не только в том, что «действительный исторический процесс» объекта иллюстрирует результат «чисто логического» анализа. Дело заключается также и в том, что существуют такие проблемы, которые не могут быть решены чисто логическим методом.

Объект (предмет, теория), с которым имеет дело логический метод, предстает не только как сложное органическое, внутренне дифференцированное целое, но и как возникшая система, имеющая, кроме собственной истории, еще и предысторию. Опираясь на анализ развитого состояния объекта познания, на изучение его структуры, логический метод, как было отмечено, помогает глубже понять его историю. Однако знание высшей ступени развития объекта, его структуры на этой ступени является ключом к пониманию прошлой истории лишь в той мере, в какой последняя содержит в себе элементы, являющиеся «материальным материалом» данного объекта. Поэтому область действия логического метода исследования как бы заключена в рамки, установленные историческим возникновением и исчезновением самого объекта исследования¹³. Он не способен решить, «исчерпать» все проблемы, связанные с возникновением и развитием изучаемого предмета или теории. Средствами метода, основанного на идеализации некоторых (пусть развитых и типичных) отношений объекта, и ограничиваясь на нем как в замкнутой исторически определенной схеме, невозможно решить, в частности, те задачи, которые возникают и выходят за рамки собственно внутренней истории исследуемой конкретности¹⁴. Для реализации этих

«Границы логического рассмотрения предмета совпадают с историческими границами возникновения и исчезновения последнего» (*Оруджев З. М. «Капитал» Маркса, философия и современность. М., 1968. С. 224*).

¹⁴ В этом отношении логический метод ничем не отличается от всякого рода научного метода исследования, так как и самое положительное имеет всегда свои теневые стороны.

задач абсолютно необходимо историческое рассмотрение. И здесь мы имеем дело с единством исторического и логического способов рассмотрения предмета, соответствующим реальным отношениям вещей.

Можно логически показать, как деньги превращаются в капитал, как это Маркс делал в своем исследовании. Но превращение рабочей силы в товар объясняется лишь историческим методом. Это есть продукт целого периода так называемого первоначального накопления, «продукт многих экономических переворотов, продукт гибели целого ряда более старых формаций общественного производства»¹⁵. Как необходимая предпосылка возникновения капитала, рабочая сила создается не внутри самого процесса товарного обращения, а вне этого процесса и включена в него извне. Поэтому следует искать ее вне экономического развития стоимости, товарного обращения.

Подобным образом обстоит дело и с другими науками — и общественными и естественными науками, даже с такой «чисто логической» наукой, как геометрия.

В заключение отметим, что исторический характер имеют не только исторический и логический способы рассмотрения, но и их единство, которое является результатом длительного развития познавательной деятельности. Это вполне относится и к отдельному процессу познания объекта. Такое единство (совпадение) достигается не сразу, не где-то вне или до хода теоретического осмысления данного объекта, а в нем самом. Оно проявляется при этом, как ясно из вышеизложенного, и в плане выявления начала, и в области воспроизведения сущности исследуемого объекта в его целостности.

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 180.

III

ПРИНЦИПЫ ДИАЛЕКТИКО-МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО МЕТОДА

Глава первая

ПРИНЦИП КАК ФОРМА РАЗВИТИЯ ЗНАНИЯ

Основное назначение принципов состоит в том, чтобы служить базовыми, опорными знаниями. С позиций этих знаний осмысливается новое знание, его эмпирическое или теоретическое содержание. Формулирование принципов во многом зависит от структуры теории, категорий и законов диалектики. Есть все основания считать принципы однопорядковыми с законами науки (З. М. Оруджев)¹, средством объединения законов и категорий (С. Е. Зак)², стречневым положением в теории (П. В. Алексеев)³, но вместе с тем отражающими «один и тот же фрагмент действительности» в разных в сравнении с законом формах (А. П. Шептулин)⁴.

Принципы отражают действительные отношения, закономерные связи явлений, составляющие их объективную основу. Но принцип имеет и субъективную сторону; принципы представляют собой некоторое единство субъективного и объективного. Короче, в принципах, хотя они и определяются знаниями объективного содержания, присутствуют и различные виды субъективной активности, последние и становятся руководством в использовании принципов. В. И. Ленин, например, неоднократно указывал на важность марксист-

¹ Кумпф Ф., Оруджев З. Диалектическая логика. М. 1979. С. 99.

² Зак С. Е. Принципы и основные законы материалистической диалектики. М., 1974. С. 21.

³ Алексеев П. В. Предмет, структура и функции диалектического материализма. М., 1983. С. 109.

⁴ Шептулин А. П. Диалектический метод познания. М., 1983. С. 847.

ских принципов в выработке стратегии партии, государственного строительства, управления экономикой.

Принципы диалектико-материалистического метода обусловлены структурой теории диалектики и формируются под влиянием целостности последней. Они сами состоят из элементов теории (ее логических, семантических, познавательных конструкций). Принципы выражают не только содержание теории, но и взаимосвязь содержания знания и формы его выражения. Это позволяет выделять принципы из теории, использовать их как относительно независимые части в других областях знания. Обладая всеми качествами теоретической целостности, они становятся представителями теории в научной картине мира.

Необходимо отметить, что «способность» принципов быть используемыми вне контекста той теории, на основе и в рамках которой они формируются, их назначение связаны не только с непосредственными задачами познания ее (теории) собственного предмета. В истории познания принципы служили подчас единственными средствами познания природы и формирования нового знания. Даже фрагментарность и неизвестность происхождения не могли быть доводами против их использования при решении частных или общих задач познания. Отсюда принципы часто приобретали функцию начальных знаний, с позиций которых объяснялись целые научные системы, конструировались гипотезы и теории. Так, например, в математике принципы использовались как аксиомы в силу их строгости, предельной сжатости, простоты и доступности. Разумеется, эту простоту и доступность нельзя переносить на сам процесс выведения аксиом из миллиарды раз повторяющейся практики математических вычислений. Для Пифагора, открывшего числа в качестве исходного принципа мировоззрения, в этом принципе были сняты противоречия множества процессов абстрагирования и идеализаций с числом. К тому времени принцип выражения знаний в числовых величинах выступил уже как исходная установка, познавательная норма, эффективно используемая не только в области математических вычислений, но и в философских рассуждениях.

Исходя из решения субъектом разных задач, принципы могут выполнять разные функции. Так, например, С. Е. Зак правильно указывает, что в принципах мо-

гут фиксироваться коренные свойства объектов, содержатся запреты и ограничения⁵. В принципах могут объединяться знания законов и категорий в единую систему, с помощью принципов может осуществляться влияние на переход одной теории в другую. С помощью принципов теории дополняются и поясняются, приводятся в соответствие или ведут к противоречию.

Положение принципов в структуре теории внутренне раздвоено. С одной стороны, принципы выступают результатом редукции знаний, сжатием информации на каком-то этапе разработки теории, с другой стороны, принципы позволяют выходить за пределы теории и тем самым дополнять теорию, расширять ее информативность за счет формирующихся с их помощью новых знаний. Принципы подвижны, они позволяют быстро развернуть процесс исследования в нужном направлении, и в то же время они консервативны, их изменение определяется перестройкой содержания теории. Они накапливают и сохраняют в себе все богатство опыта развивающейся теории. В этой связи важно отметить, что «нормативность» принципов материалистической диалектики как логики и теории познания складывалась на протяжении длительного развития познания и практики.

Диалектические нормы являются результатом сложного и противоречивого процесса формирования мышления в определенной общественно-исторической среде. Общинно-родовое мышление лишь подготовило первые абстракции нормативно-диалектической формы, но само не имело их. В фетишизме (тождестве духовного и материального) даже не было намека на требования, предъявляемые к субъекту, так как отсутствовало понимание его духовной самостоятельности. В рамках анимизма требования определяются абстракциями групп, классов, видов материальных объектов опять же вне субъекта. И только с возникновением рабовладельческого строя, при котором жестко разделились физический и умственный труд, умственное творчество выделило идею и абсолютизировало ее. Возникли нормы, относящиеся собственно к идее, так как противоположное ей, материя, выступает «беспринципной», пассивной массой. Превратить потенциальные свойства материи в актуально становящуюся вещь можно было лишь

⁵ *Зак С. Е.* Указ. соч. С. 5.

с помощью требований (норм), вырабатываемых в структуре *целесообразной* деятельности. Мыслить материю и идею можно было только противоположностями, т. е. диалектически, поэтому уже первые принципы разрабатывались в системе античной диалектики. В дальнейшем арсенал таких норм обогащался и вместе с тем модифицировался.

На различных этапах развития общества и познания это проявлялось по-разному. На эмпирическом уровне чувственно-предметное содержание деятельности, практики отражалось в сознании в форме процедурных превращений, постоянно модифицируемых средствами развивающейся науки (теоретическими обобщениями, доказательствами, языком и т. д.). С разработкой научно-теоретических систем качественно изменяются и регулятивы духовного освоения действительности. По-прежнему отражая предметные связи, они существенно трансформируются под влиянием концептуального аппарата научных теорий.

Только очень высокий уровень рефлексии, и прежде всего в границах диалектико-материалистической гносеологии, позволяет выделить регулятивные нормы мышления, познания в качестве отдельных объектов исследования, проанализировать их со стороны организационно-управленческой функции научного сознания. Это и составляет содержание принципов, прямо вытекающее из законов материальной действительности. Отдельные принципы диалектики прошли сложную эволюцию утверждения истинности выдвигаемых ими норм. Но, что самое важное, диалектико-материалистическое обоснование принципов никогда не рассматривалось отдельно от отражаемого в них объективного содержания, от истины как процесса совпадения мысли с предметом и предмета со своим понятием. Принципы являются теоретическим выражением этого процесса на каждом историческом этапе человеческого познания.

Последовательное проведение материалистического монизма в исследовании принципов состоит в том, чтобы реконструировать их реально-практическое основание как некоторую абстрактно-общую связь человека с миром. Затем, опираясь на ее понимание, восходить до особенных и единичных моментов в теоретической и практической деятельности как некоторого целостного, конкретного образования. При восхождении от абстрактного к конкретному принцип обогащается

многообразием научно-теоретического содержания, что позволяет рассматривать его как норму, развивающуюся параллельно с формированием научного знания. Отражая материальную действительность, принципы отражают ее в форме научного видения мира. Они вырастают из науки, проходят с ее развитием все противоречивые этапы ее становления и утверждения в качестве формы общественного сознания.

Такой подход доводит понимание принципа до научно-теоретической нормы, органически связанной, с одной стороны, с содержанием теории, а следовательно, и с пониманием сущности содержащейся в ней картины материального мира, а с другой стороны, с особенностями конструирования и организации процесса познания. Только теория материалистической диалектики помогает уяснить изменение принципа как регулятивной нормы, как формы предметного отношения человека к миру.

Превращение принципа в норму, предписывающую строить познание в соответствии с законами материальной действительности, характеризует высокий уровень развития диалектики как науки. Выдвижение принципов в качестве основных пунктов в структуре теории говорит само по себе о возрастании роли функции обобщения знаний. Оставаясь концентрированной формой выражения содержания теории, принципы также развиваются и обогащаются. Они выступают как абстрактно-общие, устойчивые знания о развитии природы, общества и человека, приобретают силу регулятора знаний, являются ориентиром не только в исследовании, но и в оценке научной зрелости теории диалектики.

Способность принципов осуществлять нормативно-предписывающую функцию имеет особое значение. С нею связано усиление требований методологической направленности познания. В философской литературе сложилось мнение, что уже всеобщий мировоззренческий характер многих положений диалектики делает их нормативными по отношению к использованию в других науках. Это, конечно, верно. Марксистская материалистическая диалектика несет в себе огромный методологический заряд за счет того, что отражает всеобщие связи развития и изменения объективного мира и познания. Принципы диалектики фиксируют содержание знаний на уровне всеобщего, но они выполняют

и нормативную функцию при осмыслении изменения (естественного и искусственного) места предмета в системе всеобщей связи. Они становятся руководящими нормами в организации всякого правильного познания. Это происходит по мере того, как осуществляется разработка теории диалектики и оцениваются ее важнейшие положения в плане способности их быть используемыми в качестве средств познания. Принципы формулируются на уровне самосознания познавательных возможностей субъекта, они суть продукт рефлексии, осмысливания субъектом собственного процесса познания.

Происхождение принципов надо искать не только в теории диалектики, но и в скрытых движущих началах познавательной деятельности, связанной с использованием знаний. Иначе сказать, обоснование принципов лежит и в теории и вне теории диалектики. В теории потому, что принципы соотносятся с теорией через один и тот же предмет, вне теории потому, что превращение их в некоторую регулирующую норму познания не связано с этим предметом непосредственно.

Стремление идти по пути выведения принципов только из теории наталкивается на препятствие, преодолеть которое не смогла домарксистская философия. Обоснование нормативно-предписывающих требований принципа было связано в первую очередь с доказательством его как первоначала. Понять, почему требования принципа могут быть использованы в дальнейшем наращивании знаний, значит вроде бы понять, почему они стали исходными среди многих других положений теории. Но в самих теориях и даже в такой, как теория диалектики, отражающей всеобщее в познании и практике, нет явных указаний на происхождение требований принципа. Возможность выведения нормативности из отдельных положений теории формально-логическим путем не дает достаточности обоснования первоначал. Исходные посылки логического вывода, в свою очередь, также требуют обоснования.

Применительно к формальным рассуждениям уже Гегель указывал, что здесь «изложение начинается с оснований, их бездоказательно провозглашают принципами и первыми понятиями»⁶. В действительности они оказываются простыми определениями. Поэтому

⁶ Гегель Г. В. Ф. Наука логики. М., 1971. С. 89.

му, делает Гегель вывод, «если кто желает проникнуть в такого рода науки, тот должен начинать с того, чтобы вбить себе в голову эти основания; для разума тягостная задача, так как он должен признать основой безосновательное. Лучше всех преуспевает в этом деле тот, кто, недолго раздумывая, соглашается признать принципы как данные и отныне пользуется ими как основными правилами своего рассудка»⁷.

Здесь Гегель подчеркивает, что познание может заводить в тупик всякий раз, когда формальные дефиниции отрываются от содержания, а сами принципы провозглашаются произвольно. В принципах связь с предшествующими знаниями, имеющими для них значение предпосылочных, обладает свойством прерываться. Такие конструктивные формы ведут самостоятельное существование в том смысле, что в системе познания (в определенной области исследования) забываются причины их происхождения. Но даже если процедура вывода была бы выяснена, были бы найдены исходные начала, достаточность обоснования признать нельзя. Нормативность принципа предполагает доказательство принципа не только как исходного начала, но и как нормы, способной привести к познанию истины. Обоснование принципа сводится к вопросу об исходных критериях истинности. Ответ на него должен предполагать понимание дальнейшего использования знаний принципа, соотношения знания с опытом, практикой, теоретическими установками. Необходимость обоснования принципа отпадает, если его норма уже реализована в дальнейшем развитии знаний или практического действия.

В результате формально-логический анализ принципов отвергает идею всякого их доказательства на основе анализа содержания в рамках только теории.

Между тем нельзя не видеть в противоречивом характере принципа противоречий самого познания. Это и послужило Гегелю исходной установкой для обоснования нормативности принципа. Он постарался довести противоречия принципа до понимания диалектической взаимосвязи начальных и неначальных сторон развития теории. Исходным для гегелевской диалектики выступает духовная самостоятельность принципа, что совершенно естественно в плане объективного идеа-

⁷ Там же.

лизм. Значение понятия «принцип» у Гегеля раздваивается: с одной стороны, принцип служит началом, с другой стороны, он характеризует процесс развития знаний и, таким образом, выходит за содержание теории. Принцип в такой же степени начальный, как и конечный, так же имеет основу, как и безосновательное. Гегель видит в принципах не только установочное содержание для мышления, но и существенную сторону собственно духовного развития. Мышление само выступает принципом, чистой, лишенной примесей самостью⁸.

Идеалистическая интерпретация природы познания в полной мере соответствует концепции Гегеля о развитии знания как самостоятельного духовного движения, порождающего на своем пути чистые логические конструкции, отвлеченные от содержания. Принципы выступают в этом движении освобожденными от содержания и гипертрофированными по своей сущности. Как и категории, они порождают проблему самой логики, которую кратко выразил В. С. Библер: «Логика должна обосновать собственное начало — стать „диалогикой“»⁹. При этом справедливо подчеркивается, что Гегель угадал решение этой проблемы, указав на логическую развернутость понятия как критерия связи основания и обоснованного. «Понятие как *единство многообразного* (теория) *обосновывается* понятием как *единством (тождеством)* многообразия (понятием в исходном определении), и обратно — понятие предмета *обосновывается* его теорией (курсив мой. — С. III.)»¹⁰. Таким образом, принципы обосновывают свое начало через диалектику развития процесса познания.

Но вот что получается. Следуя этому положению, приходится признать, что обоснование принципов тем полнее, чем полнее учитывается противоречивость теории. На переходах одной теории в другую противоречивость является часто наиболее обостренной. В этом случае принципы не должны отбрасываться, они должны сохранять преемственность при сменах теорий. В действительности такое не всегда наблюдается. Это

⁸ Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. М., 1974. С. 95—96.

⁹ Библер В. С. Мышление как творчество. М., 1975. С. 12.

¹⁰ Там же.

еще раз доказывает, что, несмотря на рациональные зерна гегелевской диалектики, его абстрактно-идеалистическая конструкция развития знания несостоятельна. Принципы ньютоновской механики перестают работать в квантовой механике, принципы элементарной алгебры нельзя распространять на высшую математику. Принципы — это такие формы теоретических знаний, которые локализованы определенной областью значений. И использование их поэтому не должно выходить за границы этой области. Одного лишь теоретического обоснования принципов недостаточно. Обосновать нормативную значимость принципа, абстрагируясь от общественной практики, невозможно.

Чтобы выделить нормативно-предписывающую характеристику принципа как существенное его свойство, приходится исходить из того, что уже добыто с помощью принципов, т. е. идти в направлении, обратном реальному процессу исследования. В таком случае мы можем узнать о принципах средствами самого процесса познания, в которых содержательные и функциональные элементы принципа работают как одно целое.

До того как принцип рассматривается абстрактно, как нечто взятое в отдельности, дескриптивная и прескриптивная функция в нем не поляризованы. Нерасчлененность дескриптивной и прескриптивной функций принципа во многом объясняет, почему он выступает как начальное и относительно нейтральное знание.

В абстрактном понимании принципа как начала мысль внутри себя еще не различает причин своего собственного происхождения. Тем и трудно всякое начало, что в нем прикрыта динамика процесса познания.

Простота или сложность принципов в этой связи очень условны и зависят от способности содержащихся в них знаний активизироваться под влиянием всего целостного массива теоретической информации, куда они включаются.

Иначе сказать, принципы приобретают свойство упрощать или усложнять процесс познания в зависимости от той познавательной ситуации, в которую они включены. От развития теории во многом зависит, как развивается положение принципа и насколько внутри него усиливается нормативная функция. Если принцип побуждает к формированию новых знаний, позволяет

неоднократно углублять и обогащать теорию, то в сознании исследователя центр внимания перемещается с содержания принципа на его функцию. Растет понимание функциональной соотнесенности принципа к теории и всей в целом познавательной ситуации. Тем самым принцип начинает исчерпывать себя как дескриптивное положение и приобретает значение нормативного средства на какой-то момент своего развития. Именно в этот момент оценивается, насколько целесообразно использовать его знания.

Прескрипция принципа не противопоставляется его дескрипции, первая диалектически снимает последнюю. Принцип выступает единством двух важнейших компонентов познавательного действия: позволяющего описать отражаемое явление и позволяющего оценить его с точки зрения исследования в познании и практике. Для диалектических принципов соотнесенность этих двух компонентов раскрывается на уровне всеобщих связей.

Очевидно, что методологическую специфику надо искать во втором оценочно-нормативном компоненте, поскольку он выражает в наиболее явной форме организационные мотивы познавательного действия. На первый взгляд может казаться, что нормативный компонент может быть логически выведен из дескриптивного компонента, поскольку и тот и другой соотносятся с одним и тем же содержанием теории. Однако нормативность не следует из теории непосредственно, ее нельзя вывести из отдельного положения теории. Это прежде всего относится к принципам, нормативность которых не выводилась, а приобреталась по мере развития теории диалектики и использования ее положений в науке. Диалектика начинает вырабатывать свои требования к познанию на том уровне своего развития, когда осознается, что всеобщность ее норм является не мнимой, а действительной всеобщностью, хотя сама диалектика в истории философии понималась, как, известно, по-разному. Античные философы поставили вопрос о диалектических нормах постижения истины, но эти нормы стали целостно-системными формами организации знаний на уровне высокоразвитой общественной практики. Для того чтобы диалектика приобрела свое законное право быть всеобщим философским методом познания, необходимо было пройти сложный путь не только теоретического развития, но и завоевать

право использовать свои положения в науке. На этом пути наблюдалось и ярко выраженное отрицание ее принципов и преклонение перед ними. Невозможно отграничить теорию диалектики от принципов, их соответствие совершенно очевидно, но очевидно и другое, что такое соответствие является не предпосылкой, а результатом общественно-исторического развития.

Нормативные требования, развертываемые диалектикой, формировались относительно самостоятельно. Ранние этапы науки фиксируют стихийный характер их разработки и использования, но и в более поздние периоды, при относительно высоком уровне осознания категорий и законов диалектики, требования диалектического метода не всегда выступали в качестве господствующих. Например, Кант так и не смог преодолеть антиномичности диалектики, по сути, ее требования были отнесены им к метафизическим требованиям логики.

Таким образом, формирование дескриптивной и прескриптивной функций диалектики происходило параллельно, поэтому неправильно говорить о смещении дескрипции принципа в сторону его прескрипции. Тождество их состоит в способности принципа отражать всеобщие связи и явления действительности, различие в том, что процесс отражения развивается в разных формах. Соотношение тождества и различия составляет единство диалектического принципа, в котором дескриптивные и прескриптивные компоненты работают как единое целое.

Исходя из этого причины формирования нормативности принципов надо искать как в том, что они отражают, так и в том, что они предписывают. Не претендуя на окончательное решение этой сложной проблемы, предложим несколько объяснений, позволяющих наметить пути подхода к ней.

Первое состоит в том, что нормативность задается исходя из постоянно повторяющихся процедур использования диалектических положений и приобретающих силу устойчивых стандартных схем поведения субъекта. Чем больше диалектика вызывала интерес, чем чаще мотивировалось использование ее положений, тем устойчивее закреплялись ее нормы в качестве всеобщих, предъявляемых к познанию требований.

Более полное объяснение нормативности диалектики надо искать во всеобщности ее положений и выво-

дов. Отражая всеобщие стороны действительности и мышления, диалектика (как теория) сама попадает под свои же собственные требования, и все, что вырабатывается в ней в качестве всеобщих предписывающих норм, может быть применимо для изучения самой диалектики как теории (ее структуры, функций, категорий, законов).

Предписание принципа есть результат процесса обобщения. Его требования имеют всегда общий характер. Даже в частных науках принципы являются общими нормами, относящимися к множеству объектов или целой области теоретических положений. Это и позволяет часто отождествлять принципы и законы. Как уже указывалось, принципы взаимосвязаны с законами, они отражают один и тот же фрагмент действительности. Но та нормативность принципа, которая задается простым обобщением, еще не дает основания отождествлять законы и принципы. Всякое обобщение не делает различия между существенным и несущественным, необходимым и случайным. Закон же всегда отражает существенные и необходимые стороны действительности и познания. Поэтому объяснить нормативность принципа исходя только из обобщения так же возможно, как и признать достаточным первое объяснение.

Отмеченные выше трудности преодолеваются, на наш взгляд, на пути раскрытия диалектики самого познания. Процесс обобщения не является односторонним, движение от единичного к общему всегда дополняется обратным ему движением от общего к особенному и единичному. Два направления этого движения, взаимообуславливающие друг друга, составляют единый сплав познания. Нормативность вырабатывается в нем на уровне осознания общего в его многообразных превращениях в особенное. Но для этого нужно, чтобы общее обладало свойством соотноситься с особенным, чтобы оно несло в себе особенное как свое внутреннее, присущее ему содержание. Не всякое общее, выделенное в познании, может удовлетворять таким условиям. Для этого оно должно быть конкретно общим, отражать богатое многообразие в содержании знаний. В процессе познания такое общее выступает как основа, как нечто, что сохраняется в особенном. Поэтому регулятивная норма принципа отражает не только всеобщее, но и то особенное, в котором познание выступает как подчиненный практике момент.

Нормативность принципа — это форма выражения всеобщего в особенном, которую усваивает мыслящий субъект на определенном этапе самосознания и которая становится формой его отношения к действительности.

Гегель выразил диалектику всеобщего следующим образом: «На каждой ступени дальнейшего определения всеобщее возвышает всю массу своего предыдущего содержания и не только ничего не теряет от своего диалектического движения вперед, не только ничего не оставляет позади себя, но несет в себе все приобретенное и обогащается и сгущается внутри себя. Это расширение (всеобщего) можно рассматривать как момент содержания, а внутри целого как первую посылку»¹¹.

Гегель указал здесь на подлинно диалектический характер всеобщего, которое способно свободно двигаться в массиве знаний, постоянно обогащая познание и в то же время не теряя своей определенности. Образуется относительно самостоятельная форма движения, в которой всеобщее раскрывается в особенном. Тем самым, если отнести такое всеобщее к целостному процессу познания, то оно и будет выражать принципиальную основу знаний, первую посылку, опираясь на которую разворачивается познание. Такое всеобщее не требует обоснования в качестве первоначала, оно обосновывается всем ходом познания, на всех его уровнях.

Принципы диалектики, отражая всеобщее, содержат вместе с тем все богатство особенного. И это их свойство не остается пассивным, оно активно стимулирует мышление со стороны предмета. Отражая особенное, преломляемое в сознании через всеобщее диалектического принципа, мышление постоянно обогащается новыми требованиями, нормами, регулятивами. Разумеется, это возможно, если мышление способно отобразить движение всеобщего в многообразии особенных свойств, как, например, Маркс в своем мышлении отобразил всеобщий характер капиталистического накопления в особенностях прибыли, земельной ренты, рабочей силы. И этот его (мышления) опыт вызывает и *особые виды действия*, *особые реакции* на действия, побуждающие вырабатывать все новые и новые требования и корректировать созданные раньше. Создание норм идет параллельно с развитием опыта, иначе те-

¹¹ Гегель Г. В. Ф. Наука логики. С. 306—307.

ряет смысл всякий опыт. Формирование предписывающих регулятивов действия приобретает относительно самостоятельное движение не без помощи рефлексии, ее критико-организующей функции, если, конечно, развитие науки и философии отражает диалектику связи всеобщего и особенного. В современном развитии установилась устойчивая тенденция формирования и обновления принципов. По-видимому, отсюда принципы приобретают все большее значение в разработке и обосновании теорий, концепций, проблем. Эта их «способность» и закрепляется в истории познания как требование, как необходимая норма, приобретающая значение познавательного нормы.

Итак, к раскрытию принципов как форм развития знаний, имманентно определяющих познание в качестве требований (норм) действующему субъекту, следует подходить диалектически. Требования возникают не сами по себе и не из недр «дремлющего разума», они объективный результат действующего мышления, его особого свойства искать и находить наиболее рациональные формы соответствия своего действия характеру осваиваемого им предметного бытия. Более того, мышление умеет «запечатлять» эти формы, соответствующим способом кодировать их в языке, через абстракции и идеализации накапливать и в дальнейшем использовать. Это собственный опыт мышления, результат его исторической деятельности и вместе с тем предпосылки его будущей деятельности. Все в целом и есть *способность* мышления, закрепляемая в сознании *специфическим образом* — требованием, нормой, принципом.

В этих требованиях отражается способность мышления и побуждающие его специфические мотивы, причем не любые мотивы, а субъективно сформулированные и направляемые на субъект действия и реализуемые в нем. Вместе с тем это не абстрактно-субъективные, нередко отождествляемые с субъективистскими мотивы, а опосредованные соответствующими предметными отношениями. Мотивы эти формируются практикой, которая и обуславливает возможность реализации способностей или мотивируемых предписаний.

Вот почему проблема принципов не только вопрос теории, а (и это прежде всего) практический вопрос, помимо которого невозможно понять принцип как форму развития знаний, как форму конструктивно-дея-

тельного, творческого мышления, невозможно понять действительные причины изменения, развития и смены самих принципов.

Именно практика как постоянное отрицание природного и сознательно данного, как постоянный выход за рамки наличного не совместима с каким-либо догматизмом. Вот почему марксистско-ленинская философия должна исходить из принципов не как извечно данных, застывших в своем развитии, она должна их постоянно развивать на основе обобщения практического опыта, поднимать саму практику на принципиальную высоту, на высоту принципов гуманизации человеческого мира и человека. В этом видится одна из важных и нужных сторон овладения ею.

Глава вторая

ПРИНЦИП ОБЪЕКТИВНОСТИ РАССМОТРЕНИЯ

Если все принципы материалистической диалектики свести к двум основным — к принципу материализма и к принципу диалектики, то принцип объективности будет указывать на связь (преемственность) марксистского диалектического метода с материалистической традицией в философии, на его материалистический характер. Однако старая, домарксовская философия, причем не только идеалистическая, но и материалистическая, не оставила нам последовательно научной постановки и решения проблемы «объективности рассмотрения». Основная причина этого коренилась в неверном понимании человеческой субъективности: старые материалисты игнорировали основную форму человеческой субъективности — чувственную практическую деятельность; идеалисты же мистифицировали ее, так как идеализм не знает материальной практической деятельности как таковой. Лишь с выработкой основоположниками марксизма последовательно материалистического, а значит, последовательно научного понимания человеческой субъективности стало возможным последовательно научное понимание объективности рассмотрения, предметности предмета и материальной

истинности мышления, рассматриваемого как со стороны результата, так и со стороны процесса. При правильном понимании практики можно обнаружить, что объективность рассмотрения фиксирует саму возможность практической деятельности как основы человеческого мира, самого этого мира.

Для того чтобы жить, люди изменяют мир; субъективная человеческая деятельность по изменению мира совершается в соответствии с объективными законами и свойствами самих вещей. Без истинного отражения объективной действительности в своем сознании человек не мог бы подчинять своей воле действие ни природных, ни общественных сил, не была бы возможной собственно человеческая жизнь и общественное развитие.

На определенном этапе своего развития общественное движение приходит к такому пункту, когда дальнейшее развитие общества невозможно без объективного научного познания совокупного социального организма. Поставить весь социальный организм под контроль всеобщего общественного интеллекта, поднять движение и функционирование этого организма со стихийного на сознательный уровень невозможно без познания действующих в истории объективных законов, без знания объективной истины о развитии общественного организма как целого.

Вот почему принцип объективности рассмотрения, который всегда лежал в основе человеческой практической деятельности и сознания, в настоящее время приобретает особенную важность и значение и его разработка становится чрезвычайно актуальной.

Принцип объективности рассмотрения и есть именно тот принцип, который сознательно выражает основную существенную направленность всего человеческого познания — движение к объективной истине, на основе познания которой и может осуществляться свободная деятельность человека в царстве всеобщей природной и социальной детерминации. Как таковой, принцип объективности выражает основную общую существенную цель и назначение материалистической диалектики, организует и подчиняет этой цели все ее формы, категории и принципы, короче: все другие принципы диалектики ориентируются именно и только на определение той основной цели и задачи человеческого познания, которая выражена в требовании объективности

рассмотрения. Рассматриваемые сквозь призму принципа объективности все другие принципы являются требованиями его дальнейшего обогащения, конкретизации и реализации.

Принцип объективности рассмотрения абстрагирован из реального практического процесса отношения людей к природе и обществу, в котором они живут, из материальной практики и исторического практического опыта, в которых бесконечное количество раз повторялось то содержание, которое в материалистической диалектической логике было выражено в форме этого принципа. Само собой разумеется, что теоретики, так называемые производители принципов, брали указанный принцип не непосредственно из практического опыта, а через посредство обыденного сознания, в которое этот принцип проникал и в котором практически утверждался. Во все эпохи человеческой истории, особенно с разделением труда на физический и умственный и отчуждением интеллектуального труда от физического, философы так или иначе, в той или иной форме, непосредственно или опосредованно пытались выразить то требование, т. е. то содержание, которое затем было выражено в марксистском принципе объективности рассмотрения. В обыденное сознание объективность включалась в различных аспектах: как нечто действительное, как непредвзятое (справедливое), как беспристрастное (что связывалось со смелостью высказывания и отстаивания истины). В таком смысле она и выражена в философском принципе объективности рассмотрения.

Однако границы этого принципа в различные исторические эпохи, в различных обществах, у различных классов были различными, варьировали от более узких до более широких, но никогда до возникновения социалистического общества они не были столь широкими, чтобы пробиться за рамки классового кругозора, стать требованием без всяких классовых ограничений, вернее — безо всякой узкоклассовой ограниченности.

Только при определенных условиях, вернее на сравнительно высоком уровне общественного развития, и с позиций определенного класса проблема объективности могла быть поставлена и решена научно как философская. Только с позиций класса, освобождение которого немыслимо без общечеловеческого освобождения, класса, заинтересованного в познании не толь-

жо законов природы, но и законов общественной истории, можно было понять требование объективности во всем его значении и предоставить ему не только в жизни, но и в философии соответствующее место. Таким образом, мы можем смело сказать, что такой принцип диалектической логики, как принцип объективности рассмотрения, был в своем цельном понимании впервые разработан в процессе выработки материалистического понимания истории как принцип определенной исторической практики — практики революционной. Поэтому не будет никакого преувеличения и натяжки, если мы скажем, что принцип объективности рассмотрения в своей целостности и полноте есть революционный принцип, принцип революционной теории. Поэтому он и находит надлежащее место лишь в структуре этой теории, тогда как в каждой иной теории этот принцип или ограничивается, сообразовываясь с интересами реакционных классов и групп, или мистифицируется. До его рационального выражения в качестве неограниченного всеобщего требования не доходит ни одна другая теория, кроме материалистической диалектики. Только в этой теории мы имеем выражение полного слияния требования объективности рассмотрения с партийным подходом к анализу общественных явлений.

Единство объективности и партийности является самой адекватной моделью для исследования самого принципа объективности рассмотрения, для осмысления выраженных в этом принципе требований материализма и диалектики, требования рассмотрения вещей такими, каковы они есть, для беспристрастного подхода к анализу явлений или такого пристрастного подхода, который сливается с требованием объективности, полной объективности, т. е. беспристрастия в отыскании истины, к которой, как говорил Маркс, нужно идти прямо, не оглядываясь ни вправо, ни влево.

В этом смысле принцип объективности содержит в себе не требование пассивного приспособления, совпадения с тем, что есть, независимо от характера и структуры того, что есть, а требование активности, преобразования природного и социального данного (последнего с точки зрения его высших форм). Принцип объективности есть принцип практического преобразования мира, и не случайно поэтому сам этот принцип был сформулирован с позиций отрицания данного,

а не с позиций его сохранения, утверждения, т. е. он сформулирован с позиций возможности иного, заключающейся не только в объективных свойствах предмета, но и в человеческой практике, которая также является видом объективного процесса (объективно рассмотреть капитализм, например, было возможно только с позиций его отрицания, его отрицающей стороны, в перспективе возможности иного, объективно возможного и для человека необходимого).

Требование объективности (в противоположность субъективизму и объективизму) нашло свое классическое выражение в Марксовом определении материалистической диалектики: «В позитивное понимание существующего она (диалектика.— *И. Э.*) включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели»¹.

Объективность рассмотрения (особенно при анализе социальных явлений) не есть «позитивное» понимание существующего в некритически-объективистском смысле этого слова, но представляет собой такое позитивное понимание существующего, которое включает в себя понимание его отрицания, т. е. рассматривает существующее в развитии. Объективность рассмотрения — прямая противоположность буржуазному объективизму, ориентирующемуся лишь на теоретическое созерцание уже данного, причем такими средствами, которые в абсолютном нивелировании качественных различий одинаково применимы как к материальным вещам, так и к человеку как творчески преобразующему существу и никогда не достигают сферы изменения существующего.

Преодоление объективизма принципом объективности ознаменовало собой в историческом плане возникновение нового идеала научности, в структуру которого было включено рациональное содержание принципа объективизма лишь в качестве одного из моментов (чем и были определены границы его и границы оправданности апелляции к нему в немарксистской и ревизионистской литературе). Это, конечно, не значит, что с выработкой марксистского принципа объективности рассмотрения эти апелляции прекратились; они продолжают и по сей день, особенно в оппортунистической литературе, где они зачастую выступают как

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 22.

попытки подменить принцип революционной объективности буржуазным объективизмом, который изображается единственно истинным принципом познания, свободным от всякой партийной и классовой ограниченности, абсолютно беспристрастным принципом. Такие попытки, помимо прочего, исходят из устаревших, немарксистских представлений о критерии «строгой научности», из иллюзий о том, будто объективное рассмотрение имеет место только тогда, когда «рассматривающий» не стоит на какой-либо классовой позиции, не придерживается какой-либо партийности. Но на поверку оказывалось, что эти нейтральные позиции суть типичные позиции определенного класса, что особенно ярко обнаруживается при анализе исторических событий. Известно, что объективизм в науке, прежде всего в науке об обществе, распространялся с позиций буржуазии, тогда как требование полной объективности выражает позицию пролетариата. Указывая на несостоятельность попыток изобразить марксизм как вид объективизма, выражающего позицию консервативных общественных сил и поэтому непреодолимого без отказа от этих позиций во взглядах на общественную историю, В. И. Ленин писал: «Маркс смотрел на эту историю с точки зрения тех, кто ее *творит*... Нашим нынешним квазимарксистам, любящим цитировать Маркса всуе, чтобы брать только оценку прошлого у него, а не умение творить будущее,— совсем непонятна, даже чужда в принципе такая *постановка* вопроса»².

Для того чтобы не только словесно соглашаться с требованием объективности, но и реализовать это требование в своей практической и теоретической деятельности, необходимо, следовательно, стоять на позициях самого революционного класса, с которым исторически связано исчезновение «превратного сознания», устранение классово ограниченного и иллюзорного отражения объективной действительности (в первую очередь общественной объективной действительности) в сознании людей, причем не только в обыденном, но и в научном. Следовательно, объективизм в науке упраздняется вместе с упразднением класса, упраздняющего классы. Дело не в том, что классики марксизма считали классово детерминированным только

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 379.

мышление своих противников, тогда как мышление пролетариата они якобы считали свободным от такой детерминации — заинтересованности; дело в том, что такая детерминация у рабочего класса толкает к объективной истине, ибо его заинтересованность совпадает с требованием объективного познания реализации законов в истории, а его субъективное желание — с объективной необходимостью. Поэтому у этого класса самые большие шансы достигнуть объективного познания. Если взять эту проблему с точки зрения ее исторического становления, то можно прийти к бесспорному выводу о том, что относительно более высокой ступени объективности рассмотрения достигает тот класс, который находится на генеральной линии исторического прогресса, и что, следовательно, в процессе реализации интересов этого класса лучше всего обнаруживается ограниченность и ошибочность сознания, соответствовавшего прежней форме общения и прежним традиционным представлениям «этой формы общения, в которых действительные личные интересы и т. д. ... опускаются до уровня пустых идеализирующих фраз, сознательной иллюзии, умышленного лицемерия»³.

Ленин не понимал и не сводил объективность рассмотрения к описанию необходимости некоторого данного ряда фактов, а связывал этот принцип с классовым сознанием пролетариата, показывая, что объективистское обоснование необходимости существующего ряда фактов всегда переходит в другую крайность — субъективизм, так как объективно существующее берется не как «исторически субъективное», т. е. как исторически обусловленное, а как единственно возможная форма объективной действительности. Это нужно иметь в виду и при решении вопроса о принципе объективности рассмотрения, а именно: неправомерно рассматривать этот принцип в обособленности от марксистско-ленинского понятия науки как выражения единства теории и практики, вернее, истинной теории и истинной практики — того единства, в котором органически соединяется «строгая научность» с революционностью и критичностью. Это единство выражает сущность философии диалектического материализма, которая содержит в себе классовое сознание как програм-

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 283.

мную проекцию исторических задач пролетариата, общечеловеческой эмансипации.

Маркс и Ленин ставили и решали вопрос об объективности рассмотрения не только в абстрактно-гносеологическом, но и в социальном ракурсе, всегда беря во внимание исторический фактор при оценке объективной значимости сознания, оценивая его с точки зрения того, насколько оно содействует общечеловеческой эмансипации — не только теоретической, но и практической, не только в сознании, но и в реальном бытии. В этом смысле объективной истинностью обладает только та мысль, которая является идейным содержанием общественной практики и в наиболее возможной, исторически определенной мере движет общество и этим в конечном счете содействует превращению его в общество свободных людей, которое больше чем какое-либо другое будет «подчиняться» контролю всеобщего интеллекта и развиваться в соответствии с ним. Принцип объективности рассмотрения раскрывает полное значение свое лишь в теории и практике коммунистического преобразования общества, становится важнейшим принципом коммунистического мировоззрения, его первым и основным общим существенным принципом; и неудивительно поэтому, что именно этот принцип подвергается противниками марксизма-ленинизма самым различным извращениям, подменяется софистикой и эклектикой, субъективным методом в социологии. Но метод, исключаящий принцип объективности, не может быть методом отыскивания истины, тем более он не может быть научным методом, ибо, как отмечал Маркс, научный метод может быть только материалистическим. Объективность рассмотрения в своем истинном значении и есть принцип материалистического мышления, природа которого впервые была раскрыта в рамках цельного марксистского мировоззрения. Как до конца последовательные материалисты, марксисты гораздо более полно и глубоко, нежели объективисты, осуществляют требование объективности.

Но для того чтобы понять это, нужно прочно стоять на революционных позициях по отношению к существующему общественному порядку. Объективистское понимание объективности уводит от социализма, тогда как марксистское понимание объективности ведет к социализму. В этом можно убедиться на примере Э. Бернштейна, который особенно активно использовал объек-

тивистско-позитивистское понимание научности для отрицания возможности научно обосновать социализм и доказать с точки зрения материалистического понимания истории его необходимость и неизбежность. Исходя из того, что «по существу познания всегда имеется лишь одна истина», которая строится по образцу так называемой неидеологической чистой науки, Э. Бернштейн делал вывод о том, что говорить о буржуазной или социалистической социальной науке не менее абсурдно, чем о буржуазной физике или социалистической математике. Наука, согласно Бернштейну, свободна от тенденциозности; как познание фактического, она не принадлежит никакой партии, никакому классу. Границей науки является познание фактического, которое берется вне тенденции — вне развития определенной действительности, так как эти «тенденции» выносятся за рамки фактического, вернее — существующего, наличного. Социализм, который содержит программу устройства будущего, не укладывается в «понятие науки» и истины, ибо с этой точки зрения он может быть лишь учением о фактически не существующем: «Фундаментом всякой истинной науки служит опыт, вырабатывающийся совокупным знанием. Социализм же есть учение о будущем общественном строе, почему ему и недоступен наиболее характерный элемент строгой научности»⁴.

Наиболее характерный элемент строгой научности и объективности ревизионисты видят в отрицании возможности выхода за пределы существующего. А это действительно свидетельствует о том, что им недоступно марксистское понимание объективности. Ведь наука рассматривается ими в лучшем случае как вспомогательное средство для проведения мелких постепенных реформ с целью улучшения того, что в основе является необходимым и неизменным. С подобными отрицаниями критического и революционного характера науки путем ограничения ее компетенции мы встречаемся и по сей день, особенно в сочинениях буржуазных и ревизионистских фальсификаторов марксизма.

Но, чтобы не создалось впечатления, будто основное различие между объективистско-позитивистским и марксистским пониманием науки состоит в том, что пер-

⁴ Бернштейн Э. Возможен ли научный социализм. Одесса, 1907. С. 26.

вое требует строгого выполнения основного условия познания, именно — что нам прежде всего дано то, что мы познаем (или что мы познаем лишь то, что каким-то образом существует), нужно обратить внимание на то, что критикуемое нами понимание науки в отличие от марксистского никогда не выполняет этого условия. Если иметь в виду, что действительность является нам не только как данность, но и как возможность и что это не только способ, каким она является, но и отражение ее действительной структуры, нетрудно понять, что подход к действительности с позиций объективистско-позитивистского понятия научности противоречит сущности познания, так как берет действительность только в аспекте данности, т. е. как нечто окончательно данное, что невозможно дальше преобразовывать. В сознании идеологов данности возможность иного, отличного от того, что было и что есть, выступает не как «структурный элемент» существующей действительности, а как «логически неаргументированное» «желание», как произвольное субъективистское конструирование будущего, не имеющего своего основания в настоящем и существующем, т. е. научно-теоретически объясненном. Отсюда — попытка доказать, будто марксизм на манер старых утопических теорий противопоставляет данности существующего некоторую свою воображаемую данность.

Но марксизм вообще не нуждается в таком противопоставлении: он видит свою задачу в том, чтобы «посредством критики старого мира найти новый мир»⁵, чтобы из «существующей действительности развить истинную действительность»⁶. Следовательно, марксизм исходит из данности существующего классового общества и открывает отрицание существующего в самом существующем; он видит свою задачу не в регистрации данности, а в открытии возможностей, которые объективная данность скрывает в себе. При таком понимании вопрос о будущем устройстве общества есть вопрос о переходе существующего общества в свою противоположность. Именно вопрос о возможности отражения закономерностей этого перехода и выносится объективистско-позитивистским пониманием науки за скобки «строгой научности», ибо задачу науки оно в лучшем

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 379.

⁶ Там же. С. 380.

случае видит лишь в обосновании необходимости существующего, а не в познании законов его возникновения, изменения и исчезновения. «Объективист, доказывая необходимость данного ряда фактов, всегда рискует сбиться на точку зрения апологета этих фактов»⁷; материалист же никогда «не ограничивается указанием на необходимость процесса...»⁸. «Таким образом, материалист... последовательнее объективиста и глубже, полнее проводит свой объективизм»⁹, ибо «материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы»¹⁰.

Хотя объективист прямо и открыто никогда не становится на позицию своего класса при оценке событий, в основе его рассуждений также лежит определенная классовая позиция — позиция буржуазии, препятствующая достижению последовательной, глубокой и полной объективности и беспристрастности в отыскании истины о явлениях общественной жизни, законах смены низшей общественной формации более высокой. Переход от классовых позиций, лежащих в основе объективистско-позитивистского характера сущности научного познания, на позиции пролетариата, детерминирующие последовательную и законченную объективность мышления, позволяет раскрыть действительную сущность науки, ее истинно критический и творчески-преобразующий характер. Эту критически-преобразующую роль науки классики марксизма никогда не противопоставляли ее познавательной функции, ибо наука без этой функции превращается либо в вульгарную апологетику, либо в лучшем случае в утопическо-романтическое фантазирование. Образцом единства этих двух аспектов науки — критически-преобразующего и познавательного — является материалистическая диалектика, которой это единство сообщает высшую объективность. Безоглядный и беспристрастный поиск истины, таким образом, нельзя считать только делом личной честности ученого: это прежде всего существенная имманентная особенность науки как формы человеческой деятельности.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 418.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 419.

Включение в рассмотрение предмета соответствующей социальной позиции нисколько не противоречит требованию объективности — познать то, что есть, таким, каково оно есть. Именно с этих позиций Ленин выдвинул основное требование диалектической логики: «... *о б ъ е к т и в н о с т ь* рассмотрения (не примеры, не отступления, а вещь сама в себе)»¹¹. Трудность, однако, состоит в том, как понять нечто таким, каково оно есть, как доказать, что познаваемое действительно есть, как воспроизвести в мышлении «вещь саму по себе»?

Истории философии известны три принципиально различных решения рассматриваемого нами вопроса: материалистическое, идеалистическое и дуалистическое (нельзя, конечно, здесь не учитывать и некоторых различий внутри каждого из этих общих направлений). Большинство представителей домарксовских гносеологических школ исходило из двух основных позиций: созерцательно-материалистической, которая постулирует объект «сам по себе» и все свое внимание сосредоточивает на выяснении того, каким образом субъект может прийти к объективному знанию об объекте, и идеалистической, которая исходит из субъекта как несомненно данного и интересуется только способами и формами конструирования самого объекта. Что же касается дуалистов, то они, как правило, приходят к отрицанию возможности объективного познания, ибо, по определению, исключают всякую возможность соотношения материальной и духовной субстанций.

Для перечисленных нами гносеологических концепций характерно то, что каждая из них исходит из той или иной абстракции (абстракции чистого «объекта» или чистого «субъекта», чистого Я и т. п.), слишком пустой по содержанию, чтобы на основании ее можно было последовательно решить вопрос об объективности рассмотрения вместо того, чтобы в качестве исходного пункта брать не абстрактный объект или абстрактный субъект, а общественную практическую деятельность исторически данных людей. Только с этой точки зрения можно раскрыть подлинную сущность принципа объективности рассмотрения и место этого принципа среди других принципов диалектической материалистической логики. Отличительной чертой этого нового

¹¹ Там же. Т. 29. С. 202.

понимания объективности рассмотрения является не то, что в нем в отличие от других пониманий характера познания указывается на тот факт, что мышление имеет свой предмет. Для марксистского понимания объективности характерно новое понимание предметности предмета, т. е. характера самого предмета, как и ответ на вопрос о том, как мышление вообще может иметь свой предмет, какая форма деятельности преподносит реальный объект мышлению в качестве его предмета.

Материалистическая диалектика в своем понимании принципа объективности отправляется, следовательно, от совершенно иного (по сравнению с предшествующей философией) понимания предметности и субъекта деятельности (и познания), что позволяет ей дать последовательно материалистическое решение проблемы. Объективность рассмотрения с такой точки зрения имеет место лишь тогда, когда «истина в себе» становится «истиной для нас» в смысле практики: «Теоретическое познание должно дать объект в его необходимости, в его всесторонних отношениях, в его противоречивом движении *an und für sich*. Но человеческое понятие эту объективную истину познания „окончательно“ ухватывает, уловляет, овладевает ею лишь когда понятие становится „для себя бытием“ в смысле практики. Т. е. практика человека и человечества есть проверка, критерий объективности познания»¹².

Ленин здесь говорит о «теоретическом познании» не для того, чтобы по этой линии провести различие между так называемыми теоретическими и нетеоретическими науками, а чтобы подчеркнуть различие между марксистским материалистическим пониманием объективности рассмотрения и тем пониманием, которое встречается уже в здраворассудочном мышлении и согласно которому объективность познания состоит лишь в том, что можно заметить на поверхности явлений, и не требует проникновения в некоторые более глубокие, более фундаментальные, более устойчивые и более общие структуры действительности.

Анализ принципа объективности рассмотрения, исходя из опосредования познания материальной действительности практикой, нельзя рассматривать, как это делают современные антропоцентрические противники теории отражения, как отрицание возможности

¹² Там же. С. 193.

познания вещей, каковы они сами по себе, независимо от человеческой практики, от исследователя и его субъективных позиций. Если позиция объективной истины не исключает позиции практики, то, следовательно, позиция практики должна быть понята таким образом, чтобы не исключать истинного отражения. Глубокое положение о том, что человек не может познавать мир независимо от практики, современные противники теории отражения превратили в абсурдное утверждение, что человек не может познавать мир, независимый от практики. А между тем объективность рассмотрения является принципом действительной активности только тогда, когда человек на основе практики познает то, что независимо от практики.

Своим утверждением, что принцип объективности рассмотрения в своей высшей форме не может быть выражением пассивно-созерцательного отношения к миру, классики марксизма лишь преодолевали ограниченность созерцательной философской позиции (прежде всего предшествующего материализма) и, следовательно, углубляли материализм в понимании объективности, т. е. углубляли материалистическое понимание объективности и указывали на единственно возможные пути ее постижения. Этот подход не помешал К. Марксу называть объективным такое рассмотрение (исследование), которое относится ко всякой вещи так, как того требует сущность самой вещи. Оно должно выделить самый предмет, говорить языком предмета, выражать своеобразие его сущности, изменяться вместе с изменением самого предмета. Иными словами, характер самого предмета должен детерминировать способ исследования его. Таким образом, марксизм при анализе объективности рассмотрения исходит, как и всякий материализм, из материалистического понимания предметности. Предметом рассмотрения для него никогда не является какое-либо чисто субъективное и чисто идеальное образование, а выступает объективная — природная, общественная и психическая — действительность. Принцип объективности рассмотрения есть, следовательно, принцип материального мышления, который поэтому впервые в диалектическом материализме, как материализме цельном и последовательном, приобретает свое полное и истинное значение. Истолковывать все явления как материальные (нет ничего в мире, кроме движущейся материи) и объяснить их

материальными (в более широком смысле) условиями и причинами — таков принцип материализма, дополняющий принцип объективности рассмотрения и отгораживающий диалектико-материалистическое понимание этого принципа от того понимания, которое встречается в различных формах так называемого «реализма», в различных философских концепциях, отрывающих требование объективности рассмотрения от материализма.

Глава третья

ИСТОРИЗМ

КАК ПРИНЦИП ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МЕТОДА

Принцип историзма есть методологическая проекция диалектико-материалистической идеи развития на область научного познания. Суть этого принципа выражена В. И. Лениным в «Философских тетрадах», где он отводит ему важнейшее место среди основных элементов диалектики: в процессе научного познания должно воспроизводиться «*р а з в и т и е* этой вещи (respective явления), ее собственное движение, ее собственная жизнь»¹. Более конкретная формулировка этого принципа дана В. И. Лениным в лекции «О государстве» в связи с обсуждением значения диалектического метода для социального познания. Самое важное для научного познания социальных явлений «это — не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»².

Среди методологических принципов, эксплицирующих идею развития и составляющих основу диалектической логики, историзму принадлежит существенное место. Этот принцип не просто ориентирует на познание явлений в процессе их развития, их генезиса из предшествующих форм и путей преобразования в иные

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 202.

² Там же. Т. 39. С. 67.

формы, но и способствует достижению единства науки, раскрывая генезис как естественнонаучного, так и социально-гуманитарного знания из единой основы — человеческой практической деятельности. Идею единства науки К. Маркс непосредственно связывал с диалектико-материалистическим монизмом, подчеркивающим единство эволюционного процесса, охватывающего и природу, и человеческую историю.

Таким образом, историзм как методологический принцип не ограничивается познанием социальных явлений, если общество берется в изолированности от природы, но является универсальным принципом диалектической логики. При этом, однако, важно отметить, что традиция разработки принципа историзма на основе познания социальной реальности имеет под собой действительные основания.

В процессе практической деятельности человека (его производства) природа становится «человеческой» природой, вовлекается в человеческую историю через ее фундамент — практическое отношение людей к природе. В фундаменте человеческой истории, в сфере взаимодействия человека и природы и обнаруживается действие законов, единых для общества и природы — всеобщих законов диалектики. Вот почему все принципы диалектики, не говоря уже о принципе историзма, необходимо рассматривать в контексте материалистического понимания истории, в которой осуществляется единство человека и природы, а стало быть, единство естественных и исторических наук. Только в этом случае можно понять, почему общество должно быть (и было) отправным при формировании принципа историзма, а также при его применении в изучении природных явлений.

В общем виде под историзмом как принципом диалектической логики понимается способ теоретического исследования конкретных систем под углом зрения их происхождения и тенденций развития в более широком временном контексте, в контексте исторического времени.

Поскольку историзм как принцип познания непосредственно связан с идеей развития, то его понимание существенно зависит от характера той концепции развития, на основе которой он разрабатывается. Это важно отметить в связи с тем, что современной немарксистской философской мысли свойственно неприятие диа-

лектического понимания развития при объяснении природных и социальных явлений и вместе с тем признание их исторического характера. Но в отрыве от диалектической концепции развития историзм неизбежно вырождается в субъективизм и релятивизм, в чем нетрудно убедиться хотя бы на примере современных методологических концепций «исторической» школы в западной «философии науки». Ленин еще в начале XX в. отмечал, что проникновение идеи развития в массовое сознание не означает еще ее научного понимания, и противопоставлял диалектическую концепцию развития метафизической. То же можно сказать и о принципе историзма, как он разрабатывается и применяется в современной интеллектуальной ситуации. Историзм как определенную установку на познание явлений признают все, но его интерпретация основывается на противоположных концепциях развития и служит источником противоположных философских и мировоззренческих, а также методологических выводов относительно этого принципа.

В методологической позиции, вырабатываемой на основе антидиалектической концепции развития, историзм непременно вырождается в абстрактный историзм, не способный отразить в понятиях диалектически противоречивую сущность эволюционных процессов, данную в контексте их собственного времени, в их конкретно-исторических формах. Это влечет применение неадекватных развивающимся объектам методов познания, порождает антиисторические позиции вроде презентизма, антикваризма, фактографии и т. п.

Научный историзм может разрабатываться и плодотворно применяться лишь на основе марксистской философии, т. е. на основе диалектического материализма, который не может не быть историческим. Этот принцип неразрывно связан с материалистическим пониманием общественного развития, он стал продуктивной познавательной установкой лишь с введением в теорию познания категории практики. Именно благодаря единству диалектического и исторического материализма научный историзм разрешает конфликт историчности и объективности познания, который оказался непреодолимым для «исторического» направления в «философии науки».

Исторический материализм опирается, в свою очередь, на материалистическую диалектику. Отказ от

метафизического понимания человеческой природы как неизменной и поиск причин ее изменения привели основоположников марксизма к созданию материалистической теории общества. На этом пути был преодолен и идеалистический историзм немецкой классической философии. Будучи продуктом и моментом целостного историко-материалистического мировоззрения, принцип историзма выступает как требование единства гносеологического и социологического подхода при исследовании социальных явлений.

Историзм способствует формированию критической позиции как противоположного догматизму и апологетике способа отношения к действительности. Критическое отношение к происходящему — это понимание истоков его происхождения, а также его внутренних противоречий и путей их разрешения, в ходе которого рождается будущее. У Маркса теоретическое рассмотрение капиталистической системы является одновременно и ее критикой благодаря включению исторического исследования генезиса капитализма и выявлению его имманентных противоречий, показывающих пути формирования новой общественно-экономической формации. Прошлое, настоящее и будущее составляют неразрывное целое в теоретической системе Маркса. Благодаря этому исторический подход к существующему в соединении с анализом его внутренних противоречий и путей их разрешения является одновременно и критическим отношением к нему.

Выступая против буржуазных и ревизионистских искажений марксизма, Ленин подчеркивал, что «Маркс всю цену своей теории полагал в том, что она „по самому существу своему — теория критическая и революционная“»³. Этим марксистский историзм отличается не только от буржуазной апологетики, но и от псевдореволюционного романтизма, сочетающего критическую оценку настоящего с некритическим изображением прошлого, отчего такой критицизм вырождается в бесплодный негативизм.

Исторический подход является последовательно научным и критичным лишь при условии соединения материализма и диалектики. Этот момент особенно подчеркивал Ленин, говоря о критичности и революционности теории Маркса: «Заметьте, что Маркс говорит

³ Там же. Т. 1. С. 340.

здесь о материалистической критике, которую только и считает научной, т. е. критике, сопоставляющей политико-юридические, социальные, бытовые и др. факты с экономикой, с системой производственных отношений, с интересами тех классов, которые неизбежно складываются на почве всех антагонистических общественных отношений»⁴.

Диалектико-материалистический историзм является наиболее последовательной формой научной критики, так как критику сознания доводит до критики той общественной действительности, которую оно отражает. В этом его существенное отличие от критицизма немарксистской философии, видящей в критике исключительно интеллектуальную процедуру, в лучшем случае способ развития знания, но не способ преобразования действительности. В этом сказывается идеалистический характер буржуазного критицизма. Кроме того, такой критицизм носит явно метафизический характер, поскольку видит в критике лишь негативную процедуру, не усматривая в ней необходимого условия развития и его существенного момента. При диалектическом понимании критики как формы связи прошлого с настоящим и настоящего с будущим критицизм входит в понятие историзма.

Последовательное применение принципа историзма предполагает критику в качестве своего необходимого условия. Это ясно показал Маркс, раскрывая апологетический характер буржуазных экономических теорий, рассматривающих современное им общество не исторически, а натуралистически, т. е. как общество, единственно соответствующее человеческой природе. Некритический взгляд на современность повлек и искаженное представление всех предшествующих форм как неразвитых зародышей капиталистического общества. Подчеркивая связь некритичности и антиисторизма, Маркс писал: «Так называемое историческое развитие покоится вообще на том, что последняя по времени форма рассматривает предыдущие формы как ступени к самой себе и всегда понимает их односторонне, ибо лишь весьма редко, и только при совершенно определенных условиях она бывает способна к самокритике... Так и буржуазная политическая экономия лишь тогда подошла к пониманию феодальной, антич-

⁴ Там же. Примеч.

ной, восточной экономики, когда началась самокритика буржуазного общества»⁵. Таким образом, лишь критически понятое настоящее может служить отправным пунктом изучения и оценки прошлого.

Но с какой позиции осуществляется научная критика? Нужно сказать, что научная критика может быть диалектико-материалистической, и она как таковая осуществляется с позиций отрицания природного и социального данного, т. е. того нового, что приходит на смену наличному как его противоположность. Ленин указывал на необходимость такого подхода, когда писал, что марксизм поставил вопросы развития общества на «историческую почву, не в смысле одного только объяснения прошлого, но и в смысле безбоязненного предвидения будущего и смелой практической деятельности, направленной к его осуществлению»⁶.

Будущее при этом мыслится не как некоторая воображаемая данность, которая противопоставляется существующему, как это имеет место у утопистов, а как действительное снятие настоящего путем развертывания его существенных противоречий. Как писал русский революционный демократ В. Г. Белинский, «настоящее есть результат прошедшего и указание на будущее»⁷. Образ будущего всегда играет важнейшую роль в истории как целеполагающей деятельности, поэтому вопрос о научном прогнозировании и теоретическом обосновании целей и идеалов исторического развития имеет важное идеологическое значение.

Историческое и критическое понимание настоящего служит надежной основой научного взгляда на будущее, который в корне отличается от «пророческого историзма», если воспользоваться выражением Д. Пассмора⁸, или от «пророчества», с которым К. Поппер отождествляет Марксов историзм с целью дискредитации последнего.

Еще в период формирования научного мировоззрения Маркс подчеркивал, что «преимущество нового направления как раз в том и заключается, что мы не стремимся догматически предвосхитить будущее, а же-

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46, ч. I. С. 42—43.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 75.

⁷ Белинский В. Г. Собр. соч.: В 3 т. М., 1948. Т. 3. С. 641.

⁸ Критику взглядов Д. Пассмора по этому вопросу см.: Шенгулин А. П. Диалектический метод познания. М., 1983. С. 186—189.

жаем только посредством критики старого мира найти новый мир»⁹. Таким образом, для последовательного осуществления принципа историзма объяснение настоящего должно быть дополнено прогностическим, т. е. должно быть рассмотрено с позиций тех тенденций его развития, которые указывают на необходимость перехода его в свою противоположность, с позиций его диалектического отрицания. Без включения принципа отрицательности в анализ настоящего историзм вырождается в генетизм, когда объяснение настоящего подменяется его генетическим оправданием.

Концепция развития, утверждающая единство прошлого и будущего в настоящем, в его реальных процессах служит надежным основанием для научного историзма, с позиций которого преодолеваются крайности противоположных подходов к познанию истории, называемых презентизмом и антикваризмом. Коротко говоря, презентизм есть изображение и оценка прошлого без учета его исторической уникальности, специфики разных этапов эволюции исследуемого предмета.

Антикваризм — внешне противоположный презентизму подход, требующий восстановления событий прошлого в их самобытной уникальности, полного абстрагирования от современности под предлогом борьбы против так называемых «модернистских привнесений». Ценность такого воспроизведения прошлого весьма сомнительна, а его неосуществимость вполне очевидна. Ибо невозможно при изучении прежних исторических форм совершенно отвлечься от современных методов исследования и рассуждения, мировоззренческих, идеологических установок.

Антикваризм делает, таким образом, упор на уникальность, неповторимость каждого исторического периода, события. Однако ни презентизм, ни антикваризм не принимают во внимание при историческом рассмотрении явлений действительного «ключа» такого рассмотрения — зависимости исторического от теоретического в рамках их диалектического единства, не говоря уже о том, что и то и другое направление весьма далеки от действительно истинного, т. е. диалектического, понимания связи прошлого и настоящего и не идут в понимании настоящего дальше его толкования как чего-то такого, что имело место до настоящего, под

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 379.

которым имеется в виду, по сути дела, позиция субъекта рассмотрения, его время. В той мере, в какой прошлое живет в современном, последнее служит ключом к его познанию.

Диалектический метод, различающий исторические формы на основе их субстанционального единства, является монистическим подходом, позволяющим преодолеть антиномии презентизма и антикваризма как односторонних методологических позиций в историческом познании. Научный историзм позволяет понять как современность истории, всегда так или иначе присутствующей в настоящем, так и историчность современности, представляющей закономерный продукт предшествующих этапов развития.

Таким образом, историзм требует диалектического единства двух установок: выделения уникальности каждого исторического явления и его включения как необходимого звена в общий процесс развития. Осуществить эту задачу можно на основе принципов историзма и системности. Своеобразие явления, события определяется характером системы, элементом которой оно является. Следовательно, для правильного понимания исторических явлений нужно выделить различные уровни в истории как целостной иерархической развивающейся системе и включить рассматриваемое историческое явление в соответствующую ему систему, применяя наиболее соответствующие познанию этой системы понятия, способы описания и объяснения. Синтез принципов историзма и системности помогает преодолеть противопоставление методов объяснения и понимания в историческом познании, характерное для немарксистских концепций методологии истории.

Диалектико-материалистический принцип историзма требует не только включения объекта в соответствующую систему, но и рассмотрения каждой системы и принадлежащих ей элементов как моментов развития целого. Принцип системности необходимо брать в единстве с принципом развития, ибо в противном случае историзм вырождается либо в односторонний функционализм, акцентирующий внимание на внутрисистемных связях, но игнорирующий принцип развития, либо в генетизм, упускающий из виду принцип системности и ведущий в конечном счете к историческому релятивизму. В более общем плане историзм без системности превращается в презентизм или теологизм, а систем-

ность без историзма — в структурализм как метафизическую противоположность эволюционизму. В обоих случаях не удастся отразить процесс развития. В первом случае он вырождается в линейную последовательность единичных событий или состояний, когда исторические факты противопоставляются историческим законам, во втором — выступает как статичное функционирование взаимосвязанных элементов, система которых не претерпевает качественных изменений, и данное состояние системы превращается в абстрактную схему для объяснения реальных исторических процессов. Задача же принципа историзма как раз и состоит в том, чтобы не только раскрыть уникальность данного явления, но и показать истоки его возникновения и тенденции развития, т. е. включить в историческую закономерность.

На более глубоком уровне единство системности и историзма проявляется в том, что сам изучаемый процесс должен быть представлен как развивающееся целое, как эволюционирующая система, как внутренне организованное движение. Выделение саморазвивающейся системы в качестве основы объяснения эволюции всех ее элементов — одна из наиболее трудных познавательных задач. В социальном познании пути ее решения были открыты с выяснением роли общественного материального производства в развитии человечества и с введением категории общественно-экономической формации, что позволило представить исторический процесс как динамическую структуру.

Взаимосвязь принципов системности и историзма находит свое отражение в марксистском положении о единстве исторического и логического в научном познании. Единство исторического и логического — отличительная черта диалектико-материалистического историзма, противостоящего историзму буржуазному, для которого логика и история представляют такие несовпадающие области, для которых принципиально невозможен их органический синтез. Противопоставление логического и исторического является следствием понимания логики как абстрактной нормативной системы, а истории — как фактографического описания событий, лишенного внутренних связей и закономерностей.

Единство логического и исторического проявляется в нескольких отношениях. Во-первых, как единство

теоретического и эмпирического в историческом исследовании. В этом отношении научный историзм противостоит как фактографическому пониманию задач исторического исследования, так и представлению теории в виде умозрительной априорной логической схемы. Это направлено как против абстрактного эмпиризма, который за исторический процесс принимает хронологическое следование событий друг за другом и в хронологически предшествующем видит исторически предшествующее, так и против идеалистического априоризма, который стремится подчинить реальную историю вымышленной логической схеме, подход, названный Марксом мистифицированным представлением об историческом процессе¹⁰. Единство логического и исторического выражает историчность теории и теоретичность истории. Нельзя познать историю объекта, не определив его границ, не выделив его качественной специфики. Для этого необходимо теоретическое познание его сущности. Выделение же сущности объекта является одновременно и первым шагом в познании истории. В единстве теоретического и исторического и в их соотношении и взаимозависимости внутри этого единства фиксируется, во-первых, возможность диалектического познания в процессе движения мысли «в противоположность действительному развитию» освещать прошлое, отталкиваясь от современных форм жизни, и, во-вторых, возможность познания как критики существующих отношений формировать представление о будущем человеческого мира.

Во-вторых, единство теоретического и исторического является дальнейшей модификацией рассмотренного выше единства принципов историзма и системности. В данном случае взаимосвязь этих принципов служит основой для решения вопроса о порядке расположения категорий при теоретическом воспроизведении сущности развивающегося объекта. Поскольку развитие есть движение от низшего к высшему, от простого к сложному, то очевидно, что возникающая новая система подчиняет предшествующие моменты своего развития, игравшие роль предпосылок, и превращает их в продукты своего собственного движения. При этом главенствующие на определенных этапах отношения приобретают в новой системе вторичный, производный харак-

¹⁰ См.: Там же. Т. 46, ч. I. С. 45.

тер и могут быть правильно поняты лишь на основе выделения новых системообразующих факторов, системного качества. Поэтому логическое воспроизведение объекта на высшей стадии его развития должно располагать категории в порядке, соответствующем их реальному положению в этой системе.

Принцип историзма является элементом системы диалектической логики, если она не понимается в духе прежних представлений о логике, и может плодотворно действовать в научном познании лишь в единстве с другими диалектическими принципами, но все же можно попытаться выделить непосредственно вытекающие из принципа историзма требования для исследования развивающихся систем.

1. Изучение истории объекта требует выработки предварительного представления о нем, знания сущности «первого порядка». Лишь на основе такого предварительного знания можно приступить к изучению его истории, определить его генетическое начало и основные линии развития. Исследование же генезиса позволяет, в свою очередь, углубить познание его природы, перейти к сущности «второго порядка». Эти процессы постоянно дополняют и стимулируют друг друга.

2. Исторический подход требует как выделения уникальности, своеобразия каждого исследуемого явления, так и включения его в общий закономерный процесс развития в качестве его необходимого звена, обнаружения необходимых генетических и системных связей.

3. Развивающаяся система должна исследоваться в единстве временных характеристик — прошлого, настоящего и будущего. При этом настоящее играет роль отправного пункта в исследовании прошлого. Само настоящее должно пониматься при этом не как конечный этап, а как момент в историческом движении от прошлого к будущему. В настоящем необходимо раскрывать тенденции его будущего развития, а для этого требуется анализ его внутренних существенных противоречий и способов их разрешения.

4. Принцип историзма требует избегать презентизма при познании прошлого, не терять из виду качественного своеобразия предшествующих этапов развития. Этому способствует единство генетического и системного методов, составляющее важнейшее условие научного принципа историзма.

Глава четвертая

ПРИНЦИП ЕДИНСТВА ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ

Основные требования принципа единства противоположностей являются выводом из осмысления объективных противоречий как всеобщей формы бытия природы и общества, а также всеобщей формы познания, выражением гносеологической функции всеобщего диалектического закона о единстве и борьбе противоположностей в качестве формы мышления и нормы познания. Из самой формулировки этого всеобщего закона диалектики как бы наглядно вытекают в первую очередь два требования постигающему мышлению, две познавательные установки, а именно: при объяснении того или иного развивающегося явления необходимо его расчленять на его внутренние противоположности («раздвоение единого»), чья борьба составляет его движущую силу, а во-вторых — не забывать единства этих противоположностей и уметь объединять противоположности в единство. Это стремление диалектического метода понять все предметы как единство и борьбу противоположностей и в этой борьбе противоположных тенденций искать движущую силу развития классики марксизма-ленинизма считали самой существенной особенностью его. В. И. Ленин в этом смысле в «Философских тетрадах» писал: «Раздвоение единого и познание противоречивых частей его есть суть... диалектики» как метода познания. Формулируя это требование, Ленин прекрасно понимал, что оно было бы односторонним и недиалектическим, если бы бралось в обособленности от требования объединения противоположностей. Поэтому он тут же обращал внимание на эту сторону, на требование рассматривать все вещи как единство (тождество) противоположностей, или, как сказал бы Маркс, «единство многообразного». У Ленина сказано: «Тождество противоположностей... есть признание (открытие) противоречивых, *взаимоисключающих*, противоположных тенденций во *всех* явлениях и процессах природы (и духа и общества *в том числе*). Условие познания всех процессов мира в их „самодвижении“, в их спонтанейном развитии,

в их живой жизни, есть познание их как единства противоположностей»¹.

Нужно сразу обратить внимание на то, что в философской литературе, даже в современной, интерпретация важнейшего положения Ленина о «раздвоении единого и познании противоречивых частей его» не всегда является адекватной. Как правило, его трактуют в том смысле, что части, на которые раздваивается единство, находятся между собой в отношении противоречия, и на этом останавливаются. Мысль Ленина, на наш взгляд, значительно глубже. То, что в рамках единой целостности выделяются противоположности, безусловно правильно, но в сущности это лишь первый шаг. Ленин пишет не о противоречащих, а о противоречивых частях, т. е. не об их взаимоотношениях, а об их внутренней сущности. Таким образом, Ленин указывает на непрерывный диалектический процесс раздвоения вновь и вновь образующихся целостностей, каждая из которых без какого-либо изъятия является внутренне противоречивой. Следовательно, противоречие, по мысли Ленина, есть форма существования и развития всех материальных вещей, закон развития объективного мира и познания его. Первейшим и существенным требованием рассматриваемого принципа является обнаружение диалектических противоречий, являющихся источником и движущей силой развития предмета на любом этапе его эволюции и на любом уровне проникновения в его сущность. Сначала осуществляется изучение противоположностей, составляющих противоречие, а затем рассматривается их взаимодействие, охватываются противоположности «в их единстве»² и выводятся таким образом присущие объекту характеристики³.

В этой связи нужно обратить внимание на необходимость выделения из многочисленных противоречий изучаемого явления основных противоречий, одно из которых на каждом этапе эволюции объекта становится главным. (При этом следует учитывать те конкретные исторические условия, в которых находится объект.) Раз одно и то же противоречие на различных этапах

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 317.

² См.: Там же. С. 90.

³ Шептулин А. П. Диалектический метод познания. М., 1983. С. 204.

развития объекта может изменять свою роль и свое значение, то познающий субъект должен знать не только, какие противоположности составляют то или иное противоречие и не только тип единства, к которому они относятся, но и доводить само это единство до перехода в свое другое, в свою противоположность. В этой связи Ленин отмечал, что нужно постигать не только единство противоположностей, но и переходы в свою противоположность. Необходимой составляющей этого требования является уяснение того, при каких условиях возрастает или уменьшается роль того или иного противоречия в жизни объекта с точки зрения изменения взаимоотношений составляющих его противоположностей, а также «при каких условиях они бывают тождественны, превращаясь друг в друга»⁴.

Каждое противоречие в своем развитии проходит несколько этапов. Ленин указывает три основных: «Тождество — различие (в частности противоположность) — противоречие»⁵ и замечает, что «обычное представление схватывает различие и противоречие, но не переход от одного к другому, а *э т о с а м о е в а ж н о е*»⁶. В процессе изучения предмета нужно уяснить, на каком этапе своего развития находится то или иное противоречие, а также установить границы каждого этапа и условия перехода противоречия с одного этапа на другой.

Следующим, тесно связанным с только что сформулированным требованием рассматриваемого принципа является необходимость постоянного учета того, что «единство (совпадение, тождество, равнодействие) противоположностей условно, временно, преходяще, релятивно. Борьба взаимоисключающих противоположностей абсолютна, как абсолютно развитие, движение»⁷.

Понимание противоположностей как взаимообуславливающих и взаимонеобходимых должно включать в себя фиксацию доминирующей в данный момент времени противоположности, а также осознание тех условий, при которых роль доминанты может перейти к другой противоположности.

При анализе противоречий объекта всегда следует принимать во внимание наличие в нем не только проти-

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 98.

⁵ Там же. С. 120.

⁶ Там же. С. 128.

⁷ Там же. С. 317.

воположно-взаимосвязанных, но и находящихся в отношении гармонии сторон. При этом следует учитывать как конкретный характер гармонии, так и ее постепенное видоизменение, происходящее вследствие развития имманентных объекту противоречий.

Помимо внутренних, а именно с ними связаны уже сформулированные требования, каждый объект характеризуется наличием у него многочисленных внешних противоречий, т. е. противоречий между ним и другими относительно самостоятельными объектами. Постигающее мышление должно учитывать влияние внешних противоречий на объект и на имманентные ему внутренние противоречия, но ни в коем случае не путать противоречия двух этих классов применительно к исследуемому объекту. В то же время нельзя не принимать во внимание взаимосвязь, взаимозависимость и взаимопереходы внутренних и внешних противоречий.

Рост и развитие как внешних, так и в первую очередь внутренних противоречий некоторого объекта должны с необходимостью учитываться как основной фактор, детерминирующий его в качестве преходящего, а не вечного, т. е. в качестве фактора, не позволяющего никакому предмету застыть и превратиться в нечто окостенелое, став препятствием на пути зарождения нового. На это указывал Маркс, когда писал, что «развитие противоречий известной исторической формы производства есть единственный исторический путь ее разложения и образования новой»⁸. Поэтому и «ум человека не должен брать... противоположности за мертвые, застывшие, а за живые, условные, подвижные, превращающиеся одна в другую»⁹.

И независимо от того, на какой стадии собственного развития находится противоречие в данный момент, понятийное, словесное выражение его должно быть предельно рельефным, четким, как бы устремленным к его наиболее развитой форме. «Мыслящий разум (ум) заостряет притупившееся различие различного, простое разнообразие представлений, до *существенного* различия, до *противоположности*. Лишь поднятые на вершину противоречия, разнообразия становятся подвижными... и живыми по отношению одного к другому,— приобретают ту негативность, которая является

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 499.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 98.

внутренней пульсацией самодвижения и жизни»¹⁰.

Коль скоро метод познания в целом и все его принципы, в том числе и принцип противоречия, выполняют регулятивную функцию, т. е. ориентируют субъекта в процессе познания и преобразования объекта, то необходимо сформулировать требования, обеспечивающие рассмотрение проблемы сквозь призму субъектно-объектных отношений, путем помещения ее в общий контекст соотношения действительности и познания.

Из признания специфики процесса познания можно сделать вывод о существовании двух больших классов противоречий, а именно присущих бытию как таковому и имманентных процессу познания. Далее, среди противоречий действительности следует выделить такие, которые влекут за собой противоречия познания, и такие, которым это не присуще, а среди противоречий познания, в свою очередь, такие, которые вызваны противоречиями действительности, и такие, которые специфичны для процесса познания. Во всяком случае, нужно различать противоречия этих четырех классов. Принципиально важно предвидеть, какие противоречия объекта повлекут за собой антиномичные ситуации в процессе познания, а какие нет, дабы плодотворно разрешать возникающие парадоксы. Также необходимо выделять противоречия познания конкретного объекта, которые являются модификациями противоречий процесса познания в целом, обнаруживая среди них те противоречия, которые способствуют его развитию, и те противоречия, которые этому на определенном этапе препятствуют, условия, при которых роль того или иного противоречия может быть прогрессивной либо регрессивной, и способы функциональной переориентации и элиминации последних. Разумеется, никакая классификация, в том числе и предложенная, не должна возводиться в абсолют.

Хотелось бы обратить особое внимание на следующее весьма симптоматичное обстоятельство: противоречия процесса познания, детерминированные противоречиями объективной реальности, характерны для функционирования и развития совокупного познающего субъекта, а не для индивидуального мышления и сознания, т. е. если противоречия такого рода рассмот-

¹⁰ Там же. С. 128.

реть в системе, элементами которой будут отдельные люди и группы людей, состоящие из тех, кого принято называть единомышленниками, то эти противоречия будут именно между элементами системы, но не внутри этих элементов, иначе говоря, эти противоречия не являются имманентно присущими человеческому мышлению. И не случайно «диалектическая логика обязывает мышление... к четкой фиксации (в том числе словесной) реальных противоположностей внутри одного и того же исследуемого объекта»¹¹. А «четкая фиксация», т. е. осознание того, что отношение данных сторон объекта есть противоречие, обозначение вполне сознательное и целенаправленное, в мысли противоположных свойств, тенденций и т. п., есть именно непротиворечивая (в формально-логическом понимании) мысль о противоречии. В этой связи можно сделать вывод, что и в диалектическом мышлении нельзя допускать противоречий «неправильного рассуждения», нарушать формально-логическое требование устранения такого рода противоречий из мышления.

Формально-логическое правило противоречия имеет глубокий смысл также с точки зрения отражения объективной реальности совокупным субъектом через практику. Ведь если теория непротиворечива с формальной точки зрения, то это означает теоретическую возможность существования удовлетворяющих ей материальных объектов, а значит, ее принципиальную практическую приемлемость. Таким образом, противоречия в мысли, в определении — вещь недопустимая. Они должны с необходимостью элиминироваться субъектом познания.

Подводя итоги сказанному, следует отметить, что подлинно диалектический подход обязывает не только признавать наличие противоречий во всех явлениях, но и требует понять разворачивание противоречий и, что особенно важно, — переход противоположностей друг в друга, т. е. разрешения противоречия, которое свидетельствует о том, что борьба противоположных сил получила новую форму своего движения. Именно этот процесс разрешения противоречия и перехода объекта в новое качественное состояние фиксирует закон единства и борьбы противоположностей. Подобно

¹¹ Ильенков Э. В. Проблема противоречия в логике // Диалектическое противоречие. М., 1979. С. 129.

этому «...процедуры различения смыслов, „расщепления“ понятий, введения дополнительных конкретизирующих условий, которые часто являются средством разрешения „живых“ реальных противоречий, возникающих в процессе познания, и тем самым фактором развития знания,— это не просто формально-логические операции уточнения заданного смысла, содержания понятий, а конструктивные действия по развитию, обогащению концептуального содержания»¹². И «это обстоятельство особенно важно учитывать, когда речь идет об исследовании реальных механизмов разрешения диалектических противоречий познания»¹³.

* * *

Огромная литература, посвященная проблеме диалектической противоречивости, страдает, за редким исключением, одним общим недостатком: рассмотрение проблематики диалектического противоречия ведется только в сопоставлении с противоречием формально-логическим. Этот недостаток завел обсуждение ядра диалектики, по существу, в тупик, обусловив фактическую стерильность полученных в ходе его результатов. Формирующийся на этой основе эзотерический характер исследований получает оправдание в культивируемом некоторыми авторами представлении, что социальная действительность, специально-научное познание в частности, находится на уровне развития, недостающем до наиболее совершенных образцов диалектики. С другой стороны, формируется позиция-антипод этому представлению, которой свойственно обращение к практике реального научного исследования, на основе которой и предлагается развитие теории диалектического противоречия.

Полезно обратить внимание на то обстоятельство, что обсуждение проблемы диалектического противоречия фактически ведется вне связи с главными философскими проблемами, проблемами основного вопроса философии, предметности (субстанциональности) отражения. И это имеет в качестве своего необходимого результата отрыв исследований названной проблемы от

¹² Материалистическая диалектика: Краткий очерк теории. М., 1980. С. 48.

¹³ Там же.

живой практики развития современного специально-научного познания, проблем социальной реальности. Между тем едва ли не с самых первых шагов существования философского знания проблематика, которую мы бесспорно можем отнести к проблематике диалектической противоречивости, обсуждалась фактически в органической связи с обсуждением основного вопроса философии, не говоря уже о собственной области диалектического противоречия, области проблем развития, движения. Элеаты — чрезвычайно яркий пример этого рода. В XX столетии их решения оказались воспроизведенными в буржуазной философской мысли, так сказать, с противоположных сторон — философам жизни А. Бергсоном и сторонником позитивизма В. Оствальдом.

Проследить становление проблематики, являющейся темой нашей статьи на всем протяжении историко-философского развития, — интереснейшая и частью реализованная задача. Мы в полной мере отдаем себе, однако, отчет в ее неосуществимости в данной работе и ставим себе менее объемную задачу: рассмотреть период философского развития, на котором решение названных нами великих проблем философии осуществлялось на единственно верной основе, на основе обращения к активности субъекта, на основе тем или иным образом понимаемой практики, где совершенно органически предстает перед нами связь осуществляемых таким образом решений глобальных проблем философии с антиномичностью, диалектической противоречивостью. С наибольшей отчетливостью такая связь усматривается в развитии немецкой классической философии, снятой в дальнейшем в материалистической диалектике.

Обращение к Канту в данном отношении позволяет подойти к более непосредственной характеристике основных дефектов в постановке проблем диалектической противоречивости в нашей литературе: это внеисторическая постановка проблематики, детерминируемая отсутствием — за немногими исключениями — понимания связи проблемы диалектического противоречия с проблематикой практической деятельности. Недостаточная последовательность Канта в проведении принципа активности субъекта оборачивается в некоторых случаях достоинством: связь принципа, знаменующего, по мнению самого Канта, коперниканский поворот в

теории познания, с начальными формами диалектической противоречивости у Канта, с антиномией чистого разума оказывается очевидной и для автора «Критики чистого разума», и для его читателя. Естественно возникающий при этом вопрос о возможности столь непосредственного отождествления антиномий с одной из стадий развития противоречия мы, полагаем, имеем возможность отвести, исходя не только из уже достаточно хорошо известных соображений следующих за Кантом мыслителей, но и исходя из непосредственного развития тематики в материалистической диалектике, где становление нового типа материализма оказывается в непосредственной зависимости от вполне определенным образом понимаемого отношения субъекта к объективной реальности, в зависимости от материальной практики общественного человека.

Связь общих задач, решаемых Кантом в «Критике чистого разума», а это прежде всего задача определения возможности обоснования метафизики, что, в свою очередь, сводится к задаче установления предмета названной науки, и появления антиномии чистого разума, выглядит у Канта совершенно отчетливым образом. Мы уже имели возможность отметить этот момент кантовской критики чистого разума, поэтому в данном разделе обратим на него внимание единственно в интересах связи изложения. Гипотетическая процедура последовательного проведения Кантом точки зрения активности субъекта как условия, дающего возможность преодоления как ограниченности метафизического материализма, так и скептицизма Юма в решении вопроса о возможности достоверного знания, т. е. решения задачи обосновательного плана, приводит его к акту завершения ряда условий, делающих возможным опыт. Содержание этого акта представляется Кантом как стремление «освободить от всякого условия и обнять во всей безусловной целокупности то, что по правилам опыта всегда может быть определено только условно»¹⁴. Это — объективация субъективных условий всякого возможного опыта, процесс установления вполне определенного рода отношения между субъективным и объективным моментами на данном конкретном этапе познания, своего рода акт само-

¹⁴ Кант И. Критика чистого разума // Соч.: В 6 т. М., 1964. Т. 3. С. 432.

применения, рефлексии, направленности познания на его собственные условия, на само себя. В ходе этой процедуры априорные формы чувственности и рассудка приписываются вещи в себе в качестве свойств последней. Именно эта процедура и порождает антиномию. Можно сказать, что Кант предпринимает в целом неприемлемую для него попытку употребления выразительных средств определенного рода — в данном случае категориального аппарата — как средств, относящихся к тому же уровню, что и описываемые ими предметы. Выражаясь языком, более приближенным к современным специально-научным ситуациям, Кант осуществляет смешение языкового и метаязыкового уровня исследования, познания. Канту ясна, между прочим, несостоятельность такого рода смешения.

Взгляд на антиномию Канта как на начальный этап становления диалектического противоречия может быть, как нам представляется, более основательным в случае рассмотрения его в перспективе послекантовского этапа в философии. Этот последний характеризуется прежде всего стремлением устранить дуализм субъективного и объективного, закрепленный у Канта провозглашением вещи в себе и априорных форм чувственности и рассудка, дуализм, который фактически является и основой, и собственной формой существования антиномичности. При господствовавшем в тот период идеалистическом понимании субъекта и его активности устранение этого дуализма могло быть осуществлено только за счет устранения материалистических элементов кантовской доктрины. Одним из следствий такого рода подхода было как раз осознание нормальности диалектической противоречивости. Фихте устраняет господствовавшее у Канта отношение абстрактного тождества в понимании как субъекта, так и объекта и провозглашает как субъект познания, так и его объект единством субъективного и объективного моментов.

Это обстоятельство знаменует становление двууровневой логики, логики развития отношения «субъект—объект», называемой Фихте наукоучением. Наукоучение — а это не что иное, как форма диалектической логики — снимает антиномический характер тех противоречий, которые возникают, например, у Канта, и это обстоятельство служит основой для суждений Фихте об отношении наукоучения и формальной логи-

ки: последняя как логика одного уровня подчиняется диалектической логике как логике субъектно-объектного уровня. Наукоучение, диалектическая логика, не отменяет формальной логики, но снимает ее, содержит ее в себе, сохраняет как имеющую бесспорное значение на одном уровне.

Терминология, которой пользуется Фихте в ходе создания своего наукоучения — диалектика «Я» и «не-Я», дает повод для сопоставления с известным из глубокой древности парадоксом «Лжец», сопоставления, которое как раз дает возможность увидеть содержание процесса перехода антиномичности в более зрелую форму диалектической противоречивости в силу определенного изменения характера отношения «субъект—объект». В отличие от парадокса «Лжец», в котором находящиеся в отношении противоречия положения оказываются принадлежащими к разным языковым уровням, смешивающимся в ходе образования парадокса и тем не менее подразумевающимися всегда как уровни, разделенные непроходимой границей (в современной математической логике это нашло свое выражение, в частности, в тенденции четко различать предметный язык и метаязык), в наукоучении Фихте «Я» порождает само свое собственное другое, «не-Я», которое возвращается в «Я», так сказать, отражается в нем, составляя элемент самоопределения, саморазвития «Я» в силу присущего ему, постоянно возникающего и постоянно снимаемого противоречия. В отличие от отношения тезиса и антитезиса столкновения антиномии у Канта отношение между «Я» и «не-Я» у Фихте не является отношением разделенных непроходимой границей самостоятельных характеристик: в идеализированном виде «Я» содержит в себе «не-Я» и наоборот, причем именно одной из противоположностей принадлежит определяющая роль, активная роль во взаимоотношении.

В этом конкретном пункте, именно в сфере, характеризующей структуру развития и разрешения диалектического противоречия, Гегелем добавлено очень немного. Понятие «субстанция—субъект» совершенно аналогичным образом, как «Я» Фихте, позволяет преодолеть антиномическую противоречивость и перейти к более высокому уровню диалектического противоречия. Подчеркнем, что уже на рассмотренном материале достаточно отчетливо можно видеть связь характера

отношения диалектической противоречивости с характером отношения «субъект—объект». Более того, как это непосредственно обращает на себя внимание в наукоучении Фихте, содержание, особенности диалектического противоречия оказываются фактически выраженными в характеристиках отношения «субъект—объект».

Важным также представляется подчеркнуть, что и фихтевская и гегелевская концепции диалектического противоречия рождаются в ходе решения положительной проблемы, именно проблемы характеристики субстанциального в ходе становления определенной концепции взаимоотношения субъекта и объекта, приведшего к понятию субстанции — субъекта, или, как сказал бы Я. Беме, божественной интеллигенции, наделенной волей. Заметим, что кризисы научного познания, характеризующаясь появлением поражающих воображение и здравый смысл противоречий, антиномий, парадоксов, имеют другой своей ипостасью именно утрату предметности. Понятно в этой связи, что выяснение противоречия, разрешение его — это не в самой существенной степени вопрос выяснения его отношения к формально-логическому противоречию, но вопрос характеристики предметной реальности.

Изложенный взгляд на связь диалектического противоречия с условиями его формирования делает возможным определенное его обобщение, которое имеет своей основой усмотрение общности в характере действия субъекта, приводящего к возникновению парадоксальности, антиномичности и диалектической противоречивости, с отношением самоприменимости, которое многими исследователями антиномий в специально-научном познании признается как причина противоречий в основаниях различных отраслей современного научного познания. Это обобщение, может быть, более точно перенос, сразу открывает путь для диалектико-материалистического анализа многочисленных парадоксальных ситуаций, сложившихся в современном научном познании и — заметим — в своей наиболее общей форме повторяющих четыре знаменитых столкновения антиномии чистого разума Канта.

Можно привести довольно многочисленные примеры отмеченной связи из области математики (точнее, ее оснований), из области физики, биологии, лингвистики, где возникновение антиномий, антиномических

ситуаций оказывается в органической связи с названным отношением самоприменимости. Биологический материал представляется, быть может, в этом отношении наиболее поражающим воображение, ибо здесь мы имеем дело с собственным царством развития. Обратим внимание на следующее высказывание известного физиолога: «Вполне ясно, следовательно, что редупликация клеточных конституент делает необходимыми некоторые самоудваивающиеся элементы. Эти самоудваивающиеся элементы должны участвовать в следующего типа реакции: вещества *A* и *B* формируют *C*, и эта реакция катализируется или обуславливается самим веществом *C*. Вещество *C* становится, таким образом, самоудваивающимся элементом, который количественно возрастает по мере того, как даны *A* и *B*. Говоря химическим языком, это автокаталитическая реакция, в которой один из продуктов реакции фактически катализирует реакцию. Некоторый род автокатализа представляется необходимым понятием в росте организма. Его невозможно избежать. Любая попытка сделать это ведет к необходимости допущения бесконечной серии синтезов»¹⁵.

Автор одной из обобщающих работ по теоретической биологии, точнее по теории развития, пишет следующим образом: «...если в какой-либо области синтезируется некий всеобщий ингибитор, то этот ингибитор должен был бы подавлять синтез не только других веществ, но и самого себя. А если так, то мы получаем точный аналог парадокса о критяnine-лжеце, только в повелительной форме: „Не подчиняйся этому приказанию!“», где под „этим приказанием“ понимается оно само»¹⁶.

Структура антиномических ситуаций, попадающих в сферу действия предложенного обобщения, не содержит тем не менее ничего такого, что исключало бы применение к ним в целом квалификаций, инспирированных историко-философским материалом: и в этой обобщенной форме рассматриваемые антиномии оказываются антиномиями, которые без малейшей натяжки могут быть рассмотрены как антиномии кантовского уровня. Но этого рода квалификация делает воз-

¹⁵ Barth L. G. Embriology. N. Y., 1953. P. 138.

¹⁶ Анмер М. Кибернетика и развитие. М., 1970. С. 215.

возможным применение к рассматриваемому материалу тех схем развития антиномических ситуаций, которые сложились в истории познания в послекантовском философском движении.

Это последнее соображение делает более оправданным стремление исследователя начинать не с обогащения содержания диалектического представления о противоречивости чертами, рожденными в ходе развития современного специально-научного познания, но, напротив, с рассмотрения возникших в этом материале ситуаций с точки зрения общих условий становления всякой антиномичности, следовательно, с точки зрения общих достижений истории познания, что только и создает возможность адекватного усвоения специально-научного материала в интересах диалектики. В этих видах полезно остановиться на принципе дополнительности, который рядом авторов-марксистов квалифицируется в качестве расширяющего наше представление о противоречивости, принципе, рожденном в ходе анализа Н. Бором квантовой теории. Мы вовсе не собираемся отрицать ни того обстоятельства, что этот принцип имеет определенное отношение к диалектике, ни того, что с его помощью была дана достаточно удовлетворительная первичная характеристика ситуации, сложившейся в основаниях квантовой теории, ситуации, обязанной своим возникновением именно кризису объективистских представлений предшествующего этапа развития познания и видимой необычности места субъективного фактора в новой ситуации. Общеметодологическое значение принцип дополнительности (ПД) имеет потому, что, являясь формой реакции на объективизм предшествующих подходов, он фиксирует начальную стадию развития отношения «субъект—объект» в процессе познания. О его близости к той форме диалектики, которая впервые была разработана Кантом, свидетельствует того же рода непоследовательность в проведении принципа активности субъекта, приводящая и к идентичному результату. В той мере, в которой ПД является теоретическим средством решения проблемы единства квантовомеханической реальности, следует, нам представляется, иметь в виду, что в решении этой проблемы сделан безусловно важный, но тем не менее лишь первый шаг на пути перехода от «мышления о действительности» только в форме «объекта» к мышлению о ней «как о человеческой чувственной

деятельности, практике»¹⁷. Этот шаг детерминирует обращение к диалектике, но это лишь ее начальная форма.

«...Проблема полной интерпретации квантовой теории была разрешена только Н. Бором, — пишется в одной из самых интересных работ, посвященных ПД, — благодаря выдвижению идеи дополнительности, согласно которой дуализм корпускулы и волны представляет не дуализм структуры объекта, а дуализм модельных способов ее описания, т. е. носит не столько онтологический, сколько гносеологический, методологический характер. Ответ на вопрос о характере модельного образа в рамках концепции дополнительности получается не в чисто объектном контексте, как и в классической физике, а в контексте явления — относительно замкнутого фрагмента деятельности физика-экспериментатора. Контекст рассуждения, не утрачивая объективности, тем самым превращается из объектного в субъектно-объектный»¹⁸. «Кто рассматривает суждения „мир по своей величине бесконечен“ и „мир по своей величине конечен“ как находящиеся в отношении противоречащей противоположности, тот предполагает, что мир (весь род явлений) есть вещь в себе... — пишет другой критик односторонне объектной точки зрения. — Если же я устраню эту предпосылку или эту трансцендентальную видимость и стану отрицать, что мир есть вещь в себе, то противоречащая противоположность этих утверждений превратится в чисто диалектическую противоположность...»¹⁹ Нельзя недооценивать важности шага, сделанного здесь в направлении адекватной оценки роли субъекта в процессе познания. И у Канта, и у теоретиков дополнительности этот шаг знаменует проникновение диалектического элемента в физическое знание. Но общность ситуаций, в которых возникает принцип дополнительности, с кантовской как раз и делает важным рассмотрение послекантовского периода развития философии, в котором именно отношение субъект — объект оказалось непосредственно в центре внимания и в котором

¹⁷ Принцип дополнительности и материалистическая диалектика. М., 1976. С. 133.

¹⁸ Алексеев И. С. Концепция дополнительности: историко-методологический анализ. М., 1978. С. 53—54.

¹⁹ Кант И. Указ. соч. С. 460.

осуществлялось преодоление кантовской формы диалектики.

Что история изучаемой человеком предметной, вещной реальности есть история взаимодействия человеческого общества с внешним миром, субъекта и объекта, выражаясь более абстрактно, — это положение относится к исходным положениям материалистической диалектики. Но это взаимодействие принимает самые различные формы, знает этапы своего развития от абстрактных к более конкретным формам и выражается в различных теоретических формах. Вряд ли оправданно в этой связи выбрать один этап этого взаимодействия и один теоретический способ его выражения в качестве представляющего все движение, как это делается теоретиками ПД. Принцип дополнительности возникает на достаточно узкой основе практики естествоиспытателя. Как ни важен материал, который эта последняя в состоянии дать исследователю, в том числе философу, не следует упускать из виду того обстоятельства, того простого соображения, что за практикой естествоиспытателя стоит практика более широкого плана, материальная деятельность общественного человека, в рамках которой возникают все как материальные, так и духовные компоненты, делающие возможной практику естествоиспытателя.

Прежде чем указать на наиболее интересный в рассматриваемом нами аспекте материал специально-научного познания, в котором отчетливо видно значение рассматриваемого в настоящем разделе понимания диалектического противоречия, мы обратим внимание еще на два аспекта диалектической характеристики.

Во-первых, речь идет о характеристике отношения между составляющими диалектическое противоречие противоположностями. Эти последние оказываются вовсе не в том отношении, невозможность которого утверждается известным законом формальной логики Аристотеля. Это обстоятельство легко понятно из самых общих соображений: момент отрицательности, свойственной отношению диалектического противоречия, диалектической противоречивости, не является абстрактным, «голым, зряшным», по выражению Ленина, отрицанием. Последующее за антиномиями в самых различных отраслях научного познания развитие той или иной специальной отрасли научного познания отмечено развитием двух тенденций, образующих

соответственно тезис и антитезис антиномии, выражаясь кантовским языком. Формализм и интуиционизм в основаниях математики, корпускулярная и волновая картины микромира, молекулярная и эволюционная биология и т. д. представляют собой хорошие иллюстрации высказанного тезиса: вряд ли возможно представить, чтобы целое научное направление исследования могло образоваться на основе лишь отрицания чего-либо. Субъектно-объектная характеристика основы возникновения диалектической противоречивости также говорит в пользу этого тезиса. Но, помимо сказанного, следует привести характеристику антиномии в основаниях математики, которая дает правильное указание на то, что представляет собой парадокс (термин этот употребляется автором этой характеристики в том же смысле, что и термин «антиномия»). «Парадоксы,— пишет Уормелл,— не являются противоречиями. Они не являются утверждениями, которые указывают на два или более несовместных направления, но утверждениями, которые колеблются (*oscillate*) между различными направлениями и не могут принять какое-либо постоянное направление»²⁰. Подобного рода ситуации можно наблюдать в химии; в литературе по теоретической биологии с некоторых пор подчеркивается как фундаментальное значение «колебательного образа мышления», так и связь, существующая между колебательным режимом и отношением самоприменимости, отношением отрицательной обратной связи. «Этот вывод,— пишет К. Х. Уоддингтон,— если он справедлив, представляет собой, на мой взгляд, одно из важнейших положений теоретической биологии»²¹.

Второй момент, который мы хотели бы отметить в связи с характеристикой диалектической противоречивости,— это существование отношения отражения, которое является важнейшей характеристикой диалектической противоречивости. Можно сказать, что отношение диалектической противоречивости и реализуется как отношение определенного рода типов отражения, обстоятельство, к которому субъектно-объектное понимание становления идеи диалектической противоречивости подводит достаточно естественно. В этой

²⁰ Wormell C. P. On paradoxes of self-reference // *Mind*, 1958. N 266, vol. 67. P. 271.

²¹ На пути к теоретической биологии. М., 1970. С. 23—24.

связи полезно подчеркнуть, что противопоставление Гегеля и Маркса в рассматриваемом вопросе не является состоятельным, ибо диалектической теории развития не может быть несвойственным отношением отражения. У Гегеля оно реализуется в отношении различного типа рефлексий — рефлексии в себя, рефлексии в другое. Верно, конечно, то, что на идеалистической основе невозможна полноценная теория отражения, и потому различие понимания отражения в каждой из названных концепций диалектики фундаментально: Гегель — по характеристике Маркса — ограничивается признанием противоречия явления и утверждением единства в сущности — дефект, которым Гегель обязан общему взгляду на отношение абсолютной идеи к своему собственному инобытию. Оставаясь в плоскости логического, Гегель лишает себя возможности объяснить происхождение исторически нового. Этот антиисторизм Гегеля особенно заметен в анализе им антиномий Канта: для Гегеля представляется достаточным осознать существование противоположных определений во всех предметах, не исследуя их генезис. Преодолевая ограниченность гегелевского идеалистического взгляда в целом, Маркс приходит к уяснению и аутентичного содержания диалектического противоречия, которое в отличие от Гегеля является у него противоречием материального мира, порождающим в конечном итоге действующего и мыслящего субъекта. Для характеристики противоречия, собственным результатом которого является субъект, существенным оказывается отношение внутреннего и внешнего и, следовательно, преодоление гегелевского телеологизма, всегда приводящего Гегеля к поискам определенной логической идеи, а не к постижению «специфической логики специфического предмета»²². Непосредственно в отношении противоречия это находит свое выражение в характеристике соотносительной роли рефлексии в себя и рефлексии в другое: последняя играет теперь определяющую роль по сравнению с первой; разрешение противоречия разрешается в третьем, рожденном в ходе развития противоречия, а не существующем, так сказать, от века. Так, развитие противоречия форм стоимости разрешается выталкиванием денег в качестве единства натуральной и

²² См.: Маркс К. Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 325.

общественной форм, противостоящих всему остальному миру товаров²³. Именно на этом пути оказывается возможной постановка выпавших из поля зрения гегелевской логики задач, как, например, задачи анализа форм противоречивости и отражения, предшествующих появлению человеческого общества. Процесс становления противоречия, пройдя стадию антиномического их выступления, завершается разрешением антиномий, т. е. появлением предметного, вещного на одном полюсе и отражения этого предметного, вещного на другом, отражения, являющегося собственным моментом развивающегося предметного, вещного мира.

Преодоление собственно ограниченности понимания противоречия осуществлялось на основе радикально отличного от гегелевского решения проблемы материального и идеального, основного вопроса философии.

Мы можем, таким образом, с полным основанием подчеркнуть, что основной вопрос философии, вопрос об отношении материального и идеального, является и основным вопросом материалистической диалектики как наиболее полного и всестороннего учения о развитии. Это устраняет вольный или невольный дуализм, имеющий хождение в марксистской литературе, ядра диалектики и основного вопроса философии, материалистической теории и диалектико-материалистического метода.

Мы можем в заключение лишь упомянуть те специально-научные теории, где очевидны движения, в общей форме описанные в качестве основных этапов развития диалектической противоречивости. Основные из научных дисциплин, стоящих на переднем плане развития науки, прошли уже стадию антиномий, развития по направлениям, представленным тезисами и антитезисами антиномий. Наступил этап синтеза, и это оказывается этап формирования исходных базисных единиц, делающих возможной реконструкцию всей дисциплины, исходя из этой единицы. Биологический материал в этом отношении, быть может, наиболее интересен. Упомянем работы К. Уоддингтона, Ф. Жакоба в качестве наиболее ярких в этом отношении²⁴. Не менее интересны в этом смысле работы лингвистов,

²³ См.: Там же. Т. 23. Гл. III.

²⁴ Towards a theoretical biology. Chicago; Edinburgh, 1972. Vol. 3—4; Jacob F. La logique du vivant. P., 1970.

говорящих иногда буквально гегелевским языком ²⁵. Но и в тех областях, в которых антиномии выступили гораздо раньше, скажем в основаниях математики, мы также не можем не видеть движений, характеризующихся стремлением к выделению базисной единицы и пониманием необходимости двууровневой, субъектно-объектной логики.

Глава пятая

ПРИНЦИП ДЕТЕРМИНИЗМА

В истории философии становление детерминизма как принципа объяснения сущности мира, его познания, постижения истины есть результат прогрессивных изменений в культуре и практике общества XVII—XVIII вв. Детерминизм в своих особых формах выступает в это время общим принципом для большинства философских направлений. Наибольшее воздействие на частную науку, особенно естествознание XIX в., оказала натуралистически-механистическая концепция детерминизма, изложенная П. Лапласом в книге «Опыт философии теории вероятностей». Популярность «лапласовского детерминизма» в науке была настолько велика, что, например, биология и социология середины XIX в., чьи методологические схемы не укладывались в рамки лапласовского понимания причинной сущности, рассматривались как неразвитые, несовершенные теории. Можно сказать, что все формы солидаризации или конфронтации с принципом детерминизма в развивающемся философском и частнонаучном знании (формы телеологии, телеономии, типы индетерминизма, стохастические, «круговые», функциональные и т. п. формы детерминации)— это формы отношения к лапласовскому детерминизму.

Следует подчеркнуть, что, несмотря на известную критику Ф. Энгельсом в «Диалектике природы» лапласовского детерминизма, способов его приложения,

²⁵ См.: Гухман М. М. Историческая типология и проблема диахронических констант. М., 1981; Jacobson: Echoes of his scholarship. Lisee, 1977.

в ряде работ по проблемам «материалистического детерминизма» существуют попытки «улучшения», «дополнения», «диалектизации» и даже «реабилитации» именно детерминистской концепции П. Лапласа¹.

Успехи, достигнутые математикой, механикой, физикой, химией, биологией, психологией, социологией и др. вследствие применения принципа лапласовского детерминизма (построение естественнонаучных концепций мира, ламаркизм в биологии, рефлекторная теория в физиологии, бихевиоризм в психологии, географический детерминизм в социологии и др.)², объясняются включенностью принципа так называемого классического детерминизма в более широкий исторический, методологический контекст.

В различных работах часто упоминаются следующие высказывания Лапласа: «Мы должны рассматривать настоящее состояние вселенной как следствие ее предыдущего состояния и как причину последующего»³. Открытия человеческого ума «в механике и геометрии в соединении с открытием всемирного тяготения сделали его способным понимать под одними и теми же аналитическими выражениями прошедшие и будущие состояния мировой системы. Применяя тот же метод к некоторым другим объектам знания, нашему разуму удалось подвести наблюдаемые явления под общие законы и предвидеть явления, которые будут вызваны данными условиями»⁴.

Лаплас излагает общие для всех материалистов XVIII в. принципы механистически-корпускулярной (физико-атомистической, натур-элементаристской) концепции мира. Для представителей механистического материализма характерна полная идентификация знания о мире и самого природного мира, натур-онтологизация (натурализация теоретических систем мира и, следовательно, идеализация, концептуализация мира (вселенной, природы и т. п.).

¹ См.: Закон. Необходимость. Вероятность. М., 1967; Грязнов Б. С., Дынин Б. С., Никитин Е. П. Теория и ее объект. М., 1973; Иванов В. Г. Детерминизм в философии и физике. Л., 1974.

² См.: Бунге М. Причинность: Место принципа причинности в современной науке. М., 1962.

³ Лаплас П. Опыт философии теории вероятностей. М., 1908. С. 9.

⁴ Там же. С. 10.

Быстрые социальные изменения, оптимистическая оценка идеологами буржуазии прогрессивной в то время общественной практики, культуры, просвещения, открытий науки, представление научно-духовного прогресса в качестве эквивалента и сущности прогресса мира, общества — все это привело к особой трактовке переживаемой эпохи, мира в целом, к его воспроизведению по моделям «исторического времени».

Характерной чертой науки XVII—XVIII вв. была «замена конечного и иерархически упорядоченного мира Аристотеля и средних веков бесконечной Вселенной, связанной в единое целое благодаря идентичности своих элементов и единообразию своих законов»⁵. Вместе с тем сохранялось развитое в античных системах натуралистически-спиритуалистическое, так называемое вещное (вещно-субстратное), понимание мира, элементаристское представление о сущности мира и сам аналитический (редукционистский) способ постижения последней. Детерминизм XVIII в. выступил, по сути дела, способом решения вопроса о первопричинах бытия, поставленного античными авторами, и одним из вариантов реакции на аристотелевское учение о четырех причинах.

Исходным в понимании мира выступает здесь его представление как совокупности вещей («вещи как таковой»). Вещи рассматривались субстратно отграниченными друг от друга и связанными имманентными свойствами, взаимодействиями, отношениями, силами, причинно-сущностными закономерностями и т. д. В силу идентификации теоретического и наглядно-эмпирического представлений о мире сущность, или субстанция, последнего предполагалась находящейся «внутри» вещей («мира как вещи»). Одновременно субстанциональная сущность как «общее» представлялась и «вне» реальных вещей, объединяя их в мировое целое, синтезируя вещи по сущностным их свойствам, отношениям, законам. Поиски единого начала, сущности, субстанции или первопричины вещно-субстратного мира были связаны с его анализом, разъединением на подсистемы, далее — на компоненты и, наконец, на элементы (к примеру, на «наблюдаемые» корпускулы). Именно из элементов (в самых различных их модификациях) как из «порождающей первопричины» и пы-

⁵ Койре А. Очерки истории философской мысли. М., 1985. С. 16.

тались затем «вывести», сущностно объяснить и предвидеть, «линейно-исторически» истолковать многообразие наличного бытия как совокупность вещей или процессов (событий, состояний, фактов и т. п.).

Аналитический способ познания и объяснения сущности вещей, признаваемый как единственно возможный в философии и науке XVIII — начала XIX в., был в домарксистской философии обстоятельно подвергнут критике Гегелем. Вместе с тем Гегель подчеркнул, что аналитический метод имеет своей целью отыскание сущности, причины или всеобщего бытия, т. е. превращается на определенной своей ступени в абстрактно-синтетический способ, но не в форме постижения конкретно-всеобщего, а в качестве только абстрактно-всеобщего, абстрактно-сущностного. Аналитическое познание, по словам Гегеля, «ближайшим образом имеет формой своей деятельности формальное тождество или абстракцию всеобщности. Эта деятельность состоит поэтому в разложении данного конкретного, обособлении его различий и сообщении им формы абстрактной всеобщности. Или, иными словами, она состоит в том, что оставляет конкретное как основание и посредством абстрагирования от кажущихся несущественными особенностей выделяет некоторое конкретное всеобщее, род или силу и закон. Это — аналитический метод»⁶.

«Классическому» детерминистскому способу изложения, построения теории мира, идентичной самому миру в его «истории», предшествует абстрактно-аналитическое исследование. Именно абстрактность в понимании мира и его сущности, причинно-следственных закономерностей, в конечном счете абстрактность истолкования и применения самого принципа детерминизма (в его «классической» форме) и выступает основной причиной многочисленных форм последующей критики, опровержения, дополнения, изменения принципа детерминизма «как такового».

Как известно, в силу сходства натурфилософий XVIII в. и естественнонаучных (по преимуществу общезначимых, астрономо-физических) так называемых картин мира XIX в. «лапласовский» детерминизм наибольшее методологическое применение получил в фи-

⁶ Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. М., 1974. Т. 1. С. 411.

зике. Физика в ее широком понимании рассматривалась в XIX в. как эталон науки, как инструмент сущностно-причинного объяснения мира, постижения истины в ходе редукции природного бытия к его элементам (элементарным законам). Элементарные законы, причинные основания служили способом объяснения «вещи — из элементов», «целого — из частей» и т. п. не только в актуальном состоянии, но и (посредством использования «математического времени») принципом «историко-детерминистского выведения настоящего» — из «прошлого», сложного — из простого (элементарного). Абстрактность, ограниченность причинно-следственных «цепей» в объяснении как мира, так и его фрагментов проявлялась уже в том, что необходимо было представить объект исследования, объяснения, предсказания и т. п. в форме изолированной системы, отдельного случая, единичного события, процесса, вещи, свойства и т. п. Это отметил Ф. Энгельс. «Причина и следствие, — пишет он, — суть представления, которые имеют значение, как таковые, только в применении к данному отдельному случаю...»⁷ Абстрактность, неполнота детерминизма как принципа послужила основанием его следующей оценки. «Каузальность, обычно нами понимаемая, — писал В. И. Ленин, — есть лишь малая частичка всемирной связи...»⁸ «Всесторонность и всеобъемлющий характер мировой связи, лишь односторонне, отрывочно и неполно выражаемой каузальностью»⁹.

В «историческом» или «актуалистическом» натуралистическом понимании детерминации исследуемый объект как бы раздваивался на причину и следствие, фиксировалась их «причинно-временная» асимметричность и определенное тождество противоположаемых сторон. При этом вещно-актуалистическое и процессуально-динамическое понимания отношения «причина — следствие» либо полярно противопоставлялись (в форме, например, устойчивости и изменчивости, пространства и времени и т. п.), либо признавались полностью совпадающими в каждой из сторон. При этом, например, вещь, ее свойства, отношения трактовались как субстратно-структурированные процессы в грани-

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 22.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 144.

⁹ Там же. С. 143.

цах вещи; компонентами вещи здесь выступают состояния, акты, события и т. п. С другой стороны, процесс сам понимался в «вещно-структурированной», в частности иерархической, форме.

Представление о причинно-следственном отношении как вещно-процессуальном взаимодействии является основным в физической науке. При этом принимаются во внимание многие ограничения и дополнения. Так, например, отношения между причиной и следствием опосредуются вероятностью в различных ее формах, способах интерпретации и мерах обобщения. Актуальная или временная связь как однозначное причинно-следственное отношение используется теоретической физикой вследствие оперирования идеальными конструкциями, абстрактными, «изолированными» объектами и т. п. Когда это понимание детерминизма, претендующее на общезначимость, столкнулось на рубеже XIX—XX вв. с полученными экспериментальными данными, нетрадиционными способами их теоретического осознания, возникли первые разновидности так называемого физического индетерминизма. В 20-е годы нашего века в квантовой механике развернулась, как известно, острая борьба между сторонниками «классического» детерминизма и его противниками, в частности представителями субъективистско-психологического индетерминизма (Н. Бор, В. Гейзенберг и др.). Одновременно с «физическим индетерминизмом» возникли, а в период после второй мировой войны получили распространение в литературе другие формы детерминистского и «индетерминистского» объяснения сложных объектов научных дисциплин: «биологический (круговой, организмический и т. п.) детерминизм», «кибернетико-информационный детерминизм», «системно-организационный детерминизм» и т. д.

Марксистская критика «классического» как метафизически-натуралистического детерминизма с самого начала осуществлялась с позиций конкретной системной методологии¹⁰. При этом критическая оценка ряда абстрактно-системных форм «критики» «классического» детерминизма (структурализма, структурно-функционального подхода и т. п.) реализуется в марк-

¹⁰ См.: Афанасьев В. Г. Системность и общество. М., 1980; Кузьмин В. П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1980.

системской литературе еще и потому, что именно последние претендуют на роль «общенаучных» методологических способов причинно-сущностного объяснения явлений действительности, современных форм научного познания и т. д.¹¹

Уровни методологии современного системно-детерминистского объяснения действительности и научного познания: структурализм, функционализм и историзм¹² — мы рассмотрим кратко в отношении, с одной стороны, к «классическому» детерминизму, с другой стороны, к диалектико-материалистическому принципу детерминизма как наиболее конкретному, системному.

Термин «структурализм» обязан своей популярностью прежде всего так называемому французскому структурализму. Направлениям структурализма при всех различиях их осознания присуща в общем одна особенность — это принципиальное совпадение с основными методологическими схемами традиционного элементаризма, в частности классического детерминизма. При внешней критической позиции по отношению к «историзму» линейного, моновременного детерминизма прошлого, при отрицании его «физических оснований», претензиях на современное «системно-целостное» объяснение явлений и т. п. структурализм как методологическое направление есть не более чем доведенный до своего логического завершения элементаризм. Причем первым во времени основанием структурализма является не область гуманитарных наук, а физика, механика. Именно математика рассматривалась теоретической физикой XIX в. в качестве адекватного инструмента анализа и объяснения первопричины — элементов мира. В процессе теоретико-экспериментального движения «в глубь» природных объектов в поисках сущности как детерминанта их субстанциональной целостности последняя окончательно теряет видимость «чувственно-наглядных элементов» и приобретает форму математических структур. Физико-механический элементаризм

¹¹ Подробнее см.: *Ахлибинский Б. В., Асеев В. А., Шорохов И. М.* Принцип детерминизма в системных исследованиях. Л., 1984; *Шорохов И. М.* Детерминизм и системность // Системность и детерминизм. Красноярск, 1984.

¹² См.: *Шорохов И. М.* Структурализм, функционализм и конкретный историзм: методологическая и идеологическая альтернатива // История философии и современная идеологическая борьба. Новосибирск, 1984.

детерминизма превращается в исторически первую форму структурализма — математический (множественный) структурализм. Структура сама выступает здесь как множество элементов (элементарных отношений, отношений как элементов структуры).

В области общественного, гуманитарного «структуралистического» познания (в лингвистике, психологии, этнологии, искусствоведении и т. д.) с известной последовательностью повторяются методологические приемы натуралистического, аналитико-детерминистского элементаризма (элементаристского детерминизма). Общим здесь является исходное — вещное (объектно-вещное) воспроизведение предмета исследования. Правда, «субстратная вещь» истолковывается здесь не как объектно-натуралистическая, а в форме, например, сложной «идеальной вещи» («вещность» научной теории, художественного произведения, языковой системы и т. п.); последняя может быть редуцирована в ходе структурного анализа к своему «природному субстрату» («носителю») и далее — к формальному (математическому и т. п.) основанию — структуре — «сущности» с тем, чтобы вновь получить «дополнительное» субъектно-психологическое «целостное» истолкование и т. д.

В структурном анализе в поисках сущности (фактора целостности, в данном случае — структуры) вещь (совокупность вещей) подвергается «имманентному» расчленению на подсистемы, компоненты и, наконец, элементы (структурные отношения или элементарные законы). Как объект исследования в целом, так и его компоненты образуют иерархию уровней, каждый из которых обладает собственной структурой (здесь — способом или детерминантом целостности). Структуры всех «вещных» уровней объекта образуют собственную («сущностную») иерархию и редуцируются к «фундаментальной» структуре. Последняя представляется в качестве «основополагающей сущности», в качестве «фундаментальной» структуры элементарного («горизонтального») уровня иерархии объекта и одновременно в форме «сквозной», «вертикальной» структуры. Все остальные структурные уровни иерархии рассматриваются как «варианты», формы проявления этой элементарно-фундаментальной структуры (здесь, сущности, «первопричины» и т. п.). Эта абстрактно-всеобщая, «фундаментальная» структура как закон связи уровней — компонентов есть и алгоритм, способ развер-

тивания, «выведения» каждого «вышележащего» уровня из «нижележащего», всего объекта — из его элементарно-всеобщего «начала». Структура «динамически-процессуального», «линейно-исторического» перехода, движения от элементарного, простого к сложному может быть истолкована в духе «линейного», «структурального динамизма»; последний часто принимается за коренную форму историзма. Хотя здесь «история» «совершается» в пределах, по сути дела, одной и той же структуры (принимаемой за «систему»), «линейный структуральный динамизм», представленный как историзм (исторический детерминизм и пр.), часто интерпретируется как оппозиция, абстрактный антипод структурализму, принимаемому здесь за «системный подход». Именно на этом феномене и основано встречающееся в литературе противопоставление методологии историзма (даже — диалектического принципа развития) и структурализма (объявляемого в качестве эквивалента так называемого системного подхода)¹³.

Следует подчеркнуть, что элементаристский структурализм (структуральный элементаризм) не достигает «субстанциональной» целостности, монистически-причинного, сущностного объяснения «вещно-объектного» предмета исследования, не приводит к «открытию целостности». В результате редукции исследователь приходит к несистемному, структурно-множественному основанию, к совокупности, множеству причин — «элементарных сущностей», которые сами требуют своего монистического, целостного осмысления. Целостность здесь часто «привносится» особым субъектом — сознанием, «интуитивно подразумевается» и т. п. «Объективистский» структурализм при этом легко трансформируется в различные варианты, например психологического субъективизма, повторяя в некотором смысле этапы эволюции механистического натурализма, физикалистского позитивизма¹⁴.

Более конкретной формой теоретического воспроизведения объектов исследования науки, а следовательно, и их причинно-сущностного объяснения является методология, обозначаемая в литературе как

¹³ См.: Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Становление и сущность системного подхода. М., 1973; Садовский В. Н. Основания общей теории систем. М., 1974; и др.

¹⁴ См.: Сэв Л. Марксизм и теория личности. М., 1972; и др.

функционализм, организмизм, функционально-деятельностный подход, деятельностьно-организационный подход, системный принцип и т. п. Это более конкретный уровень системной методологии, чем структурализм. Если в последнем фундаментальным принципом понимания «системы» является «абстрактное единство» (множество, комплекс, ансамбль и т. п.), то в развитых формах системно-деятельностной методологии система интерпретируется как «организм», как противоречивое единство компонентов, как «органическое» их взаимодействие и т. п.

Принцип системности как противоречия наиболее полное свое развитие в домарксистской философии получил в диалектической логике Гегеля. Современные частнонаучные варианты системно-функциональной или системно-организационной методологии, представленные, например, в «общей теории систем» Л. Берталанфи, кибернетике Н. Винера, структурно-функциональных установках социологии, культурологии, психологии и др., являются не более чем абстрактными аналогами более развитой системно-диалектической логики гегелевской философии¹⁵.

Иное, чем в методологии элементаризма — структурализма, функционально-деятельностное воспроизведение действительности как предмета науки, самой науки, существенным образом изменило и представление о причинно-следственной зависимости, о смысле и содержании принципа детерминизма. Взяв за исходное аналитическую методологическую схему «вещь — свойства — отношения — структура (форма)», функционализм осуществляет поиски системности, сущности или детерминанта целостности вещи не в анализе одного свойства — структуры, а в синтезе всех (как значимых) свойств, рассматриваемых уже как функциональные отношения. Наиболее абстрактное определение функции (функциональной причины) — это отношение (элемент структуры), а более конкретное — «функциональная система» (система функциональных, а на «субстратных» компонентов). При интерпретации предмета исследования науки как «функциональной системы» ее системообразующий центр, детерминант целостности, усматривается теперь уже не в струк-

¹⁵ Подробнее см.: Ахлибинский Б. В., Асеев В. А., Шорохов И. М. Указ. соч.

туре «субстратной вещи», а в организации ее функциональных связей, отношений, в организационном центре функционирования вещи. Другими словами, сущность объекта исследования непосредственно отыскивается не в «наглядно-внутреннем», не в «субстанциональной структуре», а в единстве отношений — функций, объединяемых принципом включения объекта в более общее, конкретное целое. Только в пределах функциональной структуры этой общей системы, исходя из способа включенности объекта в последнюю, способа его ориентации на целое, можно говорить о действительном детерминанте системности объекта. Сложная система, в которую входит объект в качестве функционального компонента, признается обладающей целостностью (сущностью) более высокого порядка; из нее прежде всего и «выводится», объясняется сущность рассматриваемого явления. Таков, например, способ социального объяснения сущности денег, товаров как «чувственно-сверхчувственных вещей», реализованный К. Марксом в «Капитале» и других работах.

Понятие «вещь» в системно-функциональном как конкретном ее представлении отлично по своему содержанию от субстратно-элементаристского (структуралистского) ее понимания, свойственного как натуралистическим, так и спиритуалистическим концепциям. Вещь в системе общественных отношений обладает природным, идеальным и социальным качествами. Социальные качества или функции вещи синтезируются детерминантами целостности общества; они объединяют, снимают в себе абстрактные, природные и идеальные функциональные компоненты вещи¹⁶. Поскольку сущность человека социальна и он соотносится с вещью как социально-детерминированная система, вещь в этом отношении всегда социально значима, следовательно, ее природный и духовный моменты абстрактны и сами есть результат абстрагирования (теоретического и практического) от социального как конкретного. Становится ясным, что и натуралистически-элементаристская, и духовно-структуралистская формы редукции вещей в поисках их причинной сущности представляют собой абстрактные, абстрактно-противоположные и в известном смысле иден-

¹⁶ См.: Кузьмин В. П. Категория меры в марксистской диалектике. М., 1966.

тичные друг другу способы детерминистского анализа.

Детерминационное исследование и представление реальных вещей осуществляются в пределах противоречивого отношения: «природное — социальное», «природное (идеальное) — социальное». Детерминанты природного или духовно-культурного основания вещи есть абстрактные факторы ее целостности, а детерминанты ее социального основания — конкретное в общей противоречивой системе детерминации. Следовательно, системно-противоречивое представление причины — детерминанта целостности вещи — есть единство ее «внутренне-внешних» противоречий и само есть противоречие (система противоположностей — абстрактного и конкретного). В противоречивом отношении «причина — следствие» причина в общем есть конкретно системное, сущностное противоречие, а следствие — абстрактное, множественное, феноменологическое. Отношение между причиной и следствием есть противоречие между конкретно-противоречивой и абстрактно-противоречивой системами и само представляет собой систему, т. е. тождество противоположностей (включающее в себя функциональное совпадение, различие и противопоставление).

Системно-противоречивое представление причины и следствия, их отношения, таким образом, существенно противоположно аналитико-структурному воспроизведению причины как несистемного, множественного, простого, элементарного и т. п. Понимание причины и следствия, сущности и явления, отношения между ними, самого принципа причинности как системы — противоречия характерно уже для диалектической логики Гегеля. Диалектическая концепция детерминизма нашла свое дальнейшее развитие, конкретизацию, иначе, сущностное истолкование в работах К. Маркса.

Следует подчеркнуть, однако, что в большинстве современных работ по проблемам «материалистического детерминизма» последний не доведен до его понимания как системы — противоречия; принцип детерминизма обычно рассматривается в «особой» форме и логически не отождествлен с диалектическими принципами системности, противоречия и развития. В литературе можно констатировать не только факт разрыва между логическим принципом противоречия и абстрактным истолкованием принципа детерминизма (что приводит

к абстрактному пониманию историзма, развития, «физикализации» причинности и т. п.), но и определенное отчуждение между принципами детерминизма и противоречия — историзма, с одной стороны, и принципом системности — с другой.

Принцип системности широко разрабатывается в своей абстрактной форме, в форме схем структурализма, так называемого структурно-функционального подхода и т. п. на не-философском уровне теоретического знания. Здесь он абстрактно противоплагается принципу историзма (принципу развития) и не учитывает принципа детерминизма в его конкретной, т. е. системно-диалектической, форме. В рамках так называемого структурно-функционального подхода детерминизм подменяется часто так называемой концепцией функциональных факторов, параметров и т. п. Либо, будучи совмещенным с «линейно-детерминистским историзмом» (что, разумеется, неправомерно), вообще отрицается. Вследствие того что структурно-функциональный подход часто выдается за конкретно-системную методологию, а абстрактно-натуралистический, метафизический детерминизм принимается за диалектически-философский детерминизм, и возникает феномен «системного индетерминизма».

Конкретное понимание детерминизма как принципа диалектической логики, как системно-философского принципа становится возможным только в связи с логическим переходом центра философских исследований детерминизма от абстрактных областей реальной истории общества — истории философской мысли, теоретической истории частной науки, актуальных методологических форм самосознания последней — к конкретной области социальной практики¹⁷. Разработки философской концепции детерминизма как принципа сущностно-противоречивого понимания действительно единого историзма системы «философия — наука — культура — современная практика» находятся, к сожалению, в процессе становления. Системно-историческое, практико-гуманистическое понимание причинности как целостности — сущности практического общественного бытия само относится к теоретико-историческим (историко-философским, историко-частнонаучным и т. п.) интерпретациям принципа детерминизма

¹⁷ См.: Диалектика и практика. М., 1984.

как конкретное — к абстрактному, сущность — к явлению, причина — к следствию.

В заключение в плане постановки проблемы действительно-исторической интерпретации принципа детерминизма в диалектической логике подчеркнем следующее. Для разработки системно-исторической концепции детерминизма необходимым представляется более конкретное воспроизведение в социальной философии системной истории общества. Исторический, революционный переход от капитализма как экономически-детерминированной системы к коммунизму как конкретному гуманизму должен быть воспроизведен в системной концепции действительной истории (в абстрактной форме) как логика перехода от «вещно-центристской» (капитало-центристской) социальной системы через ее «деятельностно-организационный» этап к «гуманоцентристской» (гуманодетерминистской) социальной целостности коммунизма¹⁸. На уровне философской теории общества данный процесс выражается в форме сущностного совпадения экономики, политики и культуры, а внутри философской теории — в форме процесса отождествления социально-практической онтологии, гносеологии (теории научного прогресса) и логики. В системе диалектической логики прогресс исторической системности предстоит еще выразить в формах логико-исторического ее построения, где, к примеру, принцип детерминизма приобретает на каждом этапе изложения логики более конкретную, систематическую концептуальную форму и методологическую значимость.

Глава шестая

ДИАЛЕКТИКА НЕОБХОДИМОГО И СЛУЧАЙНОГО

В качестве одной из сторон всеобщей обусловленности явлений выступает детерминация формы проявления законов их содержанием. Эта детерминация находит свое отражение в диалектике категорий необходимого и случайного. Рассмотрим познавательные

¹⁸ Подробнее см.: Кузьмин В. П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1980.

требования, вытекающие из принципа детерминизма в связи с этими категориями.

Необходимость первоначально была обнаружена и осознана людьми как существенное свойство причинно-следственной связи. Было замечено, что определенные причины в одинаковых условиях порождают строго определенные следствия и что если действует причина, то неизбежно наступает и следствие, а если нет причины, то отсутствует и следствие. Особенно велика в этом отношении роль материально-производительной и социально-преобразующей практики людей, которая на каждом шагу доставляет свидетельства того, что человеческие действия вызывают не какие угодно, а вполне определенные результаты. В противном случае была бы невозможна какая-либо целесообразная деятельность. Ф. Энгельс писал об этом: «...доказательство необходимости заключается в человеческой деятельности, в эксперименте, в труде: если я могу сделать некоторое *post hoc*, то оно становится тождественным с *propter hoc*»¹. В ходе развития практики и познания люди убеждались в том, что такая же необходимая связь существует между причинами и их следствиями и в природных процессах.

В результате сформировался один из важнейших универсальных принципов диалектико-материалистической концепции детерминизма — принцип необходимого характера связей между причинами и их следствиями. Этот принцип имеет очень большое познавательное значение, отступление от него грозит опасностью серьезных заблуждений.

Так, некоторые особенности процессов микромира породили иллюзию отсутствия необходимости в связях причин и следствий в этих процессах и сомнение в универсальности рассматриваемого принципа. Эти взгляды уже подвергались основательной критике² и тем не менее продолжают бытовать, особенно в среде естествоиспытателей. Продуктивность познавательной деятельности только проигрывает от такого рода сомнений.

Правилами для познающего субъекта на основе рассмотренного принципа служат: установление соот-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 544.

² См., например: Шептулин А. П. Диалектический метод познания. М., 1983. С. 161—163.

ветствующих причин для объяснения исследуемых явлений, выяснение конкретного механизма необходимой, закономерной связи установленной причины с известным следствием, экстраполяция полученного таким образом знания на все множество аналогичных явлений, предсказание следствий, коль скоро известна причина.

Поскольку категории необходимого и случайного, с одной стороны, и причины и следствия — с другой, имеют не только генетическую, но и внутренне содержательную гносеологическую связь, постольку определения понятий необходимого и случайного, приводимые в литературе, по большей части содержат указание на эту связь.

Необходимыми называются те свойства, признаки, связи, изменения, которые обусловлены внутренней природой объекта, порождены внутренними причинами и в определенных условиях имеют место обязательно.

Случайными называются те свойства, признаки, связи, изменения, порожденные внешними взаимодействиями, которые имеют причину своего существования не в этом объекте, а в другом и при заданных условиях могут быть, а могут и не быть.

Детерминация необходимого внутренними причинами, а случайного — внешними есть главный момент содержания этих категорий³, на основании которого можно достаточно надежно отграничить необходимое от случайного в каждом конкретном процессе или предмете. Поэтому анализ любого явления с точки зрения категорий необходимого и случайного познающий субъект должен начинать с разделения внутренних и внешних причин интересующих его сторон в исследуемом явлении. При этом надо избегать иногда встречающейся ошибки, которая заключается в том, что абсолютизируются различия между внутренними и внешними причинами. Следует всегда помнить, что то, что присуще как внутреннее (внутренние признаки, связи и т. д.) какому-либо объекту, служит внешним по отношению к элементам, составляющим его структуру; то, что является внешним для данного объекта, оказывается внутренним для системы, включающей в себя этот объект в качестве своего элемента. Следова-

³ См.: Шептулин А. П. Система категорий диалектики. М., 1967. С. 251—252.

но, различие между необходимым и случайным по этому критерию является не абсолютным, а относительным.

Следует подчеркнуть, что различия внутреннего и внешнего только в пространственном смысле совершенно недостаточно для уяснения соотношения необходимого и случайного, более того, такое узкое понимание чревато опасностью тяжелых ошибок. В самом деле, понятия внутреннего и внешнего применяются отнюдь не в пространственном смысле по отношению, например, к формам общественного сознания, общественно-экономическим формациям, научным теориям или к различным уровням движения материи и т. д. В то же время различие внутренних и внешних закономерностей какого-либо уровня движения материи весьма важно для понимания соотношения необходимого и случайного в свойствах и поведении объектов различных структурных уровней ⁴. В частности, с переходом от сравнительно простых к более сложным формам движения относительно возрастает роль случайного. Это происходит в силу того, что на более высоких уровнях движения материи продолжают действовать закономерности низших уровней, которые по отношению к высшим уровням выступают как внешние ⁵.

Применение категории необходимого не следует ограничивать одним каким-нибудь звеном или сравнительно коротким рядом звеньев причинно-следственной связи, ибо в большинстве случаев такой подход не обеспечивает достаточно полного и глубокого выявления внутренней закономерной обусловленности изменений. Значение категории необходимого как инструмента познания закономерности гораздо полнее выявляется тогда, когда эту категорию применяют по отношению ко всей последовательности причинно-следственных связей, закономерно приводящих к определенному результату. Наибольший познавательный эффект достигается путем применения категории необходимого к исследованию целой совокупности причинно-следственных цепей, когда закономерный результат

⁴ См.: *Свечников Г. А.* Причинность и связь состояний в физике. М., 1971. С. 98—102.

⁵ См.: *Руткевич М. Н.* Диалектический материализм. М., 1973. С. 389.

детерминирован их интегральным действием ⁶. Познавательное требование здесь заключается в охвате достаточно длительного периода развития исследуемого явления, чтобы можно было с уверенностью судить о внутренней причинной детерминации во всей ее последовательности. Это познавательное требование, вытекающая из принципа детерминизма, одновременно представляет собой конкретизацию принципа историзма диалектической логики.

Одностороннее, заостренное, недиалектичное понимание категории необходимого порождает следующее недоумение, которое, к сожалению, не изжито еще и в наши дни: если не бывает беспричинных явлений, а каждая причина связана со своими следствиями необходимым образом, то откуда берется случайное? И имеет ли оно место в действительности? Материалистическая диалектика дает ясный ответ на этот вопрос: случайное имеет столь же объективный характер, как и необходимое. Случайное появляется как результат взаимодействия независимых причинно-следственных рядов, оно возникает в точках их пересечений ⁷. Взаимодействие причинно-следственных рядов является внешним по отношению к каждому из них и, таким образом, оказывается внешней причиной некоторых изменений внутри этих рядов. Эти изменения не вытекают из закономерного разворачивания самих причинно-следственных рядов, они обусловлены внешними причинами, следовательно, они случайны. Из сказанного вытекает познавательное требование, предписывающее исследовать не только параллельные, но и пересекающиеся причинно-следственные цепи, рассматривать причинно-следственные ряды во всем их многообразии и не изолировано друг от друга, а во взаимодействии. Это требование тоже вытекает из принципа детерминизма, но одновременно служит конкретизацией диалектико-логического принципа всестороннего рассмотрения.

Рассмотренные выше особенности познавательного оперирования категориями необходимого и случайного существенно отличают диалектический метод познания от метафизического. Еще более глубоким ста-

⁶ См.: Широков Д. И. Необходимое и случайное // Материалистическая диалектика: Законы и категории. Ташкент, 1982. С. 246.

⁷ См.: Плеханов Г. В. Избр. филос. произведения. М., 1956. Т. 2.

новится это различие, когда речь заходит об источнике развития.

В ряду метафизических представлений о развитии центральное место заняла концепция механистического детерминизма, которая пытается все многообразие движений свести лишь к механическому движению, понимаемому как перемещение тел в пространстве. Согласно этой концепции причины любых изменений такого движения находятся не в данном теле, а вне его, поведение тела зависит только от воздействия на него других тел и жестко, однозначно детерминировано этими воздействиями. Отыскивая причину, источник движения во внешних воздействиях, механистический детерминизм во всех своих вариантах неизбежно приходил к идее первотолчка и в этом пункте вольно или невольно смыкался с откровенно теологическими учениями. Отсюда вытекал и фаталистический взгляд на мир, согласно которому все происходящее заранее предопределено и нет места никакой случайности.

Диалектико-материалистическое учение о борьбе противоположностей как источнике развития показывает, что развитие любого объекта в конечном счете осуществляется как результат борьбы противоположных сторон, тенденций, присущих ему самому, новое в объекте появляется в процессе разрешения его собственных внутренних противоречий. Внутренние противоречия есть источник самодвижения материи, конечная внутренняя причина саморазвития любого объекта. Поэтому, познавая закономерное как необходимое в объекте через уяснение внутренних причин его развития, познающий субъект должен исследовать внутренние противоречия этого объекта, выделить среди них основное и главное, установить характер связи неосновных противоречий с основным, проанализировать возможные способы и направления их разрешения. При этом следует иметь в виду, что основное противоречие в любом объекте само всегда необходимо, а неосновные могут быть как необходимыми, так и случайными.

Анализ внутренних противоречий является очень важным познавательным требованием, так как оно, вырастая из принципа детерминизма, в то же время служит одной из конкретизаций принципа самодвижения материи, который решительным образом отли-

чает диалектический метод познания от метафизического.

В отличие от случайного, которое в некоторых заданных условиях может возникнуть, а может и не возникнуть, необходимое возникает всегда и не может не возникнуть, коль скоро повторно начинают действовать соответствующие причины при сохранении заданных внешних условий. Поскольку повторяемость является существенным (хотя и недостаточным) признаком необходимого, субъект познания должен стремиться обнаружить и исследовать повторяющиеся, возобновляющиеся характеристики изучаемых объектов. Весьма эффективным средством познания в этом отношении служит эксперимент, позволяющий многократно воспроизводить исследуемые процессы в строго заданных условиях.

Повторяемость сближает категорию необходимого с категорией общего⁸ (ибо общее тоже повторяется), но не делает эти категории равнозначными. Во-первых, повторяться может и случайное, поэтому обнаружение повторяемости еще не доказывает необходимости. Во-вторых, иногда и необходимое может быть единичным. Например, единичными являются уникальные, неповторимые и в то же время необходимые черты исторических событий, обусловленные внутренними закономерностями их разворачивания. В целом тенденция такова, что необходимое чаще выступает как общее, а случайное больше связано с единичным. Эту тенденцию следует использовать в качестве полезного ориентира в познавательной деятельности.

Особый характер имеет связь необходимого и всеобщего. В. И. Ленин подчеркивал, что «необходимость *н е о т д е л и м а* от всеобщего»⁹. Это означает, что всеобщее всегда необходимо и не содержит в себе случайного, а необходимость является неотъемлемой стороной всеобщего, что необходимое выражает универсальную закономерность, а также отдельные ее стороны, выступающие в качестве законов. Однако это не значит, что необходимое — это всегда только всеобщее. Отождествление необходимого со всеобщим, проведенное последовательно, — это ошибка, приводящая к размыванию границ всеобщего, с одной стороны,

⁸ См.: Широканов Д. И. Указ. соч. С. 217.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 72.

и к неоправданному сужению значения необходимого — с другой. Из сказанного можно вывести следующее правило: познавая всеобщее в каком-либо явлении, субъект познания одновременно познает и необходимое, но не все необходимое, а лишь его часть, хотя и весьма существенную.

Еще одним признаком, отличающим необходимое как содержание закона от случайного как формы его проявления, служит относительно большая устойчивость, неизменность, «крепость» необходимого и, наоборот, относительно большая изменчивость, текучесть, «податливость» случайного. Учитывая это в познавательной деятельности, надо стремиться выявить в изучаемом явлении устойчивое, инвариантное по отношению к изменению внешних условий, сохраняющееся относительно длительное время, проявляющее себя на разных этапах развития исследуемого объекта. Выявленная таким образом устойчивость в совокупности с другими признаками может служить доказательством обнаружения необходимого. Далее, надо проанализировать связи устойчивого и изменчивого, и если окажется, что изменчивое детерминировано устойчивым, то можно с большой степенью уверенности отнести это устойчивое к необходимому.

Познание содержания закономерности в форме необходимого и проявления его через случайное нельзя осуществить достаточно полно и глубоко, не обращаясь к категориям сущности и явления. Категория необходимого очень тесно связана с категорией сущности — все, что относится к сущности какого-либо процесса или предмета, является для него необходимым. Поэтому, стремясь уловить необходимое в вещах, познающий субъект обязан проникать в их сущность, общегносеологический закон движения от явления к сущности служит также частным правилом в познании необходимого.

Необходимое в любом объекте не исчерпывается его сущностью, оно находит себе место не только в сфере сущности, но и в сфере явления. И это не удивительно, ибо сущность, включающая в себя только необходимое (но не все необходимое) для данного объекта, проявляет, выражает себя через явление. Случайное не имеет места в сфере сущности, в сфере же явления случайное соседствует, переплетается, взаимодействует с необходимым, поэтому,

в частности, явление многообразнее, богаче, изменчивее своей сущности. Возникает достаточно сложная задача дифференциации необходимого и случайного в сфере явления. Наряду с уже рассмотренными выше правилами познания необходимости изрядным подспорьем в решении этой задачи может служить следующая тенденция: то в явлении, что прямо зависит от сущности, непосредственно из нее вырастает, есть необходимое; то, что в явлении детерминировано сущностью не непосредственно, а опосредованно через компоненты самого явления, может быть необходимым, а может быть и случайным; то же, что детерминировано внешними взаимодействиями и испытывает минимальное влияние сущности,— это случайное. В целом категория необходимого ближе к категории сущности (обе они служат выражением закономерности), а категория случайности — к категории явления.

Познание необходимого предполагает весьма активное оперирование категориями возможного и действительного, так как между этими парами категорий существует достаточно глубокая взаимосвязь. Действительность представляет собой совокупность, переплетение необходимого и случайного. Познание действительного состояния любого объекта требует выделения из безграничного многообразия всех его признаков необходимых сторон и связей, ибо именно необходимое в первую очередь характеризует содержание закономерного. Затем требуется выявить связь необходимого и случайного, вскрыть конкретный механизм детерминации внешнего, текучего, случайного внутренним, устойчивым, необходимым. Но и этого для глубокого познания необходимого еще недостаточно — ведь устойчивость, неизменность всегда относительна, постоянное движение есть жизнь любой вещи, и движение это затрагивает не только сферу явления, но и сферу сущности. Поэтому мало знать прошлое и фиксированное настоящее изучаемого объекта — это будет знание объекта омертвленного, лишенного движения, не имеющего будущего. Диалектика требует изучать все явления в движении, в развитии. С этих позиций действительное — это не застывшее «то, что уже есть», оно постоянно воспроизводит себя путем реализации в нем же содержащихся возможностей, изменяется, развивается. Возникновение, развитие и реализация самих возможностей тоже подчинены своим

закономерностям, тоже имеют свои внутренние и внешние причины. Следовательно, и в анализе сферы возможного субъект познания должен оперировать категориями необходимого и случайного. Познавательным ориентиром при этом должна служить следующая общая тенденция. Необходимостью характеризуются такие возможности, которые в соответствующих условиях реализуются обязательно, т. е. реальные конкретные возможности. Само возникновение таких возможностей, а также их развитие и реализация детерминированы главным образом внутренними причинами. Другими словами, такие возможности есть закономерный продукт всего развития объекта. Случайностью характеризуются формальные, абстрактные возможности, которые могут реализоваться, а могут и не реализоваться, могут реализоваться таким или иным способом, в то или иное время и т. д. Иначе говоря, это такие возможности, которые не вытекают закономерно из всего хода развития объекта, а обусловлены внешними причинами¹⁰.

Прежде чем перейти к рассмотрению познавательных правил, вытекающих из диалектики необходимого и случайного, заметим, что связь между собой полярных категорий, таких, как причина и следствие, общее и единичное, сущность и явление, возможное и действительное и т. д. сама носит необходимый характер. В этом заключается одно из проявлений глубокой взаимосвязи необходимого со всеобщим и закономерным.

Рассмотрим теперь познавательные требования, которые обусловлены диалектикой необходимого и случайного.

Донаучное (обыденное) и метафизическое мышление абсолютизирует противоположность необходимого и случайного. Энгельс писал: «Обычный человеческий рассудок, а с ним и большинство естествоиспытателей, рассматривает необходимость и случайность как определения, раз навсегда исключаящие друг друга. Какая-нибудь вещь, какое-нибудь отношение, какой-

Подробнее см.: Шенгулин А. П. Возможность и необходимость // Материалистическая диалектика: Законы и категории. С. 319—322; Довженко Л. П. Возможности формальные и реальные, абстрактные и конкретные // Там же. С. 322—324.

нибудь процесс случайны, либо необходимы, но не могут быть и тем и другим»¹¹.

Действительно, необходимое и случайное — противоположности, но противоположности не абсолютные, не застывшие, не мертвые, а относительные, живые, диалектические. Стремясь к глубокому и всестороннему познанию действительности, субъект должен непременно учитывать взаимосвязь, взаимодействие, взаимопереходы необходимого и случайного, короче говоря, их диалектику.

Диалектика необходимого и случайного прежде всего проявляется в том, что, по словам Энгельса, случайность выступает как дополнение и форма проявления необходимости¹².

Необходимость не существует в «чистом» виде, освобожденном от всякой случайности, она проявляет себя в случайном, через случайное, в облике случайного, прокладывает себе путь сквозь массу случайных отклонений от закономерности. Эти случайные отклонения выражают необходимое как тенденцию, расцвечивая каждый конкретный предмет и процесс множеством оттенков, не вытекающих из необходимости и обусловленных внешними обстоятельствами¹³.

Особенно ярко выступает проявление необходимого через случайное в массовых процессах, подчиняющихся статистическим закономерностям. Если брать отдельный случай, то здесь, по словам Маркса «господствует случайность, в которой, следовательно, внутренний закон, прокладывающий себе дорогу через эти случайности и регулирующий их, становится видимым лишь тогда, когда они охватываются в больших массах»¹⁴.

Случайное выступает также в качестве дополнения необходимого, ибо любой объект не может содержать в себе только необходимое (т. е. обусловленное его внутренними закономерностями), но обязательно должен иметь в себе и случайное, обусловленное особенностями его внешних взаимодействий.

В рассмотренном отношении диалектика необходимого и случайного напоминает диалектику сущности

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 532—533.

¹² См.: Там же. Т. 39. С. 175.

¹³ См.: Диалектический материализм/Под ред. А. П. Шептулина. М., 1974. С. 260.

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25, ч. II. С. 396.

и явления. И подобно тому, как сущность не только проявляется, выражает себя через явление, но в конечном счете и определяет его, необходимое как содержание закона определяет, детерминирует случайное как форму его проявления. Следовательно, дифференциация, разграничение необходимого и случайного в изучаемом объекте составляют лишь одну сторону задачи, стоящей перед познающим субъектом. Вторая (и даже, может быть, более важная) ее сторона заключается в установлении взаимосвязи между случайным и необходимым, в выявлении конкретного механизма детерминации первого вторым. Познающий субъект должен стремиться разглядеть за случайным необходимое, переходя таким образом от познания проявления закона к познанию его содержания, его сущности. И наоборот, зная необходимое в изучаемом объекте, субъект познания должен прослеживать те связи, посредством которых необходимое определяет, детерминирует случайное, выявлять все многообразие путей, по которым необходимое переходит, переливается в случайное.

В познавательной деятельности надо учитывать, что случайное в одном отношении может оказаться необходимым в другом отношении, и наоборот. Только определив и зафиксировав некоторое отношение, субъект познания приобретает достаточное основание судить о том, необходимым или случайным является рассматриваемое событие, или что в этом событии является необходимым, а что — случайным.

И наконец, необходимое здесь и теперь может стать случайным там и тогда и, наоборот, случайное может при соответствующих условиях перейти в необходимое. Исключение составляет лишь всеобщее, которое всегда и везде остается необходимым. Взаимопереходы необходимого и случайного являются особенно важным моментом их диалектики. Осознание условий этих взаимопереходов служит завершающим этапом в познании необходимого, именно к нему должен стремиться познающий субъект, ибо это знание составляет один из главных компонентов теоретического обоснования практически-преобразующей, созидательной деятельности людей.

Категории необходимого и случайного, хотя взаимно предполагают и дополняют друг друга, все же не равноправны. Ведущей в этой паре является кате-

гория необходимого, выражающая моменты закономерного, универсального, существенного. Поэтому и в познании, и в практике следует в первую очередь учитывать необходимое, опираться на него, — только на этой основе можно понять и практически использовать также и случайное.

* * *

Научная мысль долго искала способ подведения случайности под закон. Вначале это было сделано по отношению к массовым случайным событиям, т. е. к таким последовательностям или совокупностям событий, в которых элементы не имеют жесткой упорядоченности и взаимной детерминации и осуществление того или иного конкретного события однозначно не предопределено. В таких совокупностях нельзя предсказать с определенной достоверностью наступление события. Рассмотрение таких событий по отдельности не позволяет найти способ их предсказания. Выход из затруднения был найден в переходе от единичного к массовому, к множеству. Диалектика ищущего мышления выразилась в данном случае в переходе от строго определенного и однозначного знания к знанию, не обладающему такой определенностью и однозначностью. В XVII—XVIII вв. Г. В. Лейбниц, Якоб и Даниил Бернулли, П. Лаплас и другие ученые разработали вероятностный подход к описанию и предсказанию массовых случайных событий. В 20-х годах XIX в. бельгийский ученый А. Кетле получил первые практически значимые результаты в области социальной статистики, установив количественные показатели в отношении рождения мальчиков и девочек, а также в отношении уголовных преступлений. Впервые была доказана подчиненность случайности закономерностям, а тем самым вскрыт особый тип действующей за случайностью необходимости — вероятностной, статистической необходимости. Так был найден ответ на вопрос о способе познания случайных событий.

Количественный подход к случайным событиям позволил открыть закон, управляющий этими событиями, его специфический характер, а также указал на своеобразие причин, вызывающих такие события. Эти причины носят переменчивый и неупорядоченный характер. Но воздействие этих беспорядочных измене-

ний, как отмечал французский философ и математик Л. Курно, взаимно поглощается и исчезает в средних результатах большого числа событий. Благодаря этому они не оказывают влияния на меру возможностей событий того или иного рода, несмотря на то, что в каждом отдельном случае именно они решают вопрос: совершится ли событие A или событие B ¹⁵. Таким образом, статистический подход дает возможность исключить влияние случайных причин и открывает путь к постоянным причинам, что и является, по утверждению Курно, главной целью статистических исследований ¹⁶.

Итак, вероятностный, статистический подход к случайным явлениям позволил и эти явления рассматривать с точки зрения необходимости, закона. В то же время он показал относительную независимость статистической необходимости от единичных случайностей. Она проявляет себя при любом конкретном характере и любой последовательности случайных событий данного рода при данных условиях. Массовые случайные события показывают, что случайность может быть связана с необходимостью различным способом. В совокупностях таких событий отдельное событие не может быть непосредственным проявлением необходимости. Таким проявлением является масса событий — статистическая совокупность. А из этого следует, что статистические методы не могут отражать однозначно поведение отдельного элемента таких совокупностей. Используемое в этом подходе понятие вероятности определяет лишь количественную меру реализации возможных событий, степень осуществимости случайного. Реализовавшаяся случайность является одним из возможных исходов соответствующего процесса и как таковая свидетельствует о наличии других возможных случайностей. Статистический подход показывает также безразличие действующей в массе случайных событий закономерности к конкретному характеру причин, вызывающих то или иное индивидуальное событие. Наконец, наличие у совокупности случайных событий общего вероятностного закона позволяет рассматривать ее как некоторое целое, в котором только и действует этот закон, а это, в свою очередь, ориен-

¹⁵ Курно А. Основы теории шансов и вероятностей. М., 1970. С. 174.

¹⁶ Там же.

тирует на поиск общей глубинной основы этих событий, определяющей данный закон. Таким образом, количественный и феноменологический характер статистических исследований требует перехода на иной уровень исследования — на уровень качественного и сущностного анализа.

От совокупностей случайных событий, где каждая реализовавшаяся случайность не влияет на наступление и на характер других случайностей, следует отличать вероятностные, или стохастические, процессы. Течение таких процессов также не отличается однозначностью и не может быть предсказано достоверно. На их ход большое влияние оказывает случай. Но в этих процессах реализовавшиеся случайности более тесно связаны с тканью всего процесса и, войдя в его структуру, определяют дальнейший ход процесса, а тем самым и определенный спектр и характер новых возможных случайностей, становятся их предпосылкой, условием их возникновения. Таким образом, рассмотрение случайностей в плане стохастических процессов представляет собой рассмотрение случайностей с точки зрения их влияния на этот процесс, а также с точки зрения влияния на возникновение и характер случайности факторов, входящих в этот процесс. Если примером статистической совокупности может быть то или иное количество выпущенных из орудия в ту или иную точку снарядов, отличающихся разной степенью попадания (разным распределением вероятности), то к числу стохастических процессов можно отнести броуновское движение и другие тепловые и газовые процессы, процессы в атмосфере земли и т. п. К стохастическим относятся процессы физической, химической и биологической эволюции во вселенной и на нашей планете.

Наконец, укажем еще на процесс научного поиска, который также носит вероятностный характер. Ход этого процесса не предопределен, участвующие в нем факторы возникают и действуют с большей или меньшей вероятностью, и в нем также большую роль играет случай. Из всего этого очевидно, что наличие в мире стохастических процессов, которые возникают и развиваются с определенной неизбежностью, требует от диалектической теории объяснения роли случайностей в этих процессах, раскрытия механизма их возникновения, показа необходимости самих этих случайностей.

Рассмотрению могут быть подвергнуты и единичные случайные события. Каждое такое событие представляет собой реализацию одной из серии возможностей данного рода. Задача исследования в этом случае состоит в том, чтобы определить вероятность наступления того или иного события из данной совокупности возможностей. Но, кроме того, необходимо объяснить, почему осуществилась та, а не другая возможность. В квантовой механике вероятностные методы стали использоваться для исследования не столько свойств совокупностей, сколько для исследования свойств и закономерностей поведения отдельных микрообъектов. Различные вероятности поведения микрообъекта рассматриваются в квантовой механике как внутренне присущие ему потенциальные возможности поведения, из спектра которых реализуется какая-либо одна возможность.

Именно поэтому В. Гейзенберг характеризует квантовую механику как науку о потенциальных возможностях в микромире ¹⁷.

Современные физики считают, что такой характер поведения квантовых объектов обусловлен, с одной стороны, глубинными внутренними свойствами этих объектов, прежде всего их строением и состоянием, а с другой стороны, внешними условиями, оказывающими воздействие на эти объекты. Таким образом, случайное событие может быть понято в свете взаимодействия внутреннего и внешнего. При этом как внутреннее, так и внешнее должны рассматриваться как некоторый набор факторов, действующих не однозначно, а вероятно в рамках определенного спектра возможностей.

От науки требуется поиск стоящей за случайностью необходимости, анализ более глубинных связей и отношений, лежащих в основе всех видов случайности, изучение особенностей проявления необходимости в случайностях. Исследование должно дать ответ на вопрос: каким образом случайное событие приводит к общим закономерным результатам? Принцип детерминизма говорит о причинной обусловленности всех явлений, в том числе и случайных. Но дело в том, что детерминация в отношении случайности сложна и неоднозначна. Гегель выразил это в виде антиномии:

¹⁷ Гейзенберг В. Физика и философия. М., 1963. С. 153.

«...случайное не имеет основания, потому что оно случайно; и точно так же оно имеет основание, потому что оно случайно»¹⁸. С позиции детерминизма эта антиномия может быть решена в том смысле, что случайное имеет основание, поскольку оно реализовалось, но в то же время это основание недостаточно для того, чтобы данная случайность стала необходимым, реализующимся с непреложностью, т. е. налицо отсутствие таких факторов, такого основания, благодаря которому такое событие было бы неизбежным. Следовательно, случайность имеет особый вид детерминации.

Случайные события указывают на такую специфику детерминации, которая выражается в неопределенности и неоднозначности, в наличии множества различных детерминирующих факторов, в вероятностном характере их действия. Изучение этой специфики требует соблюдения ряда методологических требований, среди которых основными являются следующие: учет каузальной природы случайности; рассмотрение ее в единстве с необходимостью, по отношению к которой она выступает как «дополнение и форма проявления»¹⁹ и в результате этого обладает информативностью по отношению к необходимости; понимание необходимого закономерного характера случайности; принятие во внимание множественности и разнообразия обуславливающих случайность факторов; рассмотрение случайностей в широкой системе релевантных процессов и факторов; вероятностное истолкование природы случайности; классификация случайностей и определение конкретного типа случайности в зависимости от вида связанной с нею необходимости и других обуславливающих ее факторов. Случайность может быть вызвана различными факторами и, следовательно, имеет разное происхождение. Эти факторы могут действовать как обособленно, так и во взаимодействии друг с другом. Различие в способе возникновения случайностей может быть одним из оснований их типологии.

Одним из источников возникновения случайностей является пересечение разных каузальных цепей. Аристотель писал об этом так: «...когда подобные события происходят из совпадения, мы называем их случай-

¹⁸ Гегель Г. В. Ф. Наука логики. М., 1971. Т. 2. С. 191.

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Избр. произведения. М. 1955. Т. 2. С. 485.

ными...»²⁰ «...Случай принадлежит к числу причин по совпадению...»²¹ Происшедшее таким образом событие Аристотель называет привходящим. Он пишет: «...само по себе... есть то, что благодаря самому себе присуще каждой вещи, а то, что присуще не благодаря самому себе, есть привходящее или случайное; например если в то время как кто-нибудь идет, сверкнула молния, то это случайно, ибо молния сверкнула не вследствие хождения, а это, говорим мы, произошло случайно»²². Дж. Ст. Милль, продолжая ту же мысль, подчеркивал отсутствие внутренних связей между вызвавшими случайность причинами: «В каждом отдельном случае эти случайные соединения фактов представляют следствие известных причин и, следовательно, законов. Но это следствие различных причин, притом причин, не связанных одна с другой никаким законом»²³. Одновременно с цитируемым сочинением Милля, относящимся к 1843 г., вышел упоминавшийся ранее труд А. Курно по статистике. Для него случай также есть результат встречи или комбинаций явлений, принадлежащих к различным причинным рядам»²⁴. На основе анализа случайности Курно выделяет закономерные (постоянные) и случайные причины. Последние обуславливают наличие в мире своего рода «переменных», т. е. феноменов, которые могут реализоваться по-разному в зависимости от этих причин. Случайные причины и сам случай оказывают значительное влияние на ход и характер мировых процессов. Курно пишет: «...правильно говорят, что миром управляет случай, или, говоря точнее, случай имеет свою часть, и притом весьма значительную, в управлении вселенной»²⁵.

Случайности этого рода связаны с необходимостью множественным образом — одновременно с каждой из пересекающихся необходимостей. И, порождаемые этими необходимостями, они выступают как их дополнение. При изучении таких случайностей наука может определить возможность их наступления, установив

²⁰ *Аристотель*. Соч. М., 1981. Т. С. 92.

²¹ Там же. С. 100.

²² Там же. М., 1978. Т. 2. С. 264.

²³ *Милль Дж. Ст.* Система логики. М., 1914. С. 479.

²⁴ *Курно А.* Указ. соч. С. 85—86.

²⁵ Там же. С. 92.

вероятность взаимодействия соответствующих причинных рядов. Но, помимо этого, она может применить к таким случайностям информационный подход и получить сведения о связанных с этими случайностями необходимых процессах, поскольку как следствия последних они отражают в себе их свойства. Значение этого вида случайностей для познания заключается в том, что они подсказывают исследователю способ получения новых познавательных ситуаций, которые могут привести к совершенно неожиданным результатам. Зная те или иные причинные связи и зависимости, ученые могут сознательно (а часто это происходит и неосознанно, непреднамеренно) приводить их во взаимодействие, в столкновение, стремясь получить определенный эффект. А ведь именно во взаимодействии различных процессов и проявляются необходимые признаки последних. Через подобные случайности раскрывается способ и характер взаимодействия различных рядов событий, а также механизмы их пересечения, наложения друг на друга. Поскольку взаимодействующие ряды независимы друг от друга, то только из анализа их самих этот механизм не может быть понят. Данная случайность ориентирует на исследование более широких систем и структур, в сфере которых находятся взаимодействующие причинные ряды, и на поиск именно в этой сфере тех факторов, которые обуславливают осуществляющееся взаимодействие.

Для рассматриваемого вида случайности источником ее возникновения является внешний фактор, поскольку каждая из взаимодействующих необходимостей является внешней по отношению к другой. Но в качестве внешнего фактора, порождающего случайность, может выступать не только какая-либо необходимость, но и множество всевозможных, несущественных, поверхностных, неустойчивых, единичных явлений и свойств. Через эти факторы та или иная необходимость вступает в отношения со всем разнообразием и богатством специфического содержания данной конкретной ситуации. Возникающая при этом случайность сама оказывается несущественной, второстепенной, мимолетной и т. п. Она характеризуется противоречивостью, поскольку, с одной стороны, связана с соответствующей необходимостью и отражает ее, а с другой стороны, воспроизводит и это внешнее, которое может заслонять свойства необходимости.

Но именно через нее и отражаются отношения внутреннего и внешнего.

В такой случайности та или иная необходимость проявляется неполно и не непосредственно, а какой-либо своей стороной, и ее реализация в случайности есть лишь одна из возможностей ее проявления, зависящая от конкретного характера внешних условий. О случайности поэтому нельзя говорить безотносительно к условиям ее возникновения. Но как раз благодаря этому случайность оказывается информантом не только по отношению к соответствующей необходимости, но и к этим условиям, что должно использоваться в познавательной деятельности. Однако именно из-за этой двойственной информативности случайного в наши знания вносится элемент неопределенности и непредсказуемости. Через случайности, в которых отражаются побочные факторы, в знание тех или иных необходимых связей вкрадываются неточности. Американский физик Д. Бом отмечает, что «причинные законы неизбежно содержат в себе ошибки, являющиеся результатом того, что не учитываются случайные флуктуации, возникающие в кругах явлений, внешних по отношению к рассматриваемым данным причинным законам; наоборот, законы случая должны содержать ошибки, являющиеся результатом того, что не учитываются причинные взаимосвязи, вносимые законами, справедливыми в более широких сферах»²⁶.

Если случайность является следствием воздействия на тот или иной объект или явление какой-либо внешней причины или других внешних факторов, то такая случайность содержит в себе информацию двоякого рода. Во-первых, она является информантом об этой внешней причине и этих факторах, поскольку они, порождая ее, с неизбежностью отражаются в ней. Во-вторых, она несет в себе информацию о самом подвергнутом воздействию объекте или явлении, поскольку последние реагируют на это воздействие вполне определенным образом, в соответствии со своей природой, которая тем самым отображается в возникшем случайном эффекте.

²⁶ Бом Д. Причинность и случайность в современной физике. М., 1959. С. 239.

Из всего этого вытекают вполне определенные требования для познания, а именно умение отделять в случайности содержание, обусловленное той или иной необходимостью, от содержания, вызванного внешними обстоятельствами; умение увидеть в этом внешнем те причины, которые вызвали специфические изменения или проявления необходимого; не следует останавливаться на этом непосредственном внешнем, а искать за ним другие, более глубокие детерминирующие факторы.

Источником случайности могут быть внутренние причины и другие факторы, свойственные природе того или иного процесса или явления, например случайные, хаотические движения молекул газа. В отношении этого вида случайности поиск ее причин должен быть направлен на свойства самих объектов и их составных частей, на лежащий за ними более глубокий уровень явлений и процессов. Но и в этом случае должна допускаться относительная независимость названных факторов и вероятностный характер их поведения и взаимодействия. Подобная случайность имеет место в квантовомеханической области явлений. Там нельзя обойтись без нее. Объяснение случайных флуктуаций в квантовомеханической области нужно искать, по мнению Бома, на субквантовомеханическом уровне. При этом он предполагает наличие новых черт как у причинных законов этого уровня, так и у законов случая. Таким образом, если внешняя случайность отражает внешний план существования явлений, то через противоположный вид случайности открывается путь к внутреннему плану этих явлений. Следовательно, познание должно рассматривать эти случайности в единстве, поскольку только так можно более полно, всесторонне и адекватно постичь содержание явлений.

Для изучения случайностей важно единство и двух других противоположных подходов, один из которых учитывает индивидуальные свойства и поведение соответствующих явлений, их известную автономность, а другой — интегральные, целостные свойства всей совокупности или системы явлений с вероятностным поведением. Каждое из таких явлений обладает определенным спектром возможностей поведения, но какая из возможностей реализуется — зависит не только от индивидуальных особенностей явления, но и от свойств целостности. В данном случае имеет место

взаимодействие индивидуального и целостного, носящего характер противоречия, конфликта, чем и определяется конкретный характер происшедшего в данной статистической системе случайного события. Благодаря этому такое событие отражает как индивидуальное свойство взаимодействующих объектов, так и общие свойства системы. Можно сказать, что из взаимодействия автономного и интегрального планов систем вероятностных явлений и возникают случайные события. К примеру, в том или ином объеме газа каждый атом обладает в известной мере некоторыми собственными значениями основных характеристик своего поведения — скорости и направления движения. Но в то же время он попадает под влияние ансамблевых характеристик системы — массового и многократного взаимодействия ее элементов, что определяется общим числом этих элементов, температурой, давлением. Интегральное свойство массовости обуславливает другое целостное свойство статистических ансамблей — взаимное погашение случайных отклонений, благодаря чему и имеет место статистический закон для таких ансамблей. Ансамблевые характеристики систем нивелируют также влияние не только индивидуальных свойств самих отдельных элементов, но и индивидуальных особенностей конкретных условий и факторов, влияющих на поведение того или иного отдельного элемента. Таким образом, совокупные факторы и свойства ставят поведение отдельных объектов в определенные рамки, устанавливая для них более или менее ограниченный диапазон флуктуаций. Благодаря наличию такого диапазона и возможно среднее значение, статистическая характеристика флуктуаций. Если индивидуальные свойства элементов и конкретных условий и факторов, воздействующие на поведение каждого элемента, обуславливают отклонения в этом поведении, то общее свойство статистического коллектива нивелирует эту индивидуальность и конкретность и обеспечивает функционирование общей закономерности. Ансамблевые свойства и общие внешние условия существования всей системы допускают лишь определенное количество возможных взаимодействий и комбинаций участвующих в статистическом процессе компонентов. Вся специфика поведения индивидуального объекта будет поэтому по-разному проявляться, в зависимости от характера целостных свойств, а сле-

довательно, от этого будет зависеть характер и количество случайных событий. В зависимости от этого будут возрастать или уменьшаться шансы таких событий.

Итак, в возникновении случайности играют роль внутренние и внешние факторы, индивидуальные свойства объектов и интегральные характеристики совокупностей и систем объектов. Уже из этого видно, что случайность имеет место там, где налицо определенное множество разнообразных факторов и условий. При этом в отличие от однозначной необходимости эти факторы и условия сами обладают вероятностным характером, т. е., как и порождаемые ими случайности, они могут быть такими и другими, могут действовать так и иначе, могут быть и не быть. Так, неповторяемость и разнообразие условий внешней среды являются причиной возникновения отклонений, случайностей в развитии живых организмов, что, в свою очередь, ведет к разнообразию форм этих организмов. Из этого следует, что для познания законов случая нужно познать закономерности тех стохастических явлений и процессов, под влиянием которых возникают случайности, рассматривать случайности в широкой системе релевантных факторов, связей и отношений. Человек способен превратить случайное явление в необходимое. Обнаружив какую-либо случайность, являющуюся следствием стихийного стечения обстоятельств, он может изучить условия ее появления и затем уже сознательно создавать эти условия, повторяя данную операцию любое количество раз. Так ранее случайное событие приобретает черты постоянства, регулярности.

Глава седьмая

ДИАЛЕКТИКА КОЛИЧЕСТВЕННОЙ И КАЧЕСТВЕННОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТЕЙ

Взаимообусловленность количественной и качественной определенностей как один из принципов диалектической логики опирается на закон перехода количественных изменений в качественные и обратно, на категории качества, количества и меры как в их онто-

логическом, так и гносеологическом аспектах и на этой основе предписывает субъекту необходимость выполнения в определенной последовательности ряда конкретных познавательных (или практических) действий.

Так как качество и количество суть всеобщие формы бытия, т. е. стороны, присущие всем предметам и явлениям действительности, а отражающие их категории формируются на одной из начальных ступеней развития познания (вместе с категориями единичного и общего), то, приступая к изучению любого объекта, необходимо проанализировать его прежде всего в аспекте качества и количества. А для этого нужно выявить составляющие их свойства (учитывая при этом закономерность движения познания от качества к количеству и затем к мере). Свойства же каждой вещи проявляются в ее отношении к другим вещам, во взаимодействии с ними. Следовательно, для полного исследования качественной определенности предмета нужно стремиться рассмотреть его во всех связях и отношениях, во всех взаимодействиях с другими предметами. «Чтобы действительно знать предмет,— подчеркивал В. И. Ленин,— надо охватить, изучить все его стороны, все связи и „опосредствования“». Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и от омертвления¹.

Выявленные свойства предмета не являются однородными и не соединяются в те или иные совокупности произвольно или случайно. Поэтому следующее методологическое требование состоит в классификации этих свойств, в качественном отграничении одних совокупностей свойств от других (сообразно тому, в каких конкретных условиях, в каких отношениях вещи проявляются эти свойства). Данное методологическое требование имеет своей объективной основой многокачественность вещей. Так, например, исследуя металлы и сплавы, мы различаем, дифференцируем следующие их свойства: механические (прочность, пластичность, твердость, вязкость); физические (плотность, электропроводность, теплопроводность); химические (химическая активность, способность к химическому взаимодействию с агрессивными средами, антикоррозионные свойства); технологические (литейные

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 290.

свойства, ковкость, свариваемость, обрабатываемость режущим инструментом); эксплуатационные или служебные (хладостойкость, жаропрочность, способность прирабатываться к другому материалу)².

При этом следует иметь в виду, что в каждом конкретном случае на первый план выступает (и, следовательно, требует первостепенного анализа) какое-то одно качество — совокупность свойств, проявившихся у вещи в данном отношении. Поэтому нужно всегда уметь выделять это качество (а не брать произвольно то или иное определение предмета), опираясь на практическую деятельность (ставящую изучаемый предмет в различные отношения к другим предметам, в том числе и к самому человеку) и практические потребности. Это методологическое требование Ленин пояснил на широко известном примере со стаканом³.

Следующее важное методологическое требование заключается в выявлении основного качества вещи (которое характеризует ее во всех отношениях к другим вещам, во всех связях и взаимодействиях) и в анализе его соотношения как с качеством, выступившим на первый план в данных условиях, так и со всеми другими ее качествами. Все эти требования неразрывно взаимосвязаны между собой и как бы дополняют друг друга.

Блестящим образцом применения этих требований к конкретному исследованию является анализ В. И. Лениным роли профсоюзов и его полемика по этому вопросу с Троцким и Бухариным. В статье «Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина» Ленин показал, что, определяя роль профсоюзов, ни Троцкий, ни Бухарин не выполнили ни одного из указанных методологических требований, впад в ошибку односторонности (Троцкий) и эклектизма (Бухарин). Они не поняли «того, что надо и можно подойти к профсоюзам, как к школе, и тогда, когда ставишь тему о «советском тредюнионизме», и тогда, когда говоришь о производственной пропаганде вообще, и тогда, когда... ставишь вопрос... об участии профсоюзов в управлении

² О свойствах металлов и сплавов см., например: *Дальский А. М.* и др. *Технология конструкционных материалов*. М., 1977. С. 8—12.

³ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 42. С. 289.

производством... Не «с одной стороны, школа, с другой — нечто иное», а *со всех сторон... профсоюзы суть школа, школа объединения, школа солидарности, школа защиты своих интересов, школа хозяйничанья, школа управления*»⁴.

Свойства, составляющие качественную определенность, могут быть как единичными, так и общими. Поэтому наряду с выявлением качественного своеобразия предметов необходимо установить также и их качественное тождество, единообразие. Отделение общего от единичного и сравнение различных предметов по общим свойствам является необходимой предпосылкой исследования количественной определенности предметов. «...Различные вещи,— подчеркивал Маркс,— становятся количественно сравнимыми лишь после того, как они сведены к одному и тому же единству. Только как выражения одного и того же единства они являются одноименными, а следовательно, соизмеримыми величинами»⁵. «Что является предпосылкой всего лишь *количественного* различия вещей? Однородность их *качества*»⁶.

Следующий шаг состоит в выявлении взаимосвязи качества и количества, в раскрытии меры предмета, в определении тех количественных границ, в пределах которых может существовать данное качество.

Методологическое требование, ориентирующее нас на необходимость исследования качественной, количественной и мерной определенностей любого предмета, основывается на их всеобщности как форм бытия. Последовательность же, которой мы руководствуемся при выявлении этих определенностей, вытекает из закономерности движения познания от качества к количеству и затем к мере.

Нельзя ограничиваться изучением либо качественной, либо количественной стороны предмета. Тем более нельзя ее абсолютизировать. Как показывает опыт истории философии и конкретных наук, такая абсолютизация неизбежно приводила к серьезным ошибкам, к крайностям, к односторонности научного поиска и значительно мешала вследствие этого дальнейшему прогрессу научного познания.

⁴ Там же. С. 292.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 58—59.

⁶ Там же. Т. 46, ч. I. С. 117.

Качество, количество и их взаимосвязь (мера) фиксируются сначала на уровне внешнего, на уровне явления. Но затем познание проникает в сущность вещей (первого, второго и т. д. порядка), раскрывает все более и более глубокую их качественную и количественную определенность, обогащая категории качества и количества и уточняя их содержание. Движение познания от качества к количеству и затем к мере происходит, таким образом, циклами (по спирали), с повторением пройденного на все более и более глубокой основе.

А эта закономерность познавательного процесса предъявляет субъекту методологическое требование не останавливаться на уже открытых качественных и количественных характеристиках, а проникать все глубже и глубже в качественную и количественную определенности вещей, раскрывать все новые закономерности взаимосвязи между ними.

Реализацию рассмотренных требований в конкретном научном исследовании можно проследить, например, на анализе К. Марксом товара — элементарной «клеточки» капиталистического способа производства. Начиная анализ товара, Маркс выявляет сначала качественную и количественную определенности его потребительной стоимости. «Товар, — писал Маркс, — есть прежде всего внешний предмет, вещь, которая, благодаря ее свойствам, удовлетворяет какие-либо человеческие потребности»⁷. Совокупность свойств такой вещи, делающих ее полезной для человека, и составляет качественную сторону товара как потребительной стоимости, его качественную определенность.

Но потребительные стоимости имеют не только качественную, но и количественную характеристику. «При рассмотрении потребительных стоимостей всегда предполагается их количественная определенность, например дюжина часов, аршин холста, тонна железа и т. п.»⁸ «Каждую полезную вещь, как, например, железо, бумагу и т. д., — заметил Маркс, — можно рассматривать с двух точек зрения: со стороны качества и со стороны количества»⁹.

⁷ Там же. Т. 23. С. 43.

⁸ Там же. С. 44.

⁹ Там же. С. 43.

Будучи определена как качественно, так и количественно, каждая полезная вещь (как и всякая вещь вообще) имеет свою меру. Следовательно, и мера товара также раскрывается прежде всего как мера его потребительной стоимости, как мера полезной вещи.

Продолжая анализ товара в аспекте этих же категорий, но на более глубоком уровне их применения, Маркс показал, что за вычетом свойств, составляющих качественную определенность товара как потребительной стоимости, у него остается еще более глубокое качество, стоимость, то, что в нем воплощен, материализован, опредмечен человеческий труд. Стоимость и есть та общая у всех товаров качественная основа, которая делает их в процессе обмена количественно соизмеримыми, несмотря на качественное различие и количественную несоизмеримость тех же самых товаров как потребительных стоимостей. Стоимость — это уже не внешняя, а внутренняя качественная определенность товара, это его качественная определенность на уровне сущности.

Выявив общее у всех товаров их общественно-экономическое качество, Маркс переходит к рассмотрению его количественной характеристики. Количественной стороной стоимости товара, показывает Маркс, является «кристаллизованная в нем масса труда», величина стоимости. Величина стоимости есть та «внутренняя, присущая самому товару меновая стоимость»¹⁰, которая определяет количественное соотношение товаров в процессе их обмена. «Стоимость товара *A*, — резюмирует Маркс, — качественно выражается в способности товара *B* непосредственно обмениваться на товар *A*. Количественно она выражается в способности определенного количества товара *B* обмениваться на данное количество товара *A*»¹¹.

Таким образом, стоимость также рассматривается Марксом как мера. Но это уже мера товара на уровне его сущности.

Выявив качественную и количественную определенности предмета, необходимо рассмотреть их в движении и развитии (и на уровне явления, и на уровне сущности), раскрыть особенности количественных и ка-

¹⁰ Там же. С. 44.

¹¹ Там же. С. 70.

качественных изменений, их взаимообусловленность и взаимные переходы друг в друга, т. е. рассмотреть не только меру (систему мер) предмета, но и смену одних мер другими мерами, раскрыть узловую линию отношений меры. Данное методологическое требование формулируется на основе закона перехода количественных изменений в качественные и обратно, и его применение в научном исследовании (и в познавательной деятельности вообще) также имеет очень большое (а иногда и решающее) значение. Весьма показательным в этом отношении является открытие Д. И. Менделеевым периодического закона и разработка периодической системы химических элементов, что позволило ему предсказать существование и свойства некоторых неизвестных еще в то время химических элементов. «Менделеев, — писал Ф. Энгельс, — применив бессознательно гегелевский закон о переходе количества в качество, совершил научный подвиг, который смело можно поставить рядом с открытием Леверье, вычислившего орбиту еще не известной планеты — Нептуна»¹².

Но закон Менделеева, устанавливая зависимость химических и физических свойств элементов от величины их атомного веса и от их места в периодической системе и раскрывая взаимосвязь между всеми элементами системы, а также между их свойствами (узловую линию отношений меры), не мог еще дать теоретического объяснения ни этой зависимости, ни этой взаимосвязи.

Менделеев «сознавал, что формулировка его закона имеет лишь характер констатации факта, но не объяснения его, что этот закон как бы извне налагается на химические элементы, а не вытекает логически из строения их атомов, тайну которого науке еще предстояло открыть»¹³.

С проникновением познания в сущность химических элементов, с раскрытием качественной, а затем количественной сторон этой сущности и их взаимосвязи, с рассмотрением этих сторон в изменении, в движении периодический закон Менделеева получил свое

¹² Там же. Т. 20. С. 389.

¹³ Агафонов Н. П. Избранные главы общей химии: (Основы строения вещества). М., 1956. С. 44.

теоретическое объяснение, а вместе с тем — более точную формулировку ¹⁴.

Еще большее значение имеет сознательное применение принципа взаимообусловленности количественных и качественных изменений. Так, Маркс, выявив качественную, количественную и мерную определенности товара (как на уровне явления, так и на уровне сущности), переходит к анализу движения мерных отношений (стоимостных отношений товаров), к смене одних мер другими мерами, к развитию товарного производства и обмена. Маркс вообще широко пользовался в «Капитале» принципом взаимообусловленности количественной и качественной определенностей, рассматривая его как одно из важнейших методологических средств, позволяющих раскрыть объективные, глубинные характеристики и процессы капиталистической общественно-экономической формации и воспроизвести их в научно-теоретическом мышлении.

Большое значение в анализе механизма движения мер имеет понятие скачка. Оно позволяет конкретизировать диалектику количественных и качественных изменений, ориентирует рассматривать процесс изменения и развития как единство и взаимосвязь непрерывности и прерывности, изменчивости и устойчивости, постепенности и скачкообразности.

В истории философии чрезвычайно распространенной была метафизическая точка зрения, абсолютизировавшая момент постепенности, непрерывности изменения и развития и отрицавшая существование скачков ¹⁵. Ее разделяли философы как идеалистического (Лейбниц, Кант и др.), так и материалистического (Гельвеций, Дидро и др.) направлений. В наиболее четкой форме она была впервые сформулирована Лейбницем: «Ничто не происходит сразу, и одно из моих основных и наиболее достоверных положений

¹⁴ Более подробно об этом см.: *Дмитриев Ю. Я.* Качество, количество, мера // Категории диалектики как ступени познания. М., 1971. С. 164—170.

¹⁵ Что касается истории естествознания, то здесь имела место как данная, так и прямо противоположная — также односторонняя — точка зрения, отрицавшая существование непрерывных изменений и сводившая процесс развития к ничем не подготовленным, метафизически понимаемым скачкам («теория катастроф» Кювье и др.).

это то, что природа никогда не делает скачков. Я называл это законом непрерывности...»¹⁶.

Данная точка зрения была подвергнута обстоятельной критике Гегелем. Всякое изменение, — показывает Гегель, — это не только уменьшение или увеличение, но по своему существу переход одного качества в другое, «иностановление». Постепенность же представляет собой «скорее как раз исключительно только безразличное изменение, противоположность качественному изменению»¹⁷. Поэтому с помощью категории постепенности нельзя объяснить ни возникновение новых качеств (и вещей), ни их прехождения. Это процессы выступают всегда как перерыв количественной постепенности, как скачок.

Данному положению уделил в «Философских тетрадах» исключительное внимание Ленин, особо подчеркнув, что «постепенность ничего не объясняет без скачков»¹⁸. «Чем отличается диалектический переход от недиалектического? — замечает он в другом месте. — Скачком. Противоречивостью. Перерывом постепенности. Единством (тождеством) бытия и небытия»¹⁹.

Будучи всеобщей формой перехода от одного качества к другому, скачок в каждом конкретном случае совершается по-разному. Поэтому большое методологическое значение имеет требование конкретного анализа форм скачков, а также глубины совершающихся в процессе скачка качественных преобразований.

Принцип взаимообусловленности количественной и качественной определенностей предъявляет ряд важных требований не только к познавательной, теоретической, но и к практической деятельности людей.

Поскольку качественные изменения могут произойти только лишь в результате количественных изменений, для проведения необходимых качественных преобразований в любой области действительности надо провести сначала соответствующие количественные изменения в этой области, проделать нужную предварительную работу, подготовить необходимые предпосылки.

¹⁶ *Лейбниц Г. В.* Новые опыты о человеческом разуме. М.; Л., 1936. С. 52.

¹⁷ *Гегель Г. В. Ф.* Наука логики. М., 1970. Т. 1. С. 464.

¹⁸ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 112.

¹⁹ Там же. С. 256.

Так как не только количественные изменения переходят в качественные, но и качественные — в количественные, то для достижения необходимых количественных показателей следует изменять не только количественные характеристики вещей, но и преобразовывать их качество. Так, например, увеличения выпуска продукции можно достичь не только за счет увеличения количества предприятий, но и за счет повышения эффективности производства, не только путем привлечения дополнительной рабочей силы, но и путем улучшения качества работы, путем всемерного укрепления трудовой дисциплины.

Поскольку качественные изменения всегда происходят посредством скачка, а скачок осуществляется в различных формах, то в практической деятельности необходимо уметь прогнозировать форму скачка, учитывать конкретные условия, при которых он происходит, учиться управлять протеканием скачка. Так как каждая вещь обладает множеством качеств, то в практической деятельности очень важно учитывать, какие именно качества вещи изменяются (или требуют изменения) в данный конкретный период времени, какие скачки происходят. При этом особое значение имеет умение отличать изменение основного качества вещи от изменения ее неосновных качеств, скачки революционные от эволюционных. Нужно также иметь в виду, что в первом случае коренная ломка старой качественной основы сопровождается преобразованием также и всех неосновных качеств вещи (т. е. качество преобразуется полностью, целиком), тогда как во втором изменяются лишь ее отдельные неосновные качества. Подчеркивая методологическое значение обоих этих моментов, Ленин писал: «Диалектический процесс развития действительно всовывает еще в пределах капитализма элементы нового общества, и материальные и духовные элементы его. Но социалисты должны уметь отличать кусочек от целого, должны выставлять своим лозунгом *целое*, а не кусочек, должны противопоставлять коренные условия действительного переворота тем частичным штопаниям, которые нередко сбивают борцов с истинно революционного пути»²⁰.

Так как количественные изменения, достигнув пределов меры, всегда вызывают качественные превраще-

²⁰ Там же. Т. 11. С. 370.

ния, то в практической деятельности важно знать, в каких случаях следует способствовать нарушению меры предмета (т. е. ломке старого, смене одних явлений другими), а в каких нужно оставаться в ее границах (т. е. способствовать сохранению меры, ее упрочению). Так, например, большое значение имеет не только своевременная реконструкция действующих предприятий, замена устаревшей техники, но и бережное отношение к технике, создание машин прочных, надежных, долговечных.

Умение учитывать меру (систему мер) предмета, постоянно опираться на нее в своей практической деятельности, превратить это знание в обязательное правило, неотъемлемую норму каждого поступка, каждого акта деятельности — одно из важных методологических требований, вытекающих из диалектики качества и количества. Соблюдение этого требования имеет большое значение для успешной деятельности в любой области действительности, например в деятельности конструктора, инженера, техника. Так, конструируя и эксплуатируя металлорежущий станок или инструмент, необходимо учитывать (наряду с системой других мер) интервал возможных для него скоростей обработки изделий, за пределами которого он выходит из строя; создавая искусственный спутник Земли — не забывать наличия нижних и верхних скоростей его движения (выход за которые ведет либо к падению спутника на Землю, либо к уходу из сферы ее притяжения), используя тот или иной металл или сплав — учитывать меру его прочности, пластичности, твердости и других свойств; создавая ту или иную машину или прибор — находить оптимальное соотношение их габаритов и материала.

IV

СООТНОШЕНИЕ ДИАЛЕКТИКО-МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО МЕТОДА И МЕТОДОВ ЧАСТНЫХ НАУК

Глава первая

ИСТОРИЧЕСКОЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЕ ФИЛОСОФСКОГО И СПЕЦИАЛЬНО-НАУЧНЫХ МЕТОДОВ ПОЗНАНИЯ

Вопрос о взаимоотношениях специально-научных и философских методов неразрывно связан с вопросом о природе и специфике соответствующих типов знания — философского и специально-научного. Являясь элементами сложноорганизованной мировоззренческой системы, философское знание и знание специально-научное выступают как относительно независимые друг от друга формы общественного сознания, граница между которыми в каждую данную историческую эпоху обусловлена уровнем развития материального производства, науки, техники и технологии, а также исторически сформировавшимися способами связи философии и специальных наук с практической деятельностью людей.

Генетически необходимой предпосылкой формирования научно-теоретического знания выступает знание практическое. Этим, собственно, и объясняется его тесная взаимосвязь сначала с религиозно-мифологическим, а позднее — с рационально-философским осмыслением практической деятельности людей и окружающего их мира. При этом следует учитывать, что в возникновении научно-теоретического знания, прежде всего математики, значительную роль сыграло то, что уже до этого (например, в древнегреческих городах-полисах) получила достаточное развитие аргументирующая функция речи, были разработаны логические методы аргументации и доказательства, обеспечиваю-

щие развертывание содержащейся в концептуальных образованиях «скрытой» семантической информации.

Несмотря на то что процесс дифференциации специальных наук и философского знания начался еще в эпоху античности — речь прежде всего идет о математике, статике и астрономии, — необходимо учитывать, что до возникновения науки нового времени естественнонаучное и социальное знания были самым тесным образом интегрированы с философским знанием. Так, например, в основе «физических» представлений Аристотеля и средневековых перипатетиков лежали философские концептуальные модели деятельности, позволявшие объяснить движение небесных и земных тел с помощью понятий «целевой» причины, «способности» к движению и т. д. Что касается античной и средневековой математики, то наглядный характер репрезентации ее идеализированных объектов и использование наряду с силлогистическими приемами в качестве инструментов доказательства линейки и циркуля давало основание отождествлять математическое познание с материальной деятельностью людей, с практическим искусством и методологически интерпретировать это познание в рамках «всеобщих» философских моделей деятельности.

Процесс дифференциации специальных наук и философского знания значительно усилился в XVII—XVIII вв. благодаря возникновению и развитию науки нового времени, появлению новых научных теорий в различных областях физики и химии, где впервые нашли широкое применение прикладные математические модели. Использование математического аппарата не только увеличило дедуктивные и вычислительные возможности науки, но и повлекло за собой радикальную перестройку концептуальных структур специально-научных теорий. (Примером здесь может служить разработка аналитической механики Эйлером, Лагранжем, Д'Аламбером и др.) В этот период истории научного познания возникла и получила известное развитие тенденция к гипотетическим переносам концептуальных моделей из более развитых (и более «бедных» по содержанию) наук в менее развитые области научного знания — такой характер носило, например, использование механических моделей в молекулярно-кинетической теории, в электростатике и электродинамике, термодинамике и т. д. Рост мировоззренческой и аскиоло-

гической значимости теоретической науки находит свое выражение также и в переносе типичных для специально-научного знания методов построения и развертывания теорий на область философского знания (Р. Декарт, Б. Спиноза и др.).

Классическая философская методология фактически исходила из возможности построить некую универсальную «модель» практической и научно-познавательной деятельности, а на ее основе — и модель всех форм духовной культуры, пригодную для любых конкретно-исторических условий и для любого уровня развития производительных сил общества. Однако, являясь наиболее динамичной формой общественного сознания XVII—XVIII вв., научно-теоретическое знание в своем поступательном развитии довольно быстро разрушало эти абсолютные «модели», ставя тем самым под сомнение правомерность традиционного представления о философии как «всезнании» о мире.

С учетом вышеизложенного становятся понятными реальные предпосылки «методологизма» И. Канта, его попытки воспроизвести недифференцированное единство теоретической науки и философии — а тем самым и единство науки с другими формами практического сознания — с помощью универсального абсолютно истинного метода познания, а не посредством универсальных «моделей мира», как это имело место в лейбницевско-вольфовской онтологии. Отталкиваясь от факта существования теоретической науки и отождествляя всеобщие философско-методологические предпосылки познания с соответствующими допущениями общепринятых в его эпоху научных теорий — геометрии Евклида, механики Ньютона и классической логики, И. Кант фактически свел познавательную деятельность мышления к применению неизменных априорных синтетических «форм» к имеющемуся эмпирическому материалу, к его «ассимиляции». В итоге ему удалось не только сохранить такие характеристики научно-теоретического знания, как необходимость и всеобщность, но и обосновать его закономерную неразрывную связь с восприятием, опытом, а тем самым и преодолеть принципиальные недостатки классического эмпиризма и рационализма.

Однако опиравшийся на отождествление философско-методологических предпосылок познания с фундаментальными допущениями общепринятых научных тео-

рий «методологизм» И. Канта в исторической перспективе оказался столь же уязвимым, как и предшествующие попытки построения всеобщих онтологических «моделей мира». Его несостоятельность стала особенно очевидной в связи с открытием в 40-х годах XIX в. неевклидовых геометрий. Но еще задолго до этого события кантовская абсолютизация конкретно исторических форм научно-теоретического знания вызвала принципиальные возражения со стороны пионеров идеи развития, прогресса, пробившей себе дорогу в сфере социогуманитарного познания.

Действительно, в структуре кантовского подхода развитие собственно научно-теоретического знания фактически оказывалось невозможным. Признавая определенную методологическую значимость гипотез на поисковом этапе познания, Кант, однако, ставил их содержание в тесную зависимость от содержания уже имеющихся общепризнанных научных теорий¹. В то же время, отождествляя, по сути дела, собственно научно-теоретическое мышление с «разумным» мышлением, он приписывал идеям «разума» только регулятивную, негативно-критическую функцию. Этим идеям, согласно Канту, ничего не соответствует в опыте, они не имеют эмпирического применения, инструментальны и могут мыслиться лишь проблематически². В итоге оказывалось, что кантовское «разумное» мышление в принципе не способно развиваться по своим собственным относительно автономным законам, а может лишь осуществлять «надзор» за систематическим применением априорных рассудочных форм к эмпирическому материалу³.

На этот аспект учения Канта о методе, как известно, специально обращал внимание Гегель⁴. Отталки-

¹ См.: *Кант И.* Соч.: В 6 т. М. 1964. Т. 3. С. 639.

² См.: Там же. С. 566.

³ См.: Там же. С. 567. По словам И. Канта, «критика нашего разума в конечном счете показывает нам, что чистым и спекулятивным применением разума мы, собственно, ничего не можем познать» (Там же. С. 637).

⁴ «Экзотерическое учение кантовской философии, — писал Гегель в предисловии к первому изданию „Науки логики“, — гласящее, что рассудок не имеет права залетать дальше области опыта и что в противном случае способность познания становится теоретическим разумом, который сам по себе порождает только химерические домыслы, — это учение доставило с научной стороны оправдание отказа от спекулятивного мышления» (*Гегель Г. В. Ф.* Наука логики. М., 1937. С. 1).

ваясь от идей Фихте, он, со своей стороны, пытался преодолеть границы кантовского подхода к «разумному» мышлению, указывая на то, что развертывание концептуального каркаса теоретической системы не требует апелляции к эмпирическим объектам, а вполне может осуществляться по внутренним, присущим только теоретическому мышлению диалектическим законам и принципам. Отсюда, собственно, и следуют принципиальные различия между Кантом и Гегелем в понимании универсального абсолютно истинного метода познания. Если кантовский метод в своей основе есть лишь абсолютизация фундаментальных допущений общепринятых научных теорий (в геометрии, естествознании и классической логике), то метод Гегеля — это разработанная им же целостная теоретическая система диалектической логики⁵. Обосновывая свою методологию, Кант прежде всего апеллировал к чувственно-эмпирическому опыту и к факту существования теоретического естествознания, а Гегель — к истории развития божественного мирового «духа», который выступает у него и как чистая логика, и как универсальная теория развития природы, общества, всех форм духовной культуры.

Характерно, однако, что Гегелю так и не удалось интерпретировать свою диалектико-логическую теорию в качестве теории развития одной из важнейших форм духовной культуры — научно-теоретического знания. Теоретическую науку (математику, естествознание и т. д.) он относил к низшему, «рассудочному» типу знания, считая, что ее предмет ограничен внешним, эмпирическим. Поскольку, с его точки зрения, теоретическая наука не оперирует идеализированными объектами, то у нее нет и не может быть собственной внутренней основы для развертывания своих концептуальных структур. Отсюда и характерный для Гегеля негативизм не только по отношению к формальной логике, но и по отношению к математике и теоретическому естествознанию, — негативизм, играющий важную роль в обосновании абсолютной универсальности его собственного подхода.

⁵ В своем предисловии к «Феноменологии духа» Гегель писал по этому поводу, что «изложение его (т. е. метода. — И. М.) в собственном смысле относится к логике или, вернее, есть сама логика. Ибо метод есть не что иное, как все сооружение в целом, воздвигнутое в его чистой существенности» (Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. М., 1959. С. 25).

Если отбросить мистическую, спекулятивно-идеалистическую сторону диалектико-логической теории Гегеля, оценивая лишь ее рациональное конкретно-научное и методологическое содержание, то нетрудно также заметить, что в ее основе лежит неправомерное отождествление логики развертывания и развития знания в рамках отдельной замкнутой концептуальной структуры с логикой развития знания вообще. Именно этим объясняются ограниченность смысловых ресурсов категориальной структуры гегелевской логики, ее замкнутый характер, использование Гегелем только «кумулятивных» методов порождения нового теоретического содержания, новых понятий⁶. Здесь отчетливо проявилась реальная взаимосвязь между потенциальными смысловыми ресурсами любой концептуальной системы, с одной стороны, и возможностями ее экстенсивного расширения — с другой.

Таким образом, как это следует из вышеизложенного, диалектико-логическая теория Гегеля реально могла быть использована только как метод развертывания содержания замкнутой теоретической системы. Что касается попыток Гегеля интерпретировать свою теорию как универсальную теорию развития различных форм практического сознания — философии, права, религии и т. д., то именно в этом своем качестве она оказалась наиболее уязвимой для критики. Отсюда неспособность категорий системы охватить многообразие содержания результатов исторических исследований (истории науки — в особенности, поскольку специально-научное знание, по Гегелю, это сфера «рассудочного», кумулятивного мышления). В этом отношении особый интерес представляет критика К. Марксом философии права Гегеля, характерного для него

⁶ Так, например, в диалектико-логической теории Гегеля допускается только одна-единственная «кумулятивная» форма разрешения и движения диалектических противоречий — с помощью введения посредствующего звена, где исходные противоречия снимаются и синтезируются, будучи отнесены к различным логическим субъектам (см.: *Гегель Г. В. Ф.* Наука логики. С. 524). Использование такой «кумулятивной» формы движения противоречий не только правомерно, но и необходимо, если речь идет о порождении нового содержания конкретной научной теории. В противном случае какая-то часть содержащейся в ее концептуальной структуре, ее теоретических объектах семантической информации просто бы «терялась».

«некритического позитивизма». По сути дела, ее следует рассматривать и как критику гегелевской «универсальной» теории развития.

Рассматривая эволюцию классической философской методологии XVII — начала XIX в., ее отношение к специально-научному знанию, необходимо учитывать, что до середины XIX в. существовал значительный разрыв между теоретической наукой, с одной стороны, и материальной практикой — с другой. Фактически развитие техники и технологии в этот период оставалось делом рук практиков — инженеров, механиков и т. д. В мировоззренческом плане это приводило к господству практических форм общественного сознания, к примату теологии, а позднее и философской метафизики над специально-научным знанием. Лишь в результате осмысления вклада практиков в развитие техники и технологии и соответствующего развития производства постепенно в XIX в. создаются предпосылки для формирования прикладных наук, а затем и наук технических. Тем самым возникает посредствующее звено и соответственно механизм обратной связи между теоретической наукой и производством. При этом открываются новые материальные возможности проверки научных теорий и становится излишним поиск каких-либо спекулятивно-философских методов познания, которые бы сами по себе, безотносительно к результатам их применения в технике, технологии, производстве, к историческому материалу и т. д. гарантировали абсолютную истинность теоретических конструкций.

В сопоставлении с гегелевским спекулятивно-философским учением о методе отчетливо заметен тот шаг, который был сделан К. Марксом и Ф. Энгельсом в направлении более глубокого понимания методов научного познания, а также двойственного, экстенсивного и интенсивного, характера развития человеческого мышления и научно-теоретического знания. Материалистическое понимание истории впервые указало на реальную основу этого развития, поставив его в зависимость от развития материальной практики людей, и тем самым сняло противоречащие духу материалистической диалектики ограничения, которые являлись непременным атрибутом гегелевского подхода.

У Маркса, Энгельса и Ленина вопрос об истинности научно-теоретического знания неразрывно связан с

практикой, с практически-преобразующей деятельностью людей. Говоря о научных абстракциях, необходимых для воспроизведения реального исторического хода событий, Маркс и Энгельс подчеркивали, что «абстракции эти сами по себе, в отрыве от реальной истории, не имеют ровно никакой ценности. Они могут пригодиться лишь для того, чтобы обеспечить упорядочение исторического материала, наметить последовательность отдельных его слоев. Но, в отличие от философии, эти абстракции отнюдь не дают рецепта или схемы, под которые можно подогнать исторические эпохи.

Наоборот, трудности только тогда и начинаются, когда приступают к рассмотрению и упорядочиванию материала — относится ли он к минувшей эпохе или к современности, — когда принимаются за его действительное изображение»⁷.

В отличие от научной революции XVI—XVII вв. революция в естествознании на рубеже XIX—XX вв. происходила в условиях все усиливающегося процесса превращения науки в непосредственную производительную силу общества. Именно это обстоятельство в конечном итоге обусловило постепенную дифференциацию методологии от собственно философского знания и способствовало развитию специально-научных методологических исследований, расцвет которых мы теперь наблюдаем. В ходе последней научной революции произошел наиболее радикальный и вместе с тем конструктивный сдвиг в гносеологическом понимании методов научного познания. Ее последствия сделали неизбежным широкое признание открытой Марксом и Энгельсом социальной природы познания, относительно истинного, исторически преходящего характера всех конкретных форм знания и методов науки.

Крах классического понимания науки, опиравшегося на дихотомию безусловной истинности или ложности основополагающих принципов теорий, конечно, создал благоприятные предпосылки для постепенного формирования новых методологических представлений. Тем актуальнее была идея Ленина о том, что положения науки следует рассматривать как утверждения относительно истинные, что «пределы истины каждого научного положения относительны, будучи то раздвигаемы, то суживаемы дальнейшим ростом зна-

⁷ Там же. Т. 3. С. 26.

ния»⁸. Такой гносеологический подход, по существу, снимал спорный вопрос о природе и характере принципов научно-теоретического знания, что было камнем преткновения для всех направлений классической философской методологии, давал для его решения твердую основу, а тем самым и определял пути преодоления кризиса методологических оснований науки.

В этих условиях дальнейшая специфическая задача методологии состояла в разработке специальных моделей собственно научного знания, адекватных новому гносеологическому пониманию природы научных утверждений, в исследовании возникших в связи с этим проблем обоснования всего комплекса научно-теоретического знания. Доказавший свою эффективность гносеологический подход к теориям, гипотезам и экспериментальным законам как к формам относительно истинного знания был впоследствии конкретизирован и развит с учетом результатов логико-методологических, семантических, системно-структурных и т. п. исследований научно-теоретического знания, закономерностей его функционирования и роста. Исторически такого рода возможности открылись благодаря появлению новой техники анализа знания, которая к середине 30-х годов нашего столетия уже рассматривалась как эффективный инструмент метаматематических исследований.

Современное марксистское понимание специально-научных и философских методов познания исходит из признания необходимости учитывать качественную специфику этих методов, их применение в относительно независимых областях знания, где имеются своя исторически сложившаяся проблематика, свои нормы и стандарты доказуемости, обоснованности и т. д. Всем формам активного отражения действительности — научным теориям, концептуальным моделям и т. д. — как феноменам общественного сознания присущи свои относительно автономные принципы организации и функционирования. Отсюда, собственно, и следует многообразие методов современного научного познания.

Марксистское философское понимание методов научного познания успешно преодолело недостатки наивно-реалистических и инструменталистских методологических представлений. Если наивный реализм, опи-

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 137.

раясь на принцип «зеркального» отражения, исходил из существования у методов научного познания непосредственных чувственно-эмпирических коррелятов, то инструменталистские методологические концепции в конечном итоге рассматривали эти методы лишь как «бессодержательные», формальные схемы, позволяющие ассимилировать имеющиеся эмпирические данные. Открытие материалистического понимания истории впервые позволило последовательно материалистически обосновать гносеологический статус всех методов научного познания, рассматривая их как специализированные формы активного, социального отражения общественного бытия, а следовательно, и как результат отражения соответствующего уровня развития производительных сил, материальной практики и научно-познавательной деятельности людей.

Практическое применение теории как метода познания и преобразования действительности позволяет решить вопрос о ее истинности, а также является необходимой предпосылкой дальнейшего развития знания, условием построения новых, более адекватных теорий. Имея на «входе» некоторое множество фактических данных, с помощью теории можно получить из них другое потенциально бесконечное множество данных, т. е. осуществить предсказание новых фактов, явлений и событий, о которых до ее построения ничего не было известно. Научная теория также дает возможность предсказать новые экспериментальные законы, помогает проектировать экспериментальные установки и, наконец, позволяет направлять и контролировать ход научного исследования — задает класс разрешимых проблем, определяет пути их возможных решений, влияет на отбор и интерпретацию фактов и т. п. По существу, никакое научное открытие (за исключением чисто случайных, которые крайне редки в истории познания), никакое решение научных проблем не могло бы состояться без опоры на теорию или на то, что ее заменяет — гипотезу, концептуальную модель и т. д.

В то же время ясно, что научная теория (или концептуальная модель) — это не просто конгломерат каких-либо идей, принципов или гипотез. Являясь феноменом общественного сознания, научная теория всегда выступает в виде специальным образом организованной концептуальной структуры (или системы структур). Методы организации, способы построения этих струк-

тур, естественно, нельзя рассматривать как репродуктивное воспроизведение каких-то объективных характеристик самой природной действительности, а только как результат активного отражения общественного бытия. Аналогичным образом дело обстоит и с методами развертывания «скрытой», потенциально содержащейся в концептуальных объектах информации, с экспериментальным методом и т. д. Гносеологический статус этих методов также может быть материалистически обоснован только с учетом того факта, что они являются активным отражением соответствующего уровня развития материального бытия людей, их практически-преобразующей деятельности. Разумеется, активный характер отражения всех методов научного познания не только не исключает, а, наоборот, предполагает наличие внутренней, относительно автономной логики развития методологических представлений, совершенствование методологического арсенала науки на своей собственной основе. Однако пределы этого развития всегда определяются социально-объективными, материальными факторами.

Наличие качественных различий между философским и специально-научным знанием, разумеется, не означает, что в этих областях не могут быть использованы одни и те же методы научного познания. Так, например, диалектико-логические методы, равно как и правила логического вывода, находят самое широкое применение и в конкретных науках — истории, политэкономии и т. д. и в философских дисциплинах — этике, эстетике и т. п. В то же время использование математических моделей, системного анализа, экспериментального метода характерно только для специально-научного знания. Разумеется, философскому познанию вовсе не чужды такие методы, как гипотеза, концептуальная модель или теория, хотя в содержательном отношении они и отличаются от соответствующих методов специальных наук.

Так, например, для философской диалектико-материалистической теории первостепенное значение имеет исследование природы познавательного процесса в целом. А это предполагает выдвижение на передний план и изучение главным образом тех проблем, которые прямо касаются основного вопроса философии или его непосредственных следствий — социальной природы познания, зависимости форм познавательной деятель-

ности людей от общественного бытия, от уровня развития производительных сил общества, специфики научно-теоретического познания, диалектики абсолютной и относительной истин и т. д. Короче, ее прежде всего интересуют крупномасштабные, мировоззренческие по своей сути изменения и сдвиги в развитии познания. При этом данная теория учитывает, что познавательный опыт человечества включает в себя не только опыт научно-теоретического познания, но и познания практического в его исторической взаимосвязи с теоретической наукой и другими элементами духовной культуры. Другими словами, здесь принимается во внимание тот факт, что познавательный опыт формируется на основе всех социальных форм «жизни» научного знания, всех сторон материальной и духовной деятельности людей, живущих в данную конкретно-историческую эпоху.

Суммируя познавательный опыт, диалектико-материалистическая теория, естественно, также учитывает его дифференцированность на современном этапе, т. е. то обстоятельство, что различные стороны этого опыта в настоящее время являются предметом детального анализа различных специальных дисциплин — логики и методологии науки, истории науки, социологии знания, когнитивной психологии и т. д. Соответственно она и не ставит перед собой задачу детального описания специфических закономерностей развития научно-теоретического знания, механизмов формирования и эволюции научных теорий, гипотез, исторических изменений в стандартах научности, подробного анализа процедур применения различных специальных методов познания и т. д. Таким образом, можно утверждать, что вырабатываемое диалектико-материалистической теорией философское представление о познавательном процессе является выводом из опыта развития познания, как он фиксируется в данной стадии развития культуры.

С учетом качественных различий между философским и специально-научным знанием (а эти различия находят свое выражение прежде всего в принципиальной несводимости соответствующих концептуальных структур, в специфике соответствующих предметов исследований и т. п.), по-видимому, можно говорить о системном характере их взаимосвязи в рамках единого культурного целого. Реально эта взаимосвязь на-

ходит свое выражение в том, что при сохранении своей относительной автономии специально-научные исследования не могут игнорировать достигнутый уровень познавательного опыта, опыта культуры, зафиксированного в обобщенной форме в соответствующих положениях диалектико-материалистической теории. Функционируя в определенном культурном «срезе», данная философская теория сама включается в реальный ход познания в качестве метода и в известных границах меняет, преобразовывает его. Таким образом, она выступает одновременно и в качестве мировоззренческой, и в качестве общеметодологической концепции.

С другой стороны, представляется достаточно очевидным, что для успешного выполнения этой своей функции философское понимание познания в целом и научного познания в частности не может не опираться на получившие подтверждение на практике результаты специальных наук, на достижения специально-методологических, историко-научных и иных исследующих науку дисциплин. В тесной координации результатов, полученных специальными науками, с философским знанием заключается один из важнейших источников развития теории материалистической диалектики.

Глава вторая

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ.

ЕДИНСТВО ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Здесь речь будет идти не о соотношении теории и практики в общепринятом абстрактно-гносеологическом смысле слова, когда не спрашивают ни о характере практики, ни о характере теории, когда неизвестно, о какой практике и о какой теории идет речь. Здесь речь пойдет об особенной практике и об особенной теории, а также об особенном взаимоотношении теории и практики, вернее, о том их единстве, в котором в качестве одной из сторон выступает революционная практика, а в качестве другой — революционная теория в лице материалистической диалектики или в некоторой иной форме сознания, имеющей своей общетеоретической основой диалектико-материалистические прин-

ципы. Речь будет идти о той связи теории и практики, которая создается с помощью диалектического метода и удерживается им.

Взаимоотношение практики и теории менялось и принимало различные формы на различных уровнях развития общественной истории, социальной деятельности и социального познания, ступенях овладения природой человеком и уровнях отражения этой природы в человеческом сознании.

Сознание так или иначе всегда было каким-то образом вплетено в практическую деятельность людей и никогда не могло быть чем-либо другим, кроме как осознанным бытием. Но бытие людей как практический процесс их жизни, естественно, не всегда было осознанным в одинаковой мере, не всегда в одинаковой мере деятельность людей подвергалась контролю их всеобщего общественного интеллекта — это плод высшего уровня движения человеческой истории, того уровня, с которым кончается предыстория общества со всеми ее атрибутами и начинается истинная история человечества.

Истинная история требует не просто высочайшего уровня знаний человека о целостности того общества, в котором он живет, но и поднятия практического процесса, т. е. процесса производства *совокупной* жизни людей на уровень принципов коммунистического движения, или (что в данном случае одно и то же) на уровень истинной человечности, истинного исторического творчества, вырвавшегося из оков социальных антагонизмов и всеобщего отчуждения на широкие просторы всемирной истории.

Эта задача в той или иной мере всегда решалась лучшими умами человечества, но никогда не была столь острой и актуальной, как в наше время, когда развитие техники и науки оборачивается величайшей опасностью для судеб всего человечества, всей мировой цивилизации.

Эта угроза настоятельно требует подчинения всего общественного развития современности контролю всеобщего общественного интеллекта, самой разумной формы разума («нового мышления»), контролю, если можно так сказать, всеобщего разума человечества — истинно человеческого разума.

Но здесь имеется также проблема: на роль истинных выразителей человеческой разумности претендуют

различные классы и общества, выдвигаются различные концепции. Однако на поверку оказывается, что многие из них не являются разумными формами разума. Прежде всего, такими формами не являются те концепции, в которых делается попытка оправдать консервативную и реакционную практику и политику. С позиций такой практики и такой политики невозможно найти разумное в научном и гуманистическом смысле объяснение происходящего в современном мире, разделенном на антагонистические формации, ибо субъекты этой практики и этой политики не заинтересованы (причем не просто субъективно, но и объективно) в научном познании тех законов развития общества, реализация которых происходит через снятие низших его форм высшими.

Решение задач, которые осаждают в настоящее время человеческий разум, разум человечества, возможно только с иных практических и теоретических позиций и в рамках теории именно этой практики — теории, выражающей именно эти позиции. Уяснение этой истины позволило К. Марксу быть реалистом, оставаясь гуманистом, стоять на позициях особого класса и быть научно объективным. Дело в том, что позиции пролетариата, как полагал сам Маркс, принципиально отличаются от позиций всех других классов. В пролетариате он открыл ту историческую силу, которая призвана во имя будущего разрушить прошлое и настоящее и построить новое общество, ибо пролетариат сознательно, деятельно отрицает, т. е. критически осваивает, все богатство предшествующего исторического развития человечества. Революционная, практически-критическая деятельность пролетариата по своему историческому содержанию и задачам является практикой на высоте принципов диалектического мышления, практикой, которая впервые утверждает не условия господства одного класса над другим, но условия свободного развертывания и осуществления человеческой деятельности как таковой. В деятельности пролетариата, пронизанной активным гуманистическим содержанием, возрождается человек. Пролетариат может возродить себя лишь путем *полного возрождения человека*. Уничтожая все формы отчуждения, пролетариат утверждает самоценность человеческой личности, создает условия для подлинного развития человека. С «особых» позиций этого класса можно ставить и решать проблемы общечеловеческой

эмансипации и все другие «глобальные» проблемы современного общества.

Человеческая история представляет собой не какую-то ограниченную и абсолютно ровную плоскость, которую можно хорошо обозреть с каждого ее отрезка, из каждой ее части. История — это сложный противоречивый процесс, полный, фигурально выражаясь, различных возвышенностей и низменностей, ухабов, оврагов, гористых местностей и долин, и для того, чтобы хорошо обозреть все это целое, составить ясное представление о нем, о законах его движения, нужно выбрать самую высокую точку, самый высокий пункт. История сама породила этот пункт — принесла миру всемирное пролетарское движение, особенную практику, толкающую к научному пониманию человеческой истории, требующую такого понимания, ибо она не может быть реализована без него. Вместе с этой практикой историческое движение породило и теорию этой практики — материалистическую диалектику как учение о полном противоречий историческом развитии, как теорию исторического прогресса и руководство для действия тех социальных сил, которые действительно заинтересованы в осуществлении этого прогресса.

Коммунизм и есть реализация диалектико-материалистического понимания законов в истории, или открытых в этом понимании законов истории. Материалистическая диалектика как теоретическое выражение прогрессивных процессов в современной истории обосновывает объективную необходимость коммунистического преобразования мира, которое, разумеется, осуществляется не само по себе, но лишь в деятельности людей. Она возникла как наука о преобразовании природного мира в человеческий мир, прежде всего как теория революционного преобразования самого человеческого мира в *человечный* мир, возвышения человека на человеческую высоту.

На этой ступени движения всемирной истории совершенно иначе встает вопрос о взаимоотношении, о единстве практики и теории: как вопрос конкретной исторической практики, которая является первым аналогом истинно человеческой практической деятельности, подлинно гуманистической формой опредмечивания и обратного присвоения человеком своих сущностных сил. Значение этого нового пункта, истинного ключа в понимании человеческой истории, наиболее наглядно

обнаруживается тогда, когда он предстает перед нами как результат всего исторического процесса, как результат работы всей всемирной истории. Вся всемирная история работала для эмпирического порождения этого движения. К. Маркс очень образно представил этот процесс, начиная с той практики, которая содержала в себе самые низкие формы сознания, и кончая той практикой, которая содержит в себе принципы коммунистического преобразования мира, подчеркивая при этом, что истинная теория и истинная практика и исторически, и логически обуславливают друг друга. Для каждого уровня развития человеческой практики характерен особый тип взаимоотношения чувственной и теоретической деятельности человека, и каждая материальная и теоретическая деятельность выступала в своем специфическом и конкретно-историческом взаимоотношении и влиянии. Это тоже было единство теории и практики, но единство неистинное, зачастую мистифицированное: подлинное единство теории и практики возможно, по нашему мнению, только как единство истинной теории и истинной практики, причем само это единство достигается не стихийно, а сознательно, в процессе борьбы и труда, т. е. *это единство само должно быть произведено человеком*. У Маркса по этому поводу имеются замечательные слова: «В какой мере разрешение теоретических загадок есть задача практики и опосредствуется практически, в какой мере истинная практика является условием действительной и положительной теории, видно, например, на *фетишизме*. Чувственное сознание у фетишиста иное, чем у грека, потому что его чувственное бытие еще иное. Абстрактная вражда между чувством и духом необходима до тех пор, пока собственным трудом человека еще не созданы человеческий вкус к природе, человеческое чувство природы, а значит и *естественное* чувство человека»¹.

Здесь речь идет о человеческой практике, взятой как история во времени, или об истории, взятой как практический процесс жизни людей. Фетишистское сознание примитивного человека можно объяснить низким уровнем развития его чувственной деятельности по преобразованию природы. О низком уровне развития его чувственного преобразования природы, его практики свидетельствует сама включенность в нее фетиши-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 135.

стского сознания. То, что сказано здесь, можно применить ко всякой иной практике, т. е. человеческой практической деятельности на каждом конкретно-историческом уровне ее развития. Но хотя последующие конкретно-исторические типы общественной практики с точки зрения их чувственно-преобразующей и теоретико-отражательной сторон были на гораздо более высокой по сравнению с фетишистской ступени развития, только революционная практика пролетариата дала возможность раскрыть действительное место и значение чувственно-преобразующего момента в движении человеческой истории. И это понятно, ибо до тех пор, пока в качестве субъекта истории выступали классы, непосредственно не связанные с процессом производства, производственная деятельность людей не могла получить своего истинно теоретического, идейного выражения. Но, несмотря на то что историческое разделение труда ориентировало одних больше на чувственную, а других больше на теоретическую деятельность, каждому уровню исторической практики соответствовал свой специфический тип взаимоотношения чувственной и мыслительной, практической и теоретической деятельности, их определенное пропорциональное соотношение, так что и самые абстрактные философские спекуляции, как и истинные идейные построения, не могут быть ничем иным, кроме как отражением совокупной естественно-исторической, преобразующей и творческой деятельности общественного человека. Как свободное и творческое преобразование мира, практика есть основа тотальности человеческой жизни, ее всеобщая основа, которая всегда выражалась в определенных взаимоотношениях мысли и дела, чувственной и теоретической деятельностей или неотъемлемых сторон единой сущностной деятельности человека. При этом, конечно, нужно постоянно иметь в виду, что речь идет всегда о взаимодействии при определяющей роли практики, а не об одностороннем воздействии практики на сознание (теорию), при котором сознание низводится до пассивного созерцания, и не об одностороннем воздействии сознания на практику, при котором практика исключается внеположностью идеи, сознания и других духовных «демиургов» материального. Кажущееся в прежние исторические эпохи лишь внешним и односторонним взаимоотношением между теорией и практикой, чувственной и теоретическими деятельностями раскрывает

свою глубокую и изначальную внутреннюю связь, которая уродовалась и мистифицировалась классовыми антагонизмами, на основе единства истинной теории и истинной практики, когда практика общества становится в наибольшей мере сознательной, а сознание — практическим, т. е. *в том пункте, после которого дальнейшее развитие человеческой практики, как истории во времени, становится принципиально невозможным без научной теории, без научной диалектики.* А поскольку такая практика, которую вычленяет само историческое движение на сравнительно высоком уровне общественного развития, есть практика рабочего класса, то дальнейшее успешное осуществление общественной практики становится принципиально невозможным без революционной теории. Тогда на смену науке доктринерской приходит наука революционная. И по мере того, как движется вперед история, а вместе с тем и и яснее обрисовывается борьба нового со старым, прогрессивного с застойным, для теоретиков этой борьбы, этого неизвестного прежней истории типа практики, «становится излишним искать научную истину в своих собственных головах; им нужно только отдать себе отчет в том, что совершается перед их глазами, и стать сознательными выразителями этого»².

Научная истина об этой практике (а с позиций этой практики — о всей человеческой истории) впервые нашла свое выражение в материалистическом понимании истории.

Взяв практику пролетариата в качестве исходного пункта исследования, классики марксизма-ленинизма сумели понять человеческую практику как основу производства совокупной человеческой жизни. В практику как основу тотальности человеческого проявления жизни научная теория посредством диалектического метода была «включена» в качестве ее внутреннего момента, изнутри освещающего путь ее осуществления, ее перспективы, в роли ориентира в наличной эмпирии. Общественное сознание в форме материалистической науки об обществе становится величайшей практической силой исторического движения, которое осуществляется в процессе перехода субъективного в объективное, общественной теории в общественную практику. Здесь почти наглядно выясняется, что не только мысль стре-

² Там же. Т. 4. С. 146.

мится к действительности, но и сама эта действительность стремится к мысли, требует научной мысли, ибо без нее она не может более развиваться, по крайней мере в прогрессивном направлении. Это взаимное стремление и необходимость его реализации — одна из актуальнейших проблем нашей перестройки. Если в прежние исторические эпохи сознательность подчинялась стихийности как одному из элементов осуществления общественного развития в форме естественноисторического процесса, причем момента, относящегося в основном к индивидуальным формам практики, то после открытия революционно-критической деятельности и создания материалистического понимания истории стихийность становится подчиненным моментом сознательности. На смену *естественноисторическому* движению общества приходит *историческое* движение его. Но с этим переходом не отменяется объективный характер законов общественного развития, а только ставится на место стихийной формы их протекания; сознательная, человеческая история становится сознательной объективностью, объективностью, обладающей сознанием и содержащей в самой себе момент направленности, предвидения, плана и контроля. При таком понимании взаимоотношения практики и теории концепциям натурализма, рассматривающим сознание как пассивное отражение объекта (деятельного или пассивного), приходит конец: сознание *о мире* становится *сознанием мира*, практического мира и занимается этой действительностью вместо того, чтобы создавать бесплодные натуралистические и утопические конструкции о мире, как чем-то абсолютно потустороннем человеческому преобразованию его.

Сознание каждого поколения живых человеческих индивидов, которые во все времена были творцами своей истории, есть всегда его сознание. В противном случае трудно было бы понять саму возможность их практики, проблемы, которые они ставят перед собой. Само собой понятно, что это единство имеет исторический характер, что оно изменялось в каждую историческую эпоху в зависимости от большего или меньшего развития материальных и духовных потенций общества: оно постоянно раздваивается на свои противоположности, что является не случайным, если иметь в виду закономерно и постоянно возникающее и разрешающееся противоречие между историческим сознанием и чувст-

венным, эмпирическим, наличным бытием людей каждой данной исторической эпохи. Практика как постоянный процесс преобразования, диалектического отрицания природного и социального данного, выхода за пределы существующего по своему основному существенному определению является антиконсервативной и антидогматической. А это существенное всеобщее основное определение практики заключено даже в ходячем ее определении как деятельности по изменению мира.

Материалистическая диалектика выступает не только как метод познания, но и как метод революционного преобразования мира. Именно метод есть то, посредством чего сознательно осуществляется соединение марксистского учения с революционной практикой в процессе исторического развития. Любое пренебрежение этим методом приводит к отрыву теории от практики. В связи с этим в определенном смысле можно сказать, что связь с практикой — существенная черта диалектического метода, без которой он просто не будет марксистским методом и без которой все другие рассуждения о диалектическом методе не воспроизводят его действительной и противоречивой сущности. Короче: точка зрения единства теории и практики — принцип диалектического метода.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие. Значение метода . . (И. Элез)	3
---	---

I

ОСНОВНЫЕ ОБЩИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДИАЛЕКТИКО-МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО МЕТОДА

Глава первая. Превращение К. Марксом и Ф. Энгельсом диалектического метода в научный метод познания и революционного преобразования мира . (И. Элез, Нгуен Ван Нгуа, Нгуен Зуй Куи)	9
Глава вторая. Основные характеристики диалектического метода познания . (А. Н. Шептулин)	28
Глава третья. Материалистическая диалектика как теория, метод и методология (Ле Хью Танг)	40

II

СТРУКТУРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ДИАЛЕКТИКО-МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО МЕТОДА

Глава первая. Единство анализа и синтеза (И. Элез)	56
Глава вторая. Единство исследования и диалектического изложения (И. Элез)	72
Глава третья. Единство восхождения от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному (Г. И. Савченко, Лай Ван Тоан)	89
Глава четвертая. Единство восхождения от частного к общему и восхождения от общего к частному (Г. Д. Левин)	107
Глава пятая. Единство исторического и логического (Лай Ван Тоан)	122

III

ПРИНЦИПЫ ДИАЛЕКТИКО-МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО МЕТОДА

Глава первая. Принцип как форма развития знания . . . (С. И. Шлекин)	131
---	-----

Глава вторая. Принцип объективности рассмотрения (И. Элез)	145
Глава третья. Историзм как принцип диалектического метода . . (Е. Л. Черткова)	159
Глава четвертая. Принцип единства противоположностей (А. А. Осовцов, В. И. Метлов)	170
Глава пятая. Принцип детерминизма (И. М. Шорохов)	189
Глава шестая. Диалектика необходимого и случайного (Б. А. Яхонтов, А. С. Майданов)	202
Глава седьмая. Диалектика количественной и качественной определенностей . (Ю. А. Дмитриев)	224

IV

СООТНОШЕНИЕ

ДИАЛЕКТИКО-МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО МЕТОДА И МЕТОДОВ ЧАСТНЫХ НАУК

Глава первая. Историческое взаимоотношение философского и специально-научных методов познания (И. П. Меркулов, Нгуен Чонг Тьуан)	235
Глава вторая. Вместо заключения. Единство теории и практики (И. Элез)	247